

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

4 (34)

2022

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2022 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Егоров В.Н. – заместитель главного редактора, канд. ист. наук

Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук

Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук

Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук

Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Каширина Т.В. – д-р ист. наук

Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Белобров Ю.Я.</i> «Гибридные войны» НАТО: концепции и методы ведения	6
<i>Борисов А.В.</i> Гуманитарная система ООН: за пределами гуманности	22
<i>Жильцов С.С.</i> Политика России в Арктике в условиях геополитического соперничества	36
<i>Зотов В.С.</i> О некоторых проблемах организации международной деятельности российских вузов	48
<i>Карпович О.Г., Смагина Л.А.</i> Реализация «зеленой» повестки в рамках СНГ: проблемы и перспективы	66

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Ильюшин П.С.</i> Специальная военная операция по защите Донбасса: позиция религиозных организаций России	81
<i>Троянский М.Г., Чеснокова А.В.</i> «Народная война» Китая против пандемии COVID-19.	95
<i>Ким Мин Кёль.</i> Идеи Китая о мировой стратегии в «трех исторических резолюциях»: идеологические метафоры и внешняя политика	106
<i>Степанов А.Ю.</i> Экспортный потенциал военно-промышленного комплекса Китая	120
<i>Карачин И.О.</i> Состояние и перспективы трудовой миграции в ЕАЭС	148
<i>Ахмедова С.А.</i> Двустороннее узбекско-азербайджанское политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество в конце XX – начале XXI века	160
<i>Рябинина О.К.</i> Геополитическая ситуация в Балтийском регионе: современные тенденции	174
<i>Кирилина Е.Ю.</i> Перспективы внешнеполитического курса ФРГ при новой правящей коалиции О. Шольца	184

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Лисенкова А.Д.</i> Влияние экологической повестки на участие европейских партий в выборах в Европейский парламент 2019 г.	202
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Гаврилова С.М.</i> Общеευропейские политические партии в XXI веке	219
--	-----

К сведению авторов.	233
--------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021).

- 5.2.5. World economy;
- 5.5.2. Political institutions, Processes, Technologies;
- 5.5.4. International relations;
- 5.6.7. The history of international relations and foreign policy.

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2022 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)
Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)
Marina Tkachenko, DSc (Economics)
Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)
Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Tatiana Kashirina, DSc (History)
Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)
Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)
Rafik Usmanov, DSc (Political Science)
Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2022
© Page make-up. «Kvant Media», 2022

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Yuriy Belobrov.</i> NATO's "Hybrid Wars": Conception and Methods of Waging	6
<i>Alexey Borisov.</i> The UN Humanitarian System: Beyond Humanity	22
<i>Sergey Zhiltsov.</i> Russia's Policy in the Arctic in the Conditions of Geopolitical Rivalry	36
<i>Vyacheslav Zotov.</i> Some Problems Within the Organization of International Activity of Russian Universities	48
<i>Oleg Karpovich, Lubov Smagina.</i> Implementation of the "Green" Agenda Within the CIS: Problems and Prospects.	66

REGIONAL PROBLEMS

<i>Pavel Ilyushin.</i> The Special Military Operation to Protect Donbass: The Position of Russian Religious Organizations	81
<i>Mikhail Troyansky, Alina Chesnokova.</i> China's "People's War" Against the COVID-19 Pandemic	95
<i>Kim Min Koel.</i> China's World Strategy Thoughts in "Three Historical Resolutions": Ideological Metaphors and Foreign Policies	106
<i>Alexandr Stepanov.</i> Export Potential of the Military-Industrial Complex of China	120
<i>Igor Karachin.</i> The State and Prospects of the EAEU in the Settlement of Labor Migration	148
<i>Saida Ahmadova.</i> Bilateral Uzbek-Azerbaijani Political, Economic and Humanitarian Cooperation at the End XX — Early XXI Century	160
<i>Olga Ryabinina.</i> The Geopolitical Situation in the Baltic Region: Current Trends	174
<i>Elizaveta Kirilina.</i> Prospects of the Foreign Policy Course of the FRG under O. Scholz's New Governing Coalition	184

HISTORY AND RELIGION

<i>Alena Lisenkova.</i> The Influence of the Environmental Agenda on the Participation of the European Parties in the 2019 European Elections	202
--	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Svetlana Gavrilova.</i> Pan-European Political Parties in the XXI Century	219
--	-----

Notice to the authors	233
--	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Белобров Юрий Яковлевич,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Yuriy Ya. Belobrov,

Ph. D. (Political Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: yuriy.belobrov@dipacademy.ru

«ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ» НАТО: КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ

NATO'S "HYBRID WARS": CONCEPTION AND METHODS OF WAGING

Аннотация: государства — члены Североатлантического блока, торжественно провозгласив завершение холодной войны, на самом деле перешли к более изощренной враждебной деятельности против России и Китая, заменив политику холодной войны на «гибридную», или операции в «серой зоне». В результате отношения России со странами НАТО представляют теперь худший вариант противоборства.

Ключевые слова: НАТО, холодная война, «гибридная война», Россия, конфронтация, кибероперации.

Abstract: states-members of NATO, having solemnly pronounced the end of the “cold war”, in reality launched the ever intensive hostile activities against both Russia and China, by switching their policy from the “cold war” to the “hybrid” war, or to operations in the “gray zone”. This is why relations of Russia with NATO represent nowadays the worst scenario of confrontation between themselves.

Key words: NATO, cold war, “hybrid war”, Russia, confrontation, cyberoperations.

Введение

На современном этапе противоборство между коллективным Западом и его конкурентами на международной арене приобрело всеохватывающий характер. Оно стало более изощренным или «гибридным», то есть происходит стирание грани между миром,

кризисом и конфликтом, использование целого комплекса силовых и несиловых методов борьбы. Как отмечают отечественные эксперты, «отличить состояние войны и мира стало практически невозможно, к тому же теперь довольно сложно определить акт агрессии и самого агрессора» [12, с. 564].

Особое значение в этом конфликте придается Западом средствам злонамеренного информационного воздействия на гражданское общество государств потенциальных противников с целью расшатать их социально-экономические, идеологические и политические устои. По оценке американского эксперта Ч. Фримана, «в условиях набирающей силу технологической революции возможности государств и негосударственных акторов формировать общественное мнение в других странах беспрецедентно возросли». Современные информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), как отмечает он, дают возможность осуществлять неявное воздействие на социальные массы в киберпространстве с помощью операций психологического воздействия с использованием ИКТ. «Подобное применение научных достижений может привести к эрозии государственного суверенитета, поскольку в результате таких действий нарушается политическая координация и процесс принятия решений, искажается общественное представление о ситуации», — считает он [14].

Противодействовать «гибридной войне» (“hybrid warfare”) и информационно-коммуникативным манипуляциям чисто военными методами достаточно затруднительно. Для этого требуется найти новые, более эффективные пути успешной борьбы с такими атаками противника, нежели использование войск.

В принятой в июне 2022 года обновленной Стратегической концепции НАТО наряду с подготовкой к применению прямой военной агрессии в целях обеспечения доминирования Запада в мировых делах важное место отведено ведению гибридных войн и противодействию «гибридным» угрозам со стороны потенциальных противников альянса. В практическом плане подход государств — членов военного блока по противодействию возросшего влияния соперников, прежде всего России и Китая, предусматривает ведение подрывных «гибридных» операций в целях ослабления позиций на международной арене противников так называемого либерального порядка, основанного на пра-

вилах. Российский эксперт А. Виловатых отмечает, что «объединенные ресурсы США и НАТО позволяют Западу осуществлять скоординированное массированное информационно-психологическое давление на неудобные политические режимы и одновременно “рекомендовать” стандарты поведения в информационно-коммуникационной сфере лояльным ему странам» [3].

Сохраняющийся же высокий уровень открытости российского общества, а также продолжающаяся революция мировых информационных технологий открывают Западу гораздо более широкие возможности, чем в период холодной войны, в ведении масштабных «гибридных» операций против нашей страны.

Попытки выработки концепции «гибридных войн» НАТО

Термин «гибридная война» запущен в политический лексикон западными политологами после трагических событий 11 сентября 2001 года в США при описании террористических атак Аль-Каиды и тактики, использованной группировкой «Хезболлы» против Израиля. С тех пор он используется военными экспертами стран НАТО в качестве одного из ключевых элементов современной наступательной стратегии альянса. На Западе, однако, пока не удалось выработать общепринятые определения понятий «гибридные войны» и «гибридные угрозы», в которые целый ряд аналитиков закладывают различный смысл. А отдельные западные, как и отечественные, исследователи не видят в них какой-либо новизны, поскольку, как они отмечают, воюющие стороны и в прошлом, и в настоящее время разрабатывали и продолжают поиск всё более эффективных инструментов и изощренных методов использования силовых приемов, средств и способов подавления противника. К тому же блок НАТО давно уже выработал целый комплекс мер и подходов к ведению психологических и других необъявленных подрывных операций против СССР и его союзников, а теперь активно применяет их в отношении России и других соперников Запада.

Тем не менее среди экспертов Североатлантического блока преобладают следующие формулировки понятия «гибридная война». Один из первых американских исследователей этого явления Ф. Хоффман рассматривает их как «многовариантные действия, включающие обычные и иррегулярные военные опе-

рации, террористические и другие насильственные, принудительные и преступные акты, совершаемые негосударственными субъектами. Их исполнители не принимают никаких правил, избегают предсказуемости своих действий, находя преимущество в неожиданных жестоких атаках на избранные объекты» [17]. Другие западные эксперты (например, Б. Маронкова) считают, что «гибридные войны включают в себя проведение широкого спектра глубоко интегрированных прямых боевых действий и тайных военных, полувоенных операций и чисто гражданских мероприятий» [19], либо это «проведение тайных или отрицаемых действий, поддерживаемых обычными или ядерными вооруженными силами, с целью оказания воздействия на внутреннюю политику страны-мишени» [23, р. vii].

Еще одним вариантом этого понятия считается «использование асимметричной тактики в целях выявления и эксплуатации внутренних слабостей государства путем организации невоенного вмешательства, поддержанного угрозой применения обычных военных средств» [20, р. 5]. Подобная тактика включает в себя «кибервойну, пропаганду, войну по доверенности и использование обычных вооруженных сил для вторжения в страну при поддержке подрывных политических акций» [23, р. 6]. Причем в отличие от обычных методов ведения войны в «гибридной войне», как отмечают западные аналитики, главной мишенью является не только гражданское общество, которое подвергается мощной пропагандистской обработке в интересах навязывания ему чуждых воззрений, особенно его политическая и культурная элита, но и собственное население. Дескать, «в целях борьбы с превосходством Запада современные противники уделяют особое внимание попыткам оказания воздействия на влиятельных деятелей, принимающих решения, путем скрытного применения против них комбинированных кинетических операций и других подрывных мер» [22].

В работах западных специалистов встречаются также близкие к этому понятию термины, такие как «войны управляемого хаоса», «войны нового типа», «операции в “серой зоне”», или «гибридное вмешательство», то есть избегание перехода к прямому военному конфликту. «В таких действиях применяется весь спектр жесткой и мягкой силы путем тщательно скоординиро-

ванного использования военных, дипломатических, информационных и экономических инструментов» [15].

Широкое распространение на Западе получил также термин «гибридные угрозы», которые определяются как «угрозы, создаваемые противником, способным одновременно адаптивно использовать традиционные и нетрадиционные средства для достижения собственных целей» [22].

Из всего этого следует, что в военно-политическом мышлении термины «гибридная война» или «войны нового типа» объединяют весьма широкий комплекс действий, применяемых государствами против потенциальных противников с использованием военных и полувоенных формирований, а также с привлечением гражданских ресурсов. В качестве примера на Западе обычно ссылаются на действия России на Украине в 2014 году либо на тактику КНР в Тихоокеанском регионе. В свою очередь российские политологи и военные эксперты рассматривают западные технологии «цветных революций» и кибератаки натовцев на постсоветском пространстве, которые, как правило, дополняют друг друга, в качестве важной составной части войн нового типа или гибридной войны. В частности, известный российский военный эксперт А. Бартош отмечает, что «комплексный характер гибридной войны усложняет задачу обнаружения реального вершителя проводимых гибридных операций, являющегося обычно анонимным, которые зачастую поддерживаются в том числе отечественными прозападными НКО, действующими под видом защитников прав человека, укрепления демократии и пр. Возникающая в подобной ситуации неопределенность существенно замедляет ответную реакцию с нашей стороны. При пассивной же реакции на подобные действия они перерастают в применение силовых методов давления, подталкивание мирных демонстраций оппозиции к жесткой конфронтации с властями вплоть до попыток свержения правительства и развязывания гражданской войны» [2].

Реализация подобных сценариев ведения «гибридных войн» наиболее выпукло просматривается в действиях стран Запада против России, Белоруссии и других государств СНГ (свежие примеры — Украина и Казахстан), Китая, Ирана, в Сирии и Венесуэле. Как указал директор Службы внешней разведки России С. На-

рышкин: «Фактически речь идет о создании универсального алгоритма проведения тайных акций влияния в непрерывном режиме и в глобальных масштабах». Причем, добавил он, «эта работа... ведется в отношении не только врагов, но и друзей и нейтральных сил в условиях мира, кризиса и войны» [11].

От размышлений к практике

Из чисто экспертной разработки понятия «гибридные войны» и «гибридные угрозы» перетекли в официальные и рабочие документы Североатлантического союза. Впервые эти термины приведены в заявлении саммита НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 года, а затем использованы в декларациях встреч на высшем уровне альянса в Варшаве в июле 2016 года, в Брюсселе в июле 2018 года, в Лондоне в декабре 2019 года, в Брюсселе в июне 2021 года, а также в Мадриде в июне 2022 года. Так, в декларации саммита НАТО в Уэльсе (пункт 13) впервые заявлено о «необходимости обеспечения способности государств — членов альянса эффективно преодолевать конкретные вызовы, возникающие в связи с угрозами кибератак и гибридной войны. В интересах сдерживания гибридных угроз и реагирования на них сказано о необходимости укрепить стратегические коммуникации, разработать сценарии учений и меры по укреплению координации действий между НАТО и другими организациями, сотрудничающими с альянсом» [5].

На встрече глав государств и правительств альянса в Варшаве были одобрены стратегия и предметные планы блока по противодействию «гибридной войне» и кибернападениям. Согласно этим документам основная обязанность по реагированию на «гибридные» угрозы и кибератаки возложена на подвергшееся им государство. Со своей стороны в рамках коллективной обороны блок НАТО выразил готовность оказать содействие любому государству НАТО на любом этапе «гибридной» кампании, включая приведение в действие статьи 5 Вашингтонского договора. Гражданская готовность, как указано в документе, — центральный фактор, обуславливающий устойчивость стран НАТО, и критически важный инструмент для обеспечения коллективной обороны Североатлантического союза. Главный упор в этой сфере — на «непрерывном функционировании органов государственного

управления, бесперебойной работе важнейших служб, обеспечении безопасности критически важных гражданских объектов инфраструктуры и поддержке, оказываемой вооруженным силам с помощью гражданских средств» [7]. В этих целях в «НАТО разработаны руководящие указания по обеспечению устойчивости государств-членов в кризисных условиях» [7].

На саммитах НАТО в Брюсселе, Лондоне, снова в Брюсселе и в Мадриде заявлено, что страны Союза в целях противодействия «гибридным» угрозам и кибератакам будут укреплять собственные средства киберобороны, повышать устойчивость обществ государств — членов блока «гибридным» вызовам, улучшать осведомленность об обстановке, а также расширять набор располагаемых у них инструментов по противодействию враждебным «гибридным» действиям. Кроме того, объявлено о создании «специальных групп поддержки в борьбе с гибридными действиями, которые будут предоставлять адресную, целевую поддержку государствам НАТО, по их запросу, в обеспечении готовности реагирования на гибридные действия» [6].

На основе принятых документов странами альянса предпринят ряд практических шагов в целях противодействия «гибридным» угрозам и ведения наступательных «гибридных» действий против антагонистов Запада, прежде всего в отношении России и Китая. Наиболее важными из них считаются крупнейшее за последние годы укрепление коллективных сил сдерживания и существенное улучшение системы раннего предупреждения НАТО. В целях подготовки к войнам нового типа в НАТО сформированы Силы быстрого развертывания (СБР), включающие в себя подразделения сухопутных войск, авиации и флота, а также силы специальных операций. Для усиления координации действий разведки стран альянса в этой сфере создано соответствующее управление в штаб-квартире НАТО.

По оценке упомянутого выше отечественного военного специалиста А. Бартоша, «комплексный состав созданных в рамках СБР Сил первоначального задействования (СПЗ) позволяет предположить, что это формирование может привлекаться для решения нескольких принципиально разных задач. Одна из них будет заключаться в предотвращении диверсионно-разведывательных действий противника в угрожаемый период и борьбе

с иррегулярными формированиями на собственной территории. Другая задача может состоять в организации подрывной работы на территории противника за счет создания иррегулярных сетевых структур с привлечением заранее созданных людских и материальных ресурсов» [1].

В дополнение к этому киберпространство признано новой сферой действий войск наряду с сухопутными, военно-морскими, военно-воздушными и специальными войсками и интегрировано в операционные планы альянса по проведению военных операций и миссий альянса. В феврале 2018 года министры обороны стран НАТО приняли решение о создании Передового центра киберопераций при штаб-квартире альянса.

Североатлантический союз стремится также развивать активное сотрудничество и координацию действий с государствами-партнерами и соответствующими международными организациями в усилиях, направленных на противодействие и ведение «гибридной войны». Особое внимание уделяется налаживанию сотрудничества и обмена опытом между НАТО и ЕС в данной сфере. Как отмечает натовский аналитик Б. Маронкова, «в декабре 2016 г. министрами иностранных дел государств НАТО и ЕС согласованы 42 совместных мероприятия, включающих меры в сфере киберопераций, стратегических коммуникаций и проведение совместных учений. При планировании проведения учений в их сценарии включаются действия по отражению гибридных угроз, кибератак, попыток нарушения работы критически важных структур и распространения дезинформации» [19]. Налажена также кооперация по обмену информацией и опытом в практических вопросах противодействия «гибридным» угрозам и ведения «гибридных» операций между натовскими центрами передового опыта в области стратегических коммуникаций в Риге и центрами киберобороны в Таллине с Европейским центром передового опыта по противодействию «гибридным» угрозам в Хельсинки, а также соответствующими структурами Украины, Грузии и Молдовы. Регулярно проводятся семинары по вопросам управления кризисами с участием представителей упомянутых центров. Так, например, в семинаре, организованном в Польше в октябре 2018 года, приняли участие более 100 экспертов из 22 стран [19].

Важное значение руководством альянса придается эффективному функционированию стратегических коммуникаций в борьбе с враждебной пропагандой и распространением дезинформации. К этой работе привлечено большое количество актеров, журналистов, политологов, ученых, представителей гражданского общества не только стран альянса, но и России [19].

В мае 2019 года было проведено специальное заседание Североатлантического совета с советниками по национальной безопасности и координаторами по вопросам гибридных угроз альянса, на котором была рассмотрена деятельность стран блока по противодействию «гибридным» угрозам. Как заявил на своей пресс-конференции Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, «участники встречи обсудили пути дальнейшего совершенствования осведомленности об обстановке посредством более эффективного обмена разведданными и информацией, повышения устойчивости национальной критически важной инфраструктуры, в том числе телекоммуникационных сетей, технологии связи 5G, подводных кабелей и космических средств. В числе практических действий была отмечена важность активизации учебной подготовки и учений в целях поддержания высокой готовности к противодействию гибридным угрозам. В связи с этим участники встречи поделились опытом своих государств и передовой практикой в этих вопросах» [13]. А в качестве примера развернутого противодействия «дестабилизирующим» действиям России на Украине и в других странах приводится созданный НАТО специальный раздел на его интернет-портале под названием «Setting the Record Straight», нацеленный на разоблачение российских «мифов» о НАТО [19].

Фактор пандемии коронавируса

Сложившаяся принципиально новая ситуация в мире из-за глобальной пандемии коронавируса показывает, что дальнейшее развитие российско-натовских отношений будет во многом зависеть не только от эволюции внутренней обстановки в России, странах НАТО и Китае, но и от целого ряда других факторов, включая, разумеется, глобальные политические и социально-экономические потрясения, вызванные этим заболеванием. Стало очевидным, что в одиночку победить вирус и преодолеть его

последствия не только нелегко, но и просто невозможно. Многие, как предупреждают отечественные и западные медики и политологи, будет зависеть от того, смогут ли ведущие державы и их объединения соединить усилия для того, чтобы сообща справиться с нынешним кризисом. Неспособность сделать это, как указывает патриарх американской дипломатии Г. Киссинджер, может даже «воспламенить мир» [9]. Однако на Западе, в частности в НАТО, как оказалось, не прислушались к этому трезвому пророчеству. Скорее наоборот, как заявил на Мюнхенской конференции по безопасности 2020 года глава оборонного ведомства США в то время М. Эспер, «союзники должны готовиться к “высокоинтенсивным войнам”» [24].

В этом плане показательно, что проводимые в разгар беспрецедентной пандемии в странах альянса встречи на высшем уровне, видеоконференции министров иностранных дел и обороны НАТО вместо того, чтобы сосредоточить всё внимание на мобилизации максимальных усилий по борьбе с этим человеческим несчастьем, были использованы их участниками для принятия дополнительных решений по усилению сдерживания и укреплению обороны, а также по повышению роли альянса в преодолении нынешних и будущих проблем безопасности [4].

В свою очередь, как показывают сумасбродные действия коллективного Запада в связи со спецоперацией России на Украине, неистовые защитники западного либерализма вполне готовы пойти даже по существу на самоубийственные шаги в целях спасения его мировой гегемонии. На это указывали и появившиеся в разгар пандемии в западных СМИ утверждения, что ее источником мог быть Пентагон, который заранее рекомендовал американскому правительству готовить страну к возможным последствиям этого опасного вирусного заболевания. О существовании соответствующего доклада об этом допустил утечку в американскую печать анонимный чиновник оборонного ведомства США [18].

Россия — главный объект «гибридных» операций НАТО

В числе основных источников «гибридных» угроз Западу в документах НАТО названа Россия, которой предъявлен длинный перечень «злонамеренных» действий, включающий в себя нарушение принципа неприкосновенности границ наряду со стрем-

лением установить экономический и дипломатический контроль над соседними государствами. Нашей стране приписывается также стремление возродить распавшуюся «империю», «разрушить» НАТО и изменить «в свою пользу» ситуацию в сфере безопасности и экономики Европы и Ближнего Востока. Дескать, Кремль использует новые технологии для дискредитации и подрыва «демократических процессов» на Украине, в Грузии и Крыму. Исходя из подобных оценок, в НАТО считают невозможным налаживание с Россией содержательного партнерства и нацелены на то, что период конфронтации и напряженности в отношениях с Россией сохранится надолго [16].

Глубокой разработкой дальнейших действий США и стран НАТО в вопросах ведения «гибридных войн» против России и других потенциальных противников активно занимаются и аналитики ведущих мозговых центров Запада, прежде всего американской RAND Corporation. За последнее время этим правительственным научным учреждением выпущено несколько докладов, в которых предложен обширный набор мер по укреплению военного и невоенного потенциалов противодействия «гибридным» угрозам Западу со стороны, прежде всего, России и Китая и эскалации «гибридной» агрессии, нацеленной на дестабилизацию государственных систем наших государств.

Называя в качестве главной уязвимой сферы современной России ее слабую экономику, авторы исследований рекомендуют руководству стран Запада в дополнение к усилению военного давления на Россию навязывать ей дополнительные затраты в ключевых областях экономики, в том числе путем продолжения гонки вооружений, снижения доходов от экспорта энергоресурсов, введения всё более жестких торговых и финансовых санкций против стратегически важных секторов ее экономики, а также посредством активного поощрения эмиграции на Запад квалифицированной рабочей силы и высокообразованной молодежи. «Информационно-идеологические операции, — подчеркивают они, — должны преследовать цель борьбы за души людей, подрыв доверия к российской избирательной системе, создание представлений о том, что политика правящего режима противоречит интересам российского общества, поощрение протестного движения, понижение имиджа России за рубежом» [22]. В странах же

бывшего СССР, особенно в Балтии, значительное внимание уделяется русофобской обработке русскоязычного меньшинства населения, навязыванию ему идеи преимущества интеграции в существующие режимы, в том числе путем оказания финансовой поддержки СМИ, нацеленных на русскоговорящих людей [22].

Разрабатываемые в США и НАТО агрессивные стратегии «гибридных войн» и директивы по противодействию «гибридным» угрозам включают в себя не только использование информационного, военного, дипломатического и экономического воздействия на противника в целях его международной изоляции, подрыва государственной системы и раскола общества, но и реализацию технологий «цветных» революций для свержения неугодных режимов, предусматривают возможность открытого применения силы для его разгрома. Это открыто подтверждают и представители руководства альянса. Например, в марте 2015 года заместитель Генерального секретаря НАТО в то время А. Вершбоу без обиняков провозгласил, что «гибридная война должна сочетать жесткую и мягкую силу. НАТО и ЕС обладают этими средствами. Необходимо, однако, применять их быстро, одновременно и во взаимной увязке, задействуя подразделения по проведению спецопераций, гражданский и информационный потенциал государств — членов альянса» [25].

По существу в завуалированной форме американский дипломат призвал к активизации методов, давно применяемых НАТО, включающих в себя скрытное вмешательство, экономический шантаж, дипломатические манипуляции и дезинформацию. В целях согласования и координации всей этой деятельности 15 апреля 2020 года было созвано внеочередное совещание министров обороны альянса в режиме видеоконференции. На нем наряду с вопросами реагирования на пандемию коронавируса, оказавшего беспрецедентное воздействие на все страны блока, значительное внимание было уделено не только защите их вооруженных сил, но и дальнейшему укреплению военного потенциала и повышению боеготовности альянса. В качестве важного итога этой встречи Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, не удержавшись от обвинений по адресу «самоуверенной» России, назвал «подтверждение ее участниками готовности реагировать на любую угрозу и, в случае необходимости, развернуть

дополнительные войска блока, как на его восточном фланге, так и в других регионах» [21].

А на саммите НАТО в Брюсселе в июне 2021 года его участники дополнили планы блока использовать весь свой потенциал в любое время, чтобы активно обеспечивать сдерживание и оборону и противодействовать всему спектру кибернетических угроз, в том числе осуществляемых в рамках «гибридной» кампании. Причем, «если страны альянса подвергнутся гибриднему нападению, Брюссель даже допускает возможность принятия решения о приведении в действие статьи 5 Вашингтонского договора, как и в случае вооруженного нападения» [8].

Об агрессивном характере уже осуществляемых мер свидетельствуют развязанная странами блока беспрецедентная по своим масштабам пропагандистская кампания лжи против России в связи с ее вполне оправданной специальной военной операцией на Украине, нацеленная на международную изоляцию нашей страны, прямое военное вмешательство на стороне киевского националистического режима, включающее поставку ему наступательных вооружений, координацию антироссийских военных операций натовскими военными советниками, а также резкое наращивание различного рода угроз, разведывательной деятельности у границ России, проведение массированных военных учений в Балтийском и Арктическом регионах и, наконец, затаскивание нейтральных Финляндии и Швеции в состав Североатлантического союза.

При таких обстоятельствах высказанные еще недавно надежды некоторых наших политологов на то, что из-за пандемии коронавируса НАТО скорректирует свой агрессивный курс по отношению России, не оправдались и не подкреплены реальными фактами. Как раз наоборот, как это уже всем очевидно, натовская бюрократия и воинственные политические элиты Запада перешли к наращиванию крупномасштабных «гибридных» операций против России, подкрепляя их всё более активной военной деятельностью у российских границ и потоком дезинформации против нашей страны. Не случайно, что влиятельные атлантисты, такие, например, как президент Парламентской ассамблеи НАТО П. Лелуш, панически рассуждая о вызванной пандемией катастрофе для Запада, чреватой глубоким перераспределением

баланса сил и средств в пользу Китая и ослаблением его западного конкурента, призывал «США и Европу “проснуться” и снова вместе двигаться вперед в своем противостоянии как с Китаем, так и с Россией. Причем, согласно его странной логике, даже если Россия станет менее угрожающей для Запада, тем больше у НАТО будет шансов продолжить свое существование» [10].

Заключение

Реализуемые натовскими стратегами планы значительного усиления подрывной работы против конституционного строя нашей страны приобрели даже более жесткий характер, чем это наблюдалось в отношении СССР. По существу тотальная «гибридная война», развернутая государствами Североатлантического союза против России и ее союзников и партнеров, не только представляет собой одну из наиболее опасных угроз национальной безопасности России, но и является подготовкой полномасштабного глобального конфликта в целях увековечивания однополярного «миропорядка, основанного на правилах» и гегемонии в нем США. С учетом этого Россия просто вынуждена не только активизировать собственные действия по предотвращению возросших «гибридных» угроз своей безопасности, но и готовиться к еще более худшему варианту противоборства со странами НАТО.

В целях эффективной нейтрализации «гибридной» агрессии коллективного Запада России необходимо постоянно совершенствовать практические меры по укреплению устойчивости российского общества нарастающей подрывной работе стран НАТО против нашего государства, а также мобилизовать все имеющиеся у него ресурсы для активного отпора враждебным замыслам наших недругов.

Литература

1. Бартош А. Гибридные войны в стратегии США и НАТО // Независимое военное обозрение. – URL: http://nvo.ng.ru/concept/2014-10-10/1_nato.html (дата обращения: 16.02.2022).
2. Бартош А. Фактор внезапности в гибридной войне и национальная безопасность России // Независимое военное обозрение. – URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2018-11-09/1_1021_factor.html (дата обращения: 16.02.2022).
3. Виловытых А. Перспективы гибридизации военных конфликтов в условиях технологической революции // Международная жизнь. – 2020. – № 3. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2322> (дата обращения: 16.02.2022).

4. Декларация министров иностранных дел стран НАТО от 02.04.2020. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_174855.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 16.02.2022).
5. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г. – URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 16.02.2022).
6. Заявление по итогам встречи на высшем уровне НАТО в Брюсселе // Press Release (2018) 074 Issued on 11 July 2018. – С. 8. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 16.02.2022).
7. Заявление по итогам встречи на высшем уровне НАТО в Варшаве // Press Release (2016) 100, Issued on 09 July 2016. – П. 23. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 16.02.2022).
8. Заявление по итогам встречи на высшем уровне, обнародованное главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 14 июня 2021 г. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale (дата обращения: 16.02.2022).
9. *Киссинджер Г.* Пандемия коронавируса изменит мировой порядок навсегда // The Wall Street Journal. – URL: <https://www.inopressa.ru/article/06Apr2020/wsj/kissinger.html> (дата обращения: 16.02.2022).
10. *Лассер И.* Пьер Лелуш: Пандемия ускорит рост могущества Китая // Le Figaro. – 31.03.2020. – URL: <https://www.inopressa.ru/article/31Mar2020/lefigaro/pier.html> (дата обращения: 16.02.2022).
11. *Нарышкин С.* В Венесуэле обрабатывается универсальный «вирусный» механизм акций влияния // Независимая газета. 18.06.2019. – URL: <https://www.ng.ru/news/650202.html> (дата обращения: 16.02.2022).
12. *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в 21 веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований МГИМО МИД России. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – 581 с.
13. Пресс-конференция Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга после заседания Североатлантического совета с советниками по национальной безопасности и координаторами по вопросам гибридных угроз. 28 мая 2019. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_166392.htm (дата обращения: 16.02.2022).
14. *Фриман Ч.* Технологии, государственное управление и неограниченная война // Россия в глобальной политике. – 2018. – № 1. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tehnologii-gosudarstvennoe-upravlenie-i-neogranichennaya-voyna/> (дата обращения: 16.02.2022).
15. *Adamsky D.* “Cross-Domain Coercion: The Current Russian Art of Strategy” // Radin A. Hybrid Warfare in the Baltics. Rand corporation report / Institut Francais des Relations Internationales. – November 2015. – P. 21–23. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1577.html (accessed: 16.02.2022).
16. *Bernstein P.* Rethinking Deterrence and Assurance. NATO Defense College Report for Wilton Park Conference. September 2015. – URL: <https://www.ndc.nato.int> (accessed: 16.02.2022).
17. *Hoffman F.* Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. URL: https://potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (accessed: 16.02.2022).
18. *Klippenstein K.* Exclusive: The military Knew Years Ago That a Coronavirus Was Coming // The Nation, April 1, 2020. – URL: <https://www.thenation.com/article/politics/covid--military-shortage-pandemic> (accessed: 16.02.2022).
19. *Maronkova B.* NATO in the new hybrid warfare environment // UA: Ukraine Analytica. – 2018. – No. 4 (14). – URL: <https://ukraine-analytica.org/nato-in-the-new-hybrid-warfare-environment/> (accessed: 16.02.2022).
20. NATO Parliamentary Assembly Defence and Security Committee, “Hybrid Warfare: NATO’s New Strategic Challenge?” Draft Report, 2015, April 7 // Radin A. Hybrid Warfare in the Baltics. Rand corporation report. – 2017. – P. 3. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1577.html (accessed: 16.02.2022).

21. Press conference by NATO Secretary General J. Stoltenberg following videoconference of the North Atlantic Council at the level ministers of defense, 15th April 2020. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_175087.htm?selectedLocale=en (accessed: 16.02.2022).
22. *Puyvelde D.* Hybrid war – does it even exist? – URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2015/05/07/hybrid-war-does-it-even-exist/index.html> (accessed: 16.02.2022).
23. *Radin A.* Hybrid Warfare in the Baltics. Rand corporation report. – 2017. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1577.html (accessed: 16.02.2022).
24. Remarks by Secretary of Defense Mark T. Esper at the Munich Security Conference. February 15, 2020. – URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Speeches/Speech/Article/2085577/remarks-by-sec> (accessed: 16.02.2022).
25. Speech by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the Interparliamentary Conference on CFSP/CSPD, Riga, Latvia, 5 March 2015. – URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions/117919.htm?selectedLocale=en> (accessed: 16.02.2022).

Борисов Алексей Владимирович,

кандидат философских наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexey V. Borisov,

Ph. D. (Philosophy),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: aborisof@gmail.com

ГУМАНИТАРНАЯ СИСТЕМА ООН: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГУМАННОСТИ

THE UN HUMANITARIAN SYSTEM: BEYOND HUMANITY

Аннотация: в статье представлен критический анализ эволюции и современного состояния глобальной гуманитарной системы. Отмечается, что усилия ООН по регламентации гуманитарной помощи являются не более чем претензией и определением форм, источников и бенефициаров гуманитарной деятельности, а сама гуманитарная помощь выступает лишь в качестве инструмента для продвижения политических, экономических интересов либо интересов в сфере безопасности. Сложившаяся практика управления и координации деятельности ориентирована не на удовлетворение базовых потребностей тех, кто находится в состоянии нужды и опасности, а на попытки определения и нормативного описания процедур. Это приводит к тому, что ключевыми бенефициарами гуманитарных усилий выступают государства-доноры и гуманитарные организации, заинтересованные в бесперебойном финансировании. Предпринимаемые ООН попытки реформирования гуманитарной системы, направленные на обеспечение превентивности действий гуманитарного сообщества, изменение характера финансирования гуманитарной деятельности, обеспечение подотчетности перед людьми, находящимися в состоянии нужды, не имеют успеха.

Ключевые слова: гуманитарная помощь, гуманитарная система, гуманитарное финансирование, инвестиции, международные гуманитарные организации, ООН, содействие международному развитию.

Abstract: the article presents a critical analysis of the evolution and current state of the global humanitarian system. It is noted that the UN's efforts to regulate humanitarian aid are nothing more than a claim and the definition of forms, sources and beneficiaries of humanitarian activities, and humanitarian aid itself acts only as a tool to promote political, economic or security interests. The established practice of management and coordination of activities is not focused on meeting the basic needs of those in need and danger, but on attempts to define and legislate procedures thus leading to donor-states and humanitarian organizations interested in uninterrupted financing becoming the key beneficiaries of humanitarian efforts. The UN attempts to reform the humanitarian system aimed at ensuring the preventive nature of the humanitarian community actions, changing the mechanisms of humanitarian activities funding, ensuring accountability to people in need are fruitless.

Key words: humanitarian aid, humanitarian system, humanitarian funding, investments, international humanitarian organizations, the UN, international development assistance.

Введение

Гуманитарная деятельность всё чаще рассматривается как действенное средство внешней политики государства и инструмент обеспечения международной безопасности. Дискуссии по гуманитарной проблематике, которые ведутся на площадках ООН, международных, региональных и неправительственных организаций, во многом определяют деятельность внешнеполитических акторов в кризисных и нестабильных регионах. Однако до конца 80-х годов прошлого века ООН избегала употребления определения «гуманитарная» применительно к помощи, оказываемой людям, находящимся в бедственном положении, употребляя такие понятия, как «чрезвычайная помощь», «помощь в случаях стихийных бедствий и катастроф». Гуманитарная деятельность сводилась к деятельности по обеспечению прав человека и его основных свобод. К началу 1990-х годов ситуация изменилась, и гуманитарная деятельность становится синонимом гуманитарной помощи, которая, составляя лишь чуть более 1% помощи, предоставляемой в кризисных ситуациях [38], становится объектом столь пристального внимания и масштабных дискуссий.

Гуманитарная система ООН: основные бенефициары

Трактовка гуманитарной помощи как совокупности усилий государств, меж- и негосударственных организаций, ориентированных лишь на нужды человека и опирающихся на принципы гуманности, беспристрастности, нейтральности, сегодня кажется общепринятой. Выступая в июне 2022 года перед Экономическим и Социальным Советом и призывая к более активной поддержке гуманитарной системы, Антониу Гутерриш говорил о гуманитарной помощи как о синониме возрожденной надежды, описывая систему ее оказания как «сильную, гибкую, хорошо обеспеченную» [21]. Однако еще в 1985 году Перес де Куэльяр, выступая перед Генеральной Ассамблеей с докладом «Новый международный гуманитарный порядок», отмечал неопределенность термина «гуманитарный»: «... иногда он используется для описания конкретного свода законов, таких как “право Гааги” или “право Женевы”... Иногда он используется для обозначения особого подхода к проблемам, подхода, который подчеркивает защиту и помощь человеку вне зависимости от политических со-

ображений. Иногда этот термин используется в широком смысле и является выражением широко распространенного мнения: всё, что может быть сделано, чтобы облегчить страдания людей и помочь в реализации человеческих потребностей, должно быть сделано» [27].

Только в 1991 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций», где содержалось прямое указание на то, что гуманитарная помощь «должна оказываться в соответствии с принципами гуманности, нейтралитета и беспристрастности» [7]. Решение Генеральной Ассамблеи выразило претензии ООН на роль органа глобального управления, в том числе в области гуманитарной деятельности: «Организация Объединенных Наций призвана играть главную и уникальную роль в обеспечении руководства усилиями международного сообщества по поддержке пострадавших стран и координации этих усилий... Следует предоставить в ее распоряжение ресурсы, соответствующие будущим потребностям» [7]. Если до 90-х годов XX столетия гуманитарная деятельность была уделом частных лиц, сообществ волонтеров и негосударственных организаций [15; 16], то в 1991 году ООН заявила о претензии на определение форм, источников и бенефициаров гуманитарной деятельности.

Тем более, что ресурсы, на обладание которыми претендует ООН, весьма значительны. Отчет «Гуманитарная экономика: куда уходят все деньги?», представленный исследовательским проектом «Local2Global Protection» при поддержке Integrated Regional Information Networks и охватывающий период с 2000 по 2014 год, открывается следующей фразой: «Экономика гуманитарной помощи объемом 156 млрд долларов США подвергается справедливой критике за то, что она является структурно устойчивой к изменениям, разнообразию, конкуренции и включению местных благотворительных организаций. Донорам и международным НПО нравится настаивать на прозрачности и благом управлении в странах, в которых они работают, но насколько хорошо мы представляем, где и как тратятся деньги, предназначенные для помощи?» [32]. По прошествии восьми лет ситуация не изменилась. Хотя экономика гуманитарной помощи

по-прежнему закрыта, а финансовые транзакции за пределами первичных доноров не отслеживаются, несмотря на все усилия контролирующих органов ООН [33, р. 84], можно предположить, что ее объем увеличился. Такой вывод основывается на том, что объем денежных средств, предоставленный только ООН и ее партнерским организациям, за период с 2014 по 2021 год вырос более чем на 400 % [19].

В 2013 году Генеральным секретарем ООН было дано определение гуманитарной системы «как сети международных гуманитарных структур, функционально связанных рамочной системой координации, которая создана Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 46/182 и ее последующих резолюциях и включает Координатора чрезвычайной помощи, Межучрежденческий постоянный комитет и механизмы планирования и финансирования, и руководствующихся приверженностью руководящим принципам, принципам гуманности и нормам международного права» [9]. Это определение примечательно в силу целого ряда причин. Во-первых, указанием на точку отсчета — 9 декабря 1991 года, во-вторых, указанием на сетевую структуру гуманитарной системы, в-третьих, ссылкой на сетевые структуры как основу гуманитарной системы.

Сетевая структура гуманитарной системы способствует внедрению, усвоению и поддержанию норм, регулирующих поведение участников сетей. Помимо прочего сеть максимизирует благосостояние тех, кто разрабатывает, внедряет и санкционирует нормы, превращая их в правила, а также минимизирует благосостояние тех, кто оказался за пределами сети. Сеть обеспечивает взаимодействие, подтверждая компетентность и состоятельность акторов сетевого взаимодействия. Она является вместилищем «социальной памяти», выступая в качестве инфраструктуры для хранения, циркуляции и воспроизводства информации. Однако наличие внутрисетевых правил поведения ведет к тому, что организации, получающие доступ к ресурсам сети, теряют самостоятельность, принимая правила игры. Именно это позволяет сетевым координаторам угрожать отступникам репутационными и, как следствие, материальными потерями.

Попытки ООН координировать разношерстное гуманитарное сообщество опираются на непрозрачные и принципиально

неисполнимые правила игры. Если эти правила будут прозрачны и выполнимы, то роль гуманитарного координатора не будет значительной, а сам он лишится возможности реализовывать собственный интерес. Именно поэтому в качестве признаков, определяющих гуманитарную деятельность, принимаются принципы, провозглашенные Международным комитетом Красного Креста (далее — МККК) в 1965 году. Они неприменимы в практической деятельности.

Более того, требования к применению означенных принципов ведут к политической необусловленности помощи, что способствует консервации гуманитарных кризисов [28]. Предоставленная помощь компенсирует слабость нестабильных и хрупких государств, способствуя высвобождению ресурсов для осуществления репрессивной политики, позволяя государствам и их оппонентам в лице негосударственных вооруженных формирований использовать гуманитарную помощь как ресурс для вербовки сторонников или же для шантажа населения, проживающего в районах гуманитарной катастрофы. В 2020 году 10 крупнейших реципиентов гуманитарной помощи — Сирия, Йемен, Ливан, Южный Судан, Демократическая Республика Конго, Сомали, Судан, Эфиопия, Турция, Ирак — получили 57 % всего объема гуманитарного финансирования. Все эти страны, за исключением Турции, финансирование которой обусловлено принимаемыми беженцами из соседних регионов, переживают кризис более 10 лет подряд. Демократическая Республика Конго, Сомали и Судан являются реципиентами гуманитарной помощи уже более 20 лет [18]. Примечательно, что Сирия, Йемен и Южный Судан входят в пятерку крупнейших получателей гуманитарного финансирования начиная с 2014 года [33, р. 34].

Это, в свою очередь, позволяет ООН и международным гуманитарным НПО ежегодно заявлять о растущих потребностях в финансировании [19], основными получателями которого являются гуманитарные агентства ООН, получающие около 60 % всего объема привлеченных средств [33, р. 84], а также шестерка крупнейших гуманитарных неправительственных организаций, таких как «World Vision», «International Rescue Committee», «Norwegian Refugee Council», «Save the Children International», «Catholic Relief Services» и «Médecins Sans Frontières», которые

поглощают 23 % средств, выделяемых на оказание гуманитарной помощи [5].

Еще в 1995 году в докладе Объединенной инспекционной группы по вопросам участия системы ООН в оказании и координации гуманитарной помощи было заявлено, что множество гуманитарных организаций, действующих в условиях ограниченной координации, не имеющих согласованной и общепринятой доктрины, не могут решить задачи по разрешению гуманитарного кризиса и стабилизации ситуации в зоне реагирования — «можно лишь изумляться, что ситуация не оказалась хуже» [10]. Но и в 2022 году ситуация не изменилась. По всей видимости, разрешение кризиса не входит в задачи субъектов гуманитарного реагирования, тем более что гуманитарная помощь составляет всего лишь около 1 % от всей международной помощи, направляемой жертвам гуманитарных катастроф [38]. Ряд исследователей настаивают на том, что единственными «покупателями» гуманитарной помощи выступают международные и многосторонние организации, которые, в свою очередь, диктуют правила игры на гуманитарном рынке, преследуя корпоративные интересы [22; 37]. Этим и обусловлено то, что все глобальные гуманитарные организации настаивают на необходимости безусловного соблюдения гуманитарных принципов. Эти принципы выступают нормативной основой для регуляции доступа на «гуманитарный рынок», а в силу неприменимости этих принципов в реальной жизни позволяют «регулятору», будь то ООН либо МККК, самостоятельно определять: кто может быть бенефициаром гуманитарного финансирования; чье присутствие в зоне гуманитарного реагирования легитимно; кто имеет право на защиту со стороны международного сообщества.

Гуманитарная система как закрытый рынок

На состоявшейся в Центре Вудро Вильсона в октябре 2021 года дискуссии, посвященной будущему гуманитарной деятельности, Уильям Стэйгер, руководивший службой персонала USAID в период с 2012 по 2017 год, заявил: «Фраза, которую экономисты использовали бы для описания современной системы гуманитарной помощи — закрытый рынок. Он состоит из относительно небольшого числа игроков, в основном это учреждения ООН и междуна-

родные НПО. Сложившаяся на настоящее время система препятствует появлению новых участников. ...Выделение средств тем или иным организациям не зависит от показателей ее эффективности. Доноры, в том числе и USAID, минимизируя риски, выделяют средства лишь тем организациям, с которыми они взаимодействовали в прошлом» [30]. Но тем не менее гуманитарный рынок расширяется. Если в докладе о состоянии гуманитарной системы 2015 года насчитывается более 4,5 тыс. международных неправительственных организаций [33, р. 38], предоставляющих гуманитарную помощь, то в 2021 году количество таких организаций составило 5641. Это без учета обществ — участников краснокрестного движения, частных и международных фондов, финансирующих гуманитарные программы [36].

Рост количества гуманитарных игроков и объемов выделяемого им финансирования повышает значимость гуманитарного регулятора. Франсуа Бюньон, заместитель директора Управления доктрины, права и связей с Международным движением Красного Креста и Красного Полумесяца МККК, в масштабной работе по истории Международного комитета Красного Креста указывает на опасность неконтролируемого расширения гуманитарного сообщества, подчеркивая, что МККК для успешного выполнения своих функций должен рассчитывать на регулярные финансовые поступления [1]. В случае ООН происходит то же самое. По состоянию на 2021 год более 85% доноров — государства, еще 11% гуманитарного финансирования поступает от межправительственных организаций, средства, предоставляемые частными лицами и международными НПО, составляют менее 2% [36].

Из всего объема донорской помощи более 60% формируется за счет взносов США, Германии и ЕС [36], которые, манипулируя финансированием, могут использовать, а зачастую и используют регулятора в собственных интересах, по возможности не дискредитируя его, ставя под вопрос его независимость и беспристрастность, поддерживая исключительно высокие заградительные барьеры для потенциальных участников гуманитарной деятельности, обуславливая выделение финансирования своими интересами. Помощь не является актом благотворительности. Так, в отчете «Международные кризисы

и стихийные бедствия: механизмы оказания гуманитарной помощи США» исследовательской группы Конгресса США, посвященном рассмотрению механизмов гуманитарной помощи, говорится: «...политические соображения играют ключевую роль при принятии решения, каким образом и кому оказывается помощь. ...Гуманитарная помощь является способом “нейтрального” вмешательства в кризисные ситуации и является наиболее гибким политическим инструментом, который можно быстро применить в условиях международного кризиса» [23]. В опубликованной в мае 2022 года Стратегии содействия международному развитию Великобритании гуманитарная помощь рассматривается как «неотъемлемый элемент усилий по обеспечению национальной безопасности» [34].

Гуманитарные принципы, провозглашенные в 1965 году для того, чтобы подчеркнуть особую роль Международного комитета Красного Креста и наделить его полномочиями посредника и гуманитарного регулятора, были использованы в 1991 году ООН для того, чтобы сформировать систему глобального управления гуманитарной деятельностью. Относительная неудача Организации Объединенных Наций в построении означенной системы не привела к пересмотру принципов — наличие зависимого регулятора устраивает лидеров мирового сообщества, позволяя использовать гуманитарную помощь как инструмент для достижения геополитических целей, оставаясь в тени и избегая репутационных потерь.

Примечательна дискуссия, развернувшаяся после событий 11 сентября 2001 года и продолжающаяся по настоящее время. Предмет дискуссии — финансирование международных гуманитарных НПО донорами (как государствами, так и негосударственными структурами) в условиях борьбы с терроризмом и финансированием терроризма [25]. В настоящее время проблема финансирования НПО донорами и осуществления гуманитарной деятельности на территориях, которые контролируются террористическими организациями, решается посредством исключений из санкционного режима. Первое исключение из санкций ООН было предусмотрено для Сомали в 2010 году [5]. На тот момент в Сомали проводилась одна из крупнейших гуманитарных операций, но начиная с 2008 года помощь была приостановле-

на, поскольку гуманитарные организации не могли действовать в районах, контролируемых исламистской повстанческой террористической группировкой Аль-Шабаб, без предоставления им каких-либо средств в виде платы за проезд, «налогов» или взяток, что являлось нарушением целого ряда резолюций Совета Безопасности ООН¹. Исключение делалось лишь для «Организации Объединенных Наций, ее специализированных учреждений или программ, гуманитарных организаций, имеющих статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, оказывающих гуманитарную помощь, или их партнеров-исполнителей» [5]. Подобная практика будет продолжена и в последующих резолюциях. Именно такой подход позволяет ООН диктовать правила игры на гуманитарном рынке, используя гуманитарные принципы как маркер, определяющий круг реципиентов гуманитарного финансирования.

Называть лишь ООН в лице ее гуманитарных агентств, международные гуманитарные НПО в качестве основных заинтересованных существующей гуманитарной системы будет не совсем справедливо. Дело в том, что гуманитарная деятельность порождает логистическую, финансовую, страховую инфраструктуру, инфраструктуру безопасности и т.п. Так, в 2006 году произошло рождение гуманитарного страхования. Всемирная продовольственная программа ООН заключила первую сделку с французской компанией «AXE Re», входящей в группу AXE, страхуя риск неурожая в Эфиопии [39]. Но страхуются не только гуманитарные риски. В настоящее время группа компаний Bellwood Prestbury предоставляет услуги «гуманитарного» страхования, оказывая содействие международным благотворительным организациям, гуманитарным НПО, всем тем, кто работает в зонах повышенного риска, где стандартное страхование не действует [14].

Страховой рынок расширяется. Объем страхового рынка невозможно оценить в силу закрытости информации о «гуманитарном» финансировании. Трудно предположить, что компании, готовые платить многомиллионные (в долларовом эквиваленте) страховые премии, устроятся от контроля за деятельностью своих клиентов. Выпускающий в 2017 году пятилетние «гумани-

¹ Наиболее полный перечень содержится в Резолюции 2368 (2017), принятой Советом Безопасности на его 8007-м заседании 20 июля 2017 года.

тарные облигации» МККК привлекает 22 млрд долл. частных инвесторов, в том числе и New Re, входящую в группу Munich Re (Munich Reinsurance Company) [13; 35], одну из ведущих страховых компаний мира, частью которой является благотворительный фонд Munich Re Foundation с объемом финансирования около 50 млн евро, заявляющий о том, что направления его деятельности включают «образование и подготовку кадров, науку и исследования, предотвращение стихийных бедствий, защиту окружающей среды и общественное здравоохранение» [26]. Таким образом, замыкается круг — те, кто страхует «гуманитарные риски», инвестируют в гуманитарную деятельность в надежде извлечь доход. Вряд ли данные структуры стоят в стороне, тем более что ожидаемые выплаты по «гуманитарным облигациям» составят, по разным оценкам, от 3 до 7% [20].

Международный Комитет Красного Креста, выдвинув инициативу выпуска «гуманитарных облигаций», актуализировал поиск новых моделей финансирования, тем более что разрыв между потребностями, заявленными ООН, и объемами финансирования постоянно увеличивается [8].

Одним из таких инструментов является гуманитарное инвестирование. В 2019 году Всемирный экономический форум запустил инициативу «Гуманитарное инвестирование и инвестирование в устойчивость» (Humanitarian and Resilience Investing) по объединению гуманитарной экосистемы, партнеров по развитию, предпринимателей и инвесторов, объединяя общественные организации, такие как Всемирный банк и Европейская комиссия, гуманитарные организации, такие как МККК и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, а также частных инвесторов, таких как Credit Suisse и Lombard Odier. Поддержку проекту оказывают IMD Business School и Boston Consulting Group [12]. Основная задача, решаемая в рамках гуманитарного инвестирования — привлечение частного капитала для финансирования гуманитарных проектов.

Участники Всемирного гуманитарного саммита, состоявшегося в мае 2016 года в Стамбуле, констатировали несостоятельность сложившейся глобальной гуманитарной системы. Гуманитарные организации, входящие в топ-10 по объемам финансирования и привлекаемых ресурсов, такие как OXFAM International, заяви-

ли о необходимости перевернуть с головы на ноги сложившуюся систему гуманитарной помощи [2, с. 96], а Mercy Corps прямо указывала на несостоятельность сложившейся системы координации гуманитарных усилий мирового сообщества, описывая глобальную гуманитарную систему как «излишне централизованную и иерархически организованную структуру, чрезмерно ориентированную на ООН» [24]. Понимание того, что сложившаяся практика ориентирована не на удовлетворение гуманитарных потребностей людей, а лишь на процесс оказания гуманитарной помощи, не на удовлетворение базовых потребностей тех, кто находится в состоянии нужды и опасности, а на попытки определения и нормативного описания процедур, нашло отражение в докладе Генерального секретаря ООН в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам [3].

Результатом Всемирного гуманитарного саммита стала программа реформ, в основе которой лежат меры, направленные на обеспечение превентивности действий мирового сообщества, преодоление разрыва между гуманитарной помощью и помощью в целях развития, изменение характера финансирования гуманитарной деятельности, подотчетность прежде всего перед людьми, находящимися в состоянии нужды и опасности [4]. Этот пакет реформ получил название «Большая сделка» и представлял собой соглашение, содержащее 51 обязательство, все из которых должны быть исполнены к 1 января 2020 года [11]. Соглашение было подписано 48 крупнейшими донорами и гуманитарными агентствами, которые на тот момент контролировали около 95% всего гуманитарного финансирования [29]. Предполагалось, что до 2020 года будут решены проблемы гуманитарной системы, связанные не только с ликвидацией разрыва между потребностями и финансированием, но и с прозрачностью гуманитарных потоков, бюрократизацией системы управления гуманитарной деятельностью, оценкой потребностей, подотчетностью гуманитарных агентств, использованием денежных средств в качестве основного вида гуманитарной помощи. Целевые показатели, заложенные в «Большой сделке», не были достигнуты [22]. И в 2021 году стартовал проект «Большая сделка 2.0» [31]. Можно предположить, что и этот амбициозный пакет реформ не увенчается успехом.

Заключение

Лишь в ситуации, когда ООН ограничится усилиями по мониторингу глобальной гуманитарной ситуации, определению гуманитарных приоритетов, гуманитарного арбитража, то есть начнет действовать исходя из Устава, оставив государствам и глобальному гражданскому обществу возможность действовать исходя из собственных интересов, реформа гуманитарной деятельности увенчается успехом. Вопрос лишь в том, что множество заинтересованных в существующем порядке вещей лиц, организаций и государств не позволят что-либо изменить и вернуть гуманитарной системе ее первоначальное значение — облегчать страдания людей и помогать в реализации человеческих потребностей. В расколотом мире гуманитарная помощь, предоставляемая гуманитарной системой ООН, — это лишь средство либо для решения внешнеполитических задач, либо для извлечения прибыли.

Литература

1. *Бьюнзон Ф.* Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны / пер. с фр. – [Б. м.]: МККК, 2005. – С. 1363–1364.
2. Восстановление гуманности: общие сведения о процессе консультаций в рамках подготовки к Всемирному саммиту по гуманитарным вопросам. Секретариат Всемирного саммита по гуманитарным вопросам. – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2015. – 177 с.
3. Единое человечество: общая ответственность. Доклад Генерального секретаря в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам. A/70/709.
4. Итоги Всемирного саммита по гуманитарным вопросам. Доклад Генерального секретаря. A/71/353.
5. Примечание к докладу «The State of The Humanitarian System». 2018. – URL: <https://www.alnap.org/help-library/the-state-of-the-humanitarian-system-sohs-2018-full-report> (дата обращения: 16.08.2022).
6. Резолюция 1916 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6289-м заседании 19 марта 2010 г.
7. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/46/182.
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/76/124 «Укрепление координации в области гуманитарной помощи и помощи в случае бедствий, предоставляемой Организацией Объединенных Наций, включая специальную экономическую помощь: укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций». 9. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря. A/68/84–E/2013/77.
10. Участие системы Организации Объединенных Наций в оказании и координации гуманитарной помощи. Доклад Объединенной инспекционной группы. JUI/REP/95/9.
11. About the Grand Bargain // [Official website] The Inter-Agency Standing Committee (IASC). – URL: <https://interagencystandingcommittee.org/about-the-grand-bargain> (accessed: 19.08.2022).
12. All About the Humanitarian and Resilience Investment Initiative // [Official website] The DGBM Taylor Family Foundation. – URL: <https://www.dylantaylorfoundation.org/>

- blogposts/all-about-the-humanitarian-and-resilience-investment-initiative (accessed: 22.08.2022).
13. Allen Kate Red Cross launches «humanitarian impact bond» // The Financial Times. September 8, 2017. – URL: <https://www.ft.com/content/8d82241d-096b-313e-91d8-786ba99d2073> (accessed: 19.08.2022).
 14. Bellwood Prestbury [Official website]. – URL: <https://www.bellwoodprestbury.com/industries/humanitarian-ngo/> (accessed: 19.08.2022).
 15. *DeChaine R.B.* Global Humanitarianism: NGOs and the Crafting of Community. – Lanham, MD: Lexington Books, 2005.
 16. *El Taraboulsi-McCarthy S., Willitts-King B.* Foreign policy and humanitarian action: an agenda for inquiry. – Humanitarian Policy Group, Overseas Development Institute. – 2016.
 17. First Humanitarian Impact Bond. – URL: <https://themiddleroad.org/global-bytes/first-humanitarian-impact-bond/> (accessed: 21.08.2022).
 18. Global Humanitarian Assistance Report 2021. – URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2021/chapter-3-donors-and-recipients-humanitarian-and-wider-crisis-financing/> (accessed: 11.06.2022).
 19. Global Humanitarian Overview 2022. – URL: <https://hum-insight.info/> (accessed: 17.08.2022).
 20. *Heisten P.* A model for humanitarian investment: can it work? // [Official website] The middle Road. – URL: <https://www.oneyoungworld.com/blog/model-humanitarian-investment-can-it-work> (accessed: 21.08.2022).
 21. Hope is Wearing Thin, Secretary-General Tells Economic and Social Council, Urging More Support for Humanitarian System Tackling Global Crises. – URL: <https://www.un.org/press/en/2022/sgsm21340.doc.htm> (accessed: 23.08.2022).
 22. *Lough O., O'Callaghan S.* Five years on from the World Humanitarian Summit: lots of talk, no revolution. – URL: <https://odi.org/en/insights/five-years-on-from-the-world-humanitarian-summit-lots-of-talk-no-revolution/> (accessed: 06.08.2022).
 23. *Margesson R.* International Crises and Disasters: U.S. Humanitarian Assistance Response Mechanisms. CRS Report for Congress. – August 1, 2013. – URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33769.pdf> (accessed: 19.08.2022).
 24. Mercy Corps. Cracking the Code: Enhancing Emergency Response & Resilience in Complex Crises. – URL: <https://reliefweb.int/report/world/cracking-code-enhancing-emergency-response-resilience-complex-crises> (accessed: 19.08.2022).
 25. *Micheletti P.* Anti-terrorism laws must take humanitarian principles into account. – URL: <https://ideas4development.org/en/anti-terrorism-laws-humanitarian-principles/> (accessed: 21.08.2022).
 26. Munich Re Foundation [Official website]. – URL: <http://www.munichre-foundation.org/home/About-us/PurposeOfTheFoundation.html> (accessed: 15.08.2022).
 27. New international humanitarian order. Report of the Secretary-General Submitted pursuant to General Assembly resolution 38/125. Part One. A/40/348. Ad. 1.
 28. Planning from The Future. Is the Humanitarian System Fit for Purpose? – November, 2016. – URL: http://www.planningfromthefuture.org/uploads/4/5/6/0/45605399/pff_report_uk.pdf (accessed: 17.08.2022).
 29. *Redvers L.* Hunting for the Grand Bargain. Fixing emergency aid, one committee at a time // The New Humanitarian. – URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/2017/03/22/hunting-grand-bargain> (accessed: 19.08.2022).
 30. Rethinking Humanitarian Aid. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/event/rethinking-humanitarian-aid> (accessed: 20.08.2022).
 31. The Grand Bargain 2.0 Structure // [Official website] The Inter-Agency Standing Committee (IASC). – URL: <https://interagencystandingcommittee.org/grand-bargain-official-website/grand-bargain-20-structure> (accessed: 19.08.2022).
 32. The Humanitarian Economy. Where is all the money going? – URL: <http://newirin.irinnews.org/the-humanitarian-economy/> (accessed: 17.08.2022).
 33. The State of The Humanitarian System. 2015. ALNAP Study. – L.: ALNAP/ODI, 2015.
 34. The UK government's strategy for international development. Published 16 May 2022 // [Official website] GOV.UK. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-governments-strategy-for-international-development/the-uk-governments-strategy-for-international-development> (accessed: 19.08.2022).

35. The world's first "Humanitarian Impact Bond" launched to transform financing of aid in conflict-hit countries // [Official website] International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/en/document/worlds-first-humanitarian-impact-bond-launched-transform-financing-aid-conflict-hit> (accessed: 22.08.2022).
36. Total reported funding 2021. Financial Tracking Service (FTS). – URL: <https://fts.unocha.org/global-funding/countries/2021> (accessed: 19.08.2022).
37. *Weiss T.* Humanitarian Business. – 1st ed. – Wiley, 2013. – URL: <https://www.perlego.com/book/1535537/humanitarian-business-pdf> (accessed: 06.08.2022).
38. *Willitts-King B., Bryant J.* Measuring the iceberg: the opportunities and limits of better tracking of resources beyond international humanitarian assistance. – URL: <https://odi.org/en/publications/measuring-the-iceberg-the-opportunities-and-limits-of-better-tracking-of-resources-beyond-international-humanitarian-assistance/> (accessed: 20.08.2022).
39. World's first humanitarian insurance policy issued. – URL: <http://www.wfp.org/node/598> (accessed: 19.08.2022).

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедры политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

ПОЛИТИКА РОССИИ В АРКТИКЕ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

RUSSIA'S POLICY IN THE ARCTIC IN THE CONDITIONS OF GEOPOLITICAL RIVALRY

Аннотация: статья посвящена исследованию современной российской политики в Арктике, которая последовательно реализуется в условиях геополитического соперничества с западными странами. После начала специальной военной операции на Украине, которую проводит с февраля 2022 года Россия, западные страны инициировали изменение своей политики в Арктике. Они выступили за прекращение сотрудничества с Россией в Арктике, ограничение ее деятельности в многосторонних форматах взаимодействия. Одновременно западные страны продолжали политику, направленную на развитие своего военного потенциала. Несмотря на противодействие со стороны западных стран, Россия продолжает курс на развитие Арктики и использование ее энергетического и транспортного потенциала.

Ключевые слова: Россия, Запад, Арктика, энергетика, транспорт.

Abstract: the article deals with present Russian policy in the Arctic, consistently implemented in the conditions of geopolitical rivalry with Western countries. After the start of a special military operation, which Russia began in February 2022 in Ukraine, Western countries initiated a change in their policy in the Arctic. They advocated stopping cooperation with Russia in the Arctic and limiting its activities in multilateral formats of interaction. At the same time, Western countries pursued a policy aimed at developing their military capabilities. Despite the opposition from Western countries, Russia continues to pursue its policy of developing the Arctic and using its energy and transport potential.

Key words: Russia, West, Arctic, energy, transport.

Введение

В последние несколько лет политика России в Арктике реализуется в условиях нарастающего геополитического соперничества с Западом. Это усилило заинтересованность России в дальнейшей реализации намеченных целей, которые нашли отражение в ряде документов. В марте 2020 года Президент РФ утвердил «Основы государственной политики Российской Феде-

рации в Арктике на период до 2035 года» [19]. В документе нашли отражение основные направления российской политики в Арктике. В октябре того же года был принят документ «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [12].

Интерес к Арктике, ее ресурсной базе и транспортным возможностям возрос после февраля 2022 года, когда Россия начала специальную военную операцию (СВО) на Украине. Решение России привело к расширению санкционной политики со стороны ЕС и США, которые стали вводить новые ограничительные меры. Прежде всего, они были направлены против поставок углеводородных ресурсов, экспорт которых обеспечивает наполнение российского бюджета.

Северный морской путь

В России большое внимание уделяют развитию и использованию Северного морского пути (СМП), роль которого в обеспечении поставок производимой продукции возросла в 2022 году после обострения отношений с западными странами. В августе 2022 года Правительство России утвердило план развития СМП на период до 2035 года (распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 2115). Документ охватывает широкий круг вопросов, относящихся к реализации планов по дальнейшему созданию ледокольного флота, освоению месторождений и проведению работ, связанных с формированием инфраструктуры, организацией каботажных рейсов по акватории Северного морского пути, которые позволят связать между собой порты северо-запада России и Дальний Восток.

Повышенный интерес к СМП продиктован рядом факторов. Прежде всего, ряд государств стремится добиться пересмотра статуса Северного морского пути. В частности, такой позиции придерживаются США, которые считают, что «некоторые проливы — проливы Карского моря и проливы Лаптевых и Санникова — международные, к которым применим принцип свободы судоходства» [18, с. 74—89]. Позиция США была сформирована в 1960-х годах и с того времени фактически не менялась. При этом не менялась и позиция Советского Союза, который в июле 1964 года выпустил ноту, отметив, что «Северный морской путь в некоторых

точках проходит через советские территориальные и внутренние воды. В частности, это касается всех проливов на западе и востоке Карского моря, проливов Дмитрия Лаптева и Санникова, которые исторически принадлежат СССР» [18, с. 74—89].

В последующие десятилетия СССР не раз заявлял о неизменности своей позиции. В 1967 году была выпущена нота, где подчеркивалось, что пролив Вилькицкого перекрыт территориальными водами, а проливы Дмитрия Лаптева и Санникова регулируются советским законодательством и для прохода через них требуется разрешение. В 1980-х годах были выпущены постановления Совета Министров СССР (7 февраля 1984 г.; 15 января 1985 г.). В них были определены географические координаты точек, которые определили положение исходных линий для отсчета ширины территориальных вод, экономической зоны и континентального шельфа СССР у материкового побережья и островов Северного Ледовитого океана. «Проливы Вилькицкого и Шокальского, Дмитрия Лаптева и Санникова были объявлены внутренними историческими водами СССР. Белое море, Чешская, Печерская, Байдарацкая и Обская губы, Енисейский залив, а также проливы, разделяющие острова Новая Земля, Колгуев, Вайгач, Северная Земля, острова Анжу, Ляховские острова и ряд мелких островов с материком, а также проливы, отделяющие указанные острова, земли и архипелаги друг от друга, являются внутренними водами в силу исторических обстоятельств» [18, с. 74—89].

Принятие Конвенции 1982 года не изменило позицию США. Американская сторона по-прежнему продолжала придерживаться курса на интернационализацию СМП. Российский эксперт П. А. Гудев отмечал, что «Соединенные Штаты также полагают, что право транзитного прохода должно быть применено к российским арктическим проливам уже потому, что с географической точки зрения они отвечают конвенционным требованиям о соединении одной части открытого моря/ИЭЗ¹ с другой частью открытого моря/ИЭЗ и на этом основании являются международными. Советская точка зрения, основанная на так называемом функциональном подходе — эти проливы никогда

¹ Исключительная экономическая зона.

не использовались для международного судоходства, — не принимается США в расчет» [6].

В последние годы российская позиция не претерпела изменений. В 2008 году Президент Российской Федерации утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [14]. Отмечалось, что одним из основных национальных интересов в Арктике является использование СМП в качестве национальной единой транспортной коммуникации России в Арктике. Затем в 2012 году был принят Закон, в котором «СМП рассматривается в качестве национального транспортного пути, к которому применяются специальные национальные правила судоходства» [18, с. 74—89]. Данный подход оспаривается США, которые выступают за придание СМП статуса международной транспортной артерии. Обращает на себя внимание конкретизация некоторых задач, в частности создание телекоммуникационной инфраструктуры транспортного комплекса Арктики [8].

Таким образом, российская позиция отличается последовательностью. По оценкам П. А. Гудева, «в зависимости от того, по каким акваториям, находящимся под суверенитетом или же юрисдикцией Российской Федерации, он проходит, правовой режим прохода по нему остается единым. В значительной степени это обусловлено двумя обстоятельствами исторического и практического характера: маршрут СМП многие десятилетия не использовался для международного судоходства, а его развитие, включая инфраструктурное, осуществлялось усилиями одного государства — Советского Союза, а затем Российской Федерации. Следовательно, наша страна (Россия. — *Примеч. авт.*) имеет все полномочия по осуществлению контроля за навигацией; проход по трассе СМП в любом случае предполагает пересечение акваторий, находящихся под полным государственным суверенитетом, в частности внутренних вод, включая ряд арктических проливов, а значит, здесь может действовать максимально жесткий режим захода/пересечения всех морских пространств, а именно — разрешительный. При этом даже гипотетическая возможность прохода части трассы СМП за пределами зон суверенитета и юрисдикции Российской Федерации в силу благоприятных ледовых условий, то есть через районы открыто-

го моря, не исключает необходимости дальнейшего пересечения внутренних вод Российской Федерации» [4, с. 142—164].

Эксперт подчеркивал также, что «нет никакой необходимости в принижении того правового статуса, который был закреплен за целым рядом арктических акваторий, прежде всего проливов, как на уровне советского национального законодательства, так и правовой доктрины. Они должны последовательно рассматриваться в качестве внутренних исторических вод, проход через которые может носить исключительно разрешительный характер» [3, с. 130—147].

В отношении СМП Россия проводит политику, направленную на увеличение грузопотока. В 2011 году объем перевозок по СМП составлял 258 тыс. т, в 2019 году — 31,5 млн т [13], в 2020 году — 32,9 млн т [22]. В марте 2018 года в Послании Федеральному Собранию Президент РФ В. В. Путин поставил задачу увеличить грузоперевозки по СМП до 80 млн т к 2025 году и сделать СМП «глобальной конкурентной транзитной артерией» [15]. В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года» (утверждена 26 октября 2020 г. Президентом РФ) были заложены новые прогнозы объема перевозок по СМП. Ожидалось, что к 2030 году по СМП должно перевозиться до 90 млн т, к 2035 году — до 130 млн т в год [20]. Достичь данных показателей сложно. Основной объем перевозок приходится на природные ресурсы.

Морская доктрина Российской Федерации

Тем не менее СМП по-прежнему рассматривается в качестве приоритета арктической политики. Реализация масштабных планов по развитию СМП связана с долгосрочными задачами, которые сформулированы в разных документах. Среди последних документов, в которых нашла отражение проблема Арктики, следует выделить Морскую доктрину Российской Федерации [10]. Документ был утвержден Президентом России 31 июля 2022 года и заменил собой прежнюю редакцию Морской доктрины, утвержденной 17 июня 2015 года.

В документе подчеркивается, что СМП является национальной транспортной артерией. Фиксация данного положения направлена на противодействие попыткам ряда государств, кото-

рые выступают за интернационализацию Северного морского пути. Так, в Доктрине подчеркивается, что «проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мире, в том числе в Мировом океане. Реализуемая ими политика сдерживания Российской Федерации предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [10]. Помимо этого согласно Доктрине контроль военно-морской деятельности иностранных государств в акватории Северного морского пути является одним из приоритетов национальной морской политики РФ на арктическом региональном направлении [11].

В отношении СМП новая редакция Морской доктрины четко зафиксировала положение, что к числу основных вызовов и угроз в Арктике относятся «усилия ряда государств, предпринимаемые в целях ослабления контроля Российской Федерации над Северным морским путем, наращивание иностранного военно-морского присутствия в Арктике, возрастание конфликтного потенциала в этом регионе» [10], а также попытки ряда государств изменить действующие правовые режимы морских пространств и проливов, используемых для международного судоходства в интересах достижения собственных геополитических целей» [10].

В документе большое внимание уделяется проблеме развития Арктической зоны Российской Федерации, которая рассматривается в качестве «стратегической ресурсной базы». Отмечается, что необходимо обеспечить ее «рациональное использование, включая полномасштабное освоение континентального шельфа Российской Федерации за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны Российской Федерации, после закрепления его внешней границы в соответствии со статьей 76 Конвенции Организации Объединенных наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г.» [10].

Морская стратегия подчеркивает, что «исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации, включая континентальный шельф Российской Федерации за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны Российской Федерации в Арктическом бассейне в грани-

цах, определенных рекомендациями Комиссии по границам континентального шельфа в соответствии со статьей 76 Конвенции ООН по морскому праву» [10], относятся к жизненно важным районам, где существуют национальные интересы Российской Федерации.

Кроме того, документ предусматривает реализацию судостроительного комплекса на Дальнем Востоке, в том числе строительство авианосцев. «Развитие на Дальнем Востоке современного высокотехнологического судостроительного комплекса, предназначенного для строительства крупнотоннажных судов (в том числе для освоения Арктики), современных авианесущих кораблей Военно-морского флота», подчеркивалось в документе.

Новая Морская доктрина Российской Федерации включает в себя положение, согласно которому Россия должна увеличить объем геологоразведочных работ и добычи углеводородных ресурсов на континентальном шельфе, в Арктической зоне.

Данная задача не является новой. Она обсуждалась с начала XXI века, когда появились данные о значительных запасах нефти и газа на шельфе арктических морей. Это усилило интерес многих арктических и неарктических государств к месторождениям углеводородных ресурсов, повысило заинтересованность в получении к ним беспрепятственного доступа. Для России решение задачи обеспечения надежного доступа связано с рядом факторов, которые ослабляют ее позиции. «Хотя сегодня позиции России в этой сфере еще достаточно прочны, намечается существенное отставание ее от других государств: в РФ нет ни профильных научно-исследовательских институтов, ни технического оборудования, ни соответствующего законодательного обеспечения в данной области» [5, с. 55—73]. Это создавало риски ослабить влияние России в Арктике в перспективе.

В то же время пока нет точных данных относительно запасов природных ресурсов в Арктике. Все оценки запасов и прогнозы добычи имеют предварительный характер. Причины этого кроются в отсутствии геологических и геофизических исследований. Каждая из стран проводила исследования, которые отличались фрагментарностью и не давали четкого представления о запасах. Российские оценки говорят о том, что в регионе находится

66 млрд т нефти и 100,5 трлн м³ газа [1, с. 111]. Другие данные говорят о том, что в Арктике находится до 90 млрд баррелей нефти, 50 трлн м³ газа [21]. В 2021 году Министерство природных ресурсов РФ уточнило оценки запасов углеводородных ресурсов, оценив запасы нефти и газа «в 3,87 млрд т и в 3,7 трлн м³ соответственно» [9].

Эксперты из США отмечали, что газ составляет 30% неразведанных мировых запасов газа (47,3 трлн м³) [24, с. 1—24]. По мнению канадского исследователя Майкла Байерса, «запасы в Арктике составляют 83 млрд баррелей нефти и 44 трлн м³ газа» [23, с. 179].

Несмотря на отсутствие точных запасов, Россия стремилась разрабатывать месторождения нефти и газа. Внимание уделялось разработке Штокмановского газоконденсатного месторождения. Оно расположено в центральной части шельфа российской части Баренцева моря в 650 км от порта Мурманска. Однако из-за сложных природных условий, технических сложностей и отсутствия необходимых технологий Россия отложила разработку данного месторождения. В то же время более успешно продвигалась разработка Приразломного нефтяного месторождения. Начало добычи нефти стало одним из первых успехов, достигнутых при разработке арктических месторождений и «важным фактором в развитии нефтяного бизнеса» [16].

В настоящее время ставка сделана на разработку месторождений, расположенных на полуострове Ямал. Запасы трех месторождений — Бованенковское, Харасавэйское и Новопортовское, — расположенных на полуострове, «составляют около 6 трлн м³ газа, более 100 млн т конденсата и почти 230 млн т нефти. В целом на полуострове разведано 12 трлн м³ газа, а прогнозные оценки превышают 50 трлн м³ газа» [2, с. 38—44].

Внешняя граница континентального шельфа

Усилия России направлены на определение внешней границы континентального шельфа. Статья 83 Конвенции 1982 года определила подходы к разграничению арктического шельфа с соседними государствами. Страны должны обращаться в Комиссию по границам континентального шельфа (КГКШ). Российский эксперт И. С. Жудро отмечал, что «Конвенция 1982 года

провозгласила появление нового правового института — международного района морского дна, который вместе с ресурсами объявляется общим наследием человечества» [7, с. 9—10]. Согласно статье 76 континентальный шельф прибрежного государства ограничен от района по внешней границе подводной окраины материка или расстоянием в 200 морских миль от исходных линий. За пределами 200 морских миль внешняя граница шельфа определяется с использованием специальных геологических критериев — формулы расчета и ограничений. При этом Комиссия, в которую подается заявка, дает лишь рекомендации, которые готовятся на основании обращения. Таким образом, Конвенция является техническим органом, который не рассматривает неурегулированные споры. И. С. Жудро подчеркивал, что «возможности ограничения континентального шельфа прибрежного государства от международного района морского дна посредством обращения в Комиссию обусловлены отсутствием всякого территориального или морского спора» [7, с. 9—10]. В результате Комиссия лишь подтверждает, что участки дна, на которые претендуют прибрежные страны, являются континентальным шельфом. Затем страны должны через переговоры разграничить спорные участки.

Каждое государство с арктическим побережьем может расширить площадь своего континентального шельфа. При этом расширение не будет иметь юридического статуса, пока КГКШ не даст четких рекомендаций, подтверждающих научную обоснованность геологических сведений. Процедура завершается, когда КГКШ рассматривает заявку, дает рекомендации по определению границ континентального шельфа, и границы шельфа перечерчиваются государством с учетом рекомендаций Комиссии.

Последние заявки России основаны на имеющихся доказательствах того, что геоморфологические особенности дна Северного Ледовитого океана аналогичны геоморфологическим особенностям континентальной суши страны. Представления являются частью последовательного юридического процесса, инициированного Россией в 2001 году. Они не превратятся в юридические права до тех пор, пока Комиссия не рассмотрит их должным образом и не вынесет рекомендации, предлагающие один из двух вышеуказанных процессов — делимитации

или разграничения. Учитывая, что в последних документах России добавлены расширения, что приводит к перекрытию прав, вероятным результатом процесса будет делимитация, то есть вовлеченные государства инициируют процесс делимитации, а Комиссия сделает рекомендации. С учетом этого действия России свидетельствуют о ее приверженности международному праву следовать надлежащему правовому процессу, требующему представления научных доказательств КГКШ.

Активная политика России в Арктике усилила интерес других арктических стран, которые начали действовать активно. В итоге Россия столкнулась с жесткой позицией США и Канады. Эти страны придерживались позиции, что хребет Ломоносова не является продолжением материка. Следовательно, Россия «не могла претендовать на расширение внешней границы континентального шельфа» [17].

31 марта 2021 года Россия подала две заявки в КГКШ с целью расширить внешнюю границу своего континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Они охватывали шельф, который простирался до Северного полюса и исключительных экономических зон Гренландии и Канады. Заявки, поданные в марте 2021 года, дополнения к пересмотренной заявке 2015 года, представляют собой дальнейшее расширение континентального шельфа примерно на 705 000 км². В целом предложенный Россией расширенный континентальный шельф будет охватывать 70% Северного Ледовитого океана за пределами ИЭЗ прибрежных государств. Он будет перекрывать представленный Данией приблизительно на 800 000 км², что на 200 000 км² больше, чем предыдущее разграничение.

Заключение

Политика России в Арктике направлена на закрепление лидирующих позиций в освоении данного региона, обеспечении национальной безопасности. В условиях санкционной политики, которую проводят западные государства, Россия стремится реализовывать свои долгосрочные интересы в Арктике.

Основные усилия России сосредоточены на развитии Северного морского пути и использовании ресурсной базы в прибрежных территориях. Это предполагает расширение возможностей

ледокольного флота, который получил развитие в последнее десятилетие, и создание необходимой инфраструктуры.

Литература

1. Арктика: интересы России и международные условия их реализации / авт. кол.: Ю.Г. Барсегов (рук.), В.А. Корзун, И.М. Могилевский. – М.: Наука, 2002.
2. Голубчиков С. Арктика и геополитическое будущее России // Энергия: экономика, техника, экология. – 2011. – № 3.
3. Гудев П.А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть II) // Арктика и Север. – 2020. – № 41.
4. Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть I // Арктика и Север. – 2020. – № 40.
5. Гудев П.А. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.: стратегические риски и возможности для России // Пути к миру и безопасности. – 2019. – № 1 (56).
6. Гудев П.А. Северный морской путь: национальная или международная транспортная артерия? – 13.09.2018. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/severnyy-morskoy-put-natsionalnaya-ili-mezhdunarodnaya-transportnaya-arteriya/> (дата обращения: 21.11.2022).
7. Жудро И.С. Международно-правовой режим дна Северного Ледовитого океана. Проблемы разграничения // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 14. – 2015. – Вып. 4.
8. Крамник И.А. Новая Морская доктрина России: применение идеологии С.Г. Горшкова в XXI веке. – 01.08.2022. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/russias-new-naval-doctrine-application-of-the-ideology-of-sg-gorshkov-in-the-xxi-century> (дата обращения: 21.11.2022).
9. Мордюшенко О. Все пути ведут в Арктику // Коммерсант. – 2022. – 2 сент. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4955127> (дата обращения: 11.11.2022).
10. Морская доктрина Российской Федерации [утв. Указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xBBH7DL0Ricfdt dWP0l32UekiLMTAyсW.pdf> (дата обращения: 12.11.2022).
11. Новая Морская доктрина России: главные положения и приоритеты. – 31.07.2022. – URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/07/31/novaya-morskaya-doktrina-grossii-glavnye-polozheniya-i-prioritety> (дата обращения: 12.11.2022).
12. О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечении национальной безопасности на период до 2035 года. – 26.10.2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/64274> (дата обращения: 14.11.2022).
13. Объем грузоперевозок по Севморпути увеличился на 57% в 2019 году. – 19.02.2020. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/7816947> (дата обращения: 17.11.2022).
14. Об Основах государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. 18.09.2008. – URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 11.02.2020); Указ Президента РФ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». – 05.03.2020. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 12.11.2022).
15. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. – 01.03.2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 18.11.2022).
16. Приразломное месторождение. – URL: <https://www.gazprom.ru/projects/prirazlomnoye/> (дата обращения: 24.11.2022).
17. Севунц Л. Россия сделала важный научный шаг для расширения границ арктического континентального шельфа. – 10.04.2019. – URL: <https://pro-arctic.ru/10/04/2019/press/36313> (дата обращения: 23.11.2022).
18. Тодоров А.А. Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-западном морском пути // Арктика и Север. – 2017. – № 29.
19. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». – 05.03.2020. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 07.11.2022).

20. Указ Президента Российской Федерации «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года». – 26.10.2020. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckyOPAAQqfxN6Xit6ti6XzрTVAvQy.pdf> (дата обращения: 07.11.2022).
21. *Федяшин А.* Форум в Москве: как будем делить Арктику. – 19.09.2010. – URL: http://rian.ru/arctic_analytics/20100917/276520692.html (дата обращения: 23.11.2022).
22. *Чижевский А.* В 2020 г. грузооборот по Северному морскому пути вырос почти на 5%. – 11.01.2021. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/658338-v-2020-g-gruzooborot-po-severnomu-morskому-puti-vyros-pochti-na-5/> (дата обращения: 23.11.2022).
23. *Byers M.* Who Owns the Arctic? Understanding Sovereignty disputes in the North. – Vancouver: Douglas and McIntyre, 2009.
24. *Cohen A.* Russia in the Arctic: Challenger to US Energy and Geopolitics in the High North // Russia in the Arctic. – SSI, 2011.

Зотов Вячеслав Сергеевич,

соискатель кафедры политологии,
Московский государственный лингвистический университет, Москва.

Vyacheslav S. Zotov,

Applicant (Political Science),
Moscow State Linguistic University, Moscow.

E-mail: v.s.zot@bk.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

SOME PROBLEMS WITHIN THE ORGANIZATION OF INTERNATIONAL ACTIVITY OF RUSSIAN UNIVERSITIES

Аннотация: статья посвящена проблемам в сфере международного сотрудничества вузов. В ней обосновывается важность образования в современных процессах глобализации, интернационализации и регионализации. Подчеркивается, что образование стало глобальным и постоянно усложняющимся феноменом. В статье сделан акцент на сотрудничестве между университетами регионов России и иностранными государствами. Выявлен перечень основных проблем, связанных с международной деятельностью университетов. Кроме того, рассматриваются вызовы, появившиеся по причине новой политической реальности, анализируются проблемы, которые стоят перед российскими университетами, находящимися на территории приграничных субъектов Российской Федерации, а также дается оценка официальным государственным документам, которые регулируют международную деятельность российских вузов. В статье рассматриваются сложившиеся методы и формы международного сотрудничества вузов и дается авторская оценка такой деятельности.

Ключевые слова: международное сотрудничество вузов, образование, проблемы, вызовы, правовая база, сеть университетов.

Abstract: the article is devoted to the international cooperation of universities. The article substantiates the importance of education in the modern processes of globalization, internationalization and regionalization. It is emphasized that education has become a global and ever more complex phenomenon. The article focuses on cooperation between universities of Russian regions and foreign countries. The list of the main problems connected with the international activity of universities is revealed. New challenges for universities are considered according to new political reality. The article analyzes the challenges facing Russian universities located on the territory of the border regions of the Russian Federation. The article assesses the official state documents that regulate the international activity of Russian universities. The existing methods and forms of international cooperation of universities are considered. The author's assessment of such methods and forms is given.

Key words: international cooperation of universities, education, problems, challenges, legal framework, universities.

Введение

На протяжении длительного времени наука и образование считались движущей силой прогресса и развития. Начиная со второй половины XX века наука и сфера образования стали важной частью международной деятельности. Процессы глобализации не могли не коснуться и сферы образования и науки. Вместе с тем необходимо отметить, что тенденции в развитии высшего образования стоит рассматривать не только со стороны глобализации, но и с позиций интернационализации. Они представляют собой два взаимосвязанных процесса, которые обуславливают появление у университетов новых задач.

Сегодня же к глобализации и интернационализации добавляется процесс регионализации. Несмотря на то что регионализация и глобализация, на первый взгляд, противоречат друг другу, в действительности один процесс является «ускорителем» для другого. При этом важно учитывать, что современное образование представляет собой фактор, воздействующий на национальную безопасность, поскольку посредством образования у граждан формируется определенная система политических ценностей [5, с. 254—277].

Взаимодействие вузов разных стран является одним из самых интенсивных направлений международного сотрудничества, целью которого является создание единого образовательного пространства, служащего, с одной стороны, обогащению образовательных систем, повышению конкурентоспособности экономики, формированию высококвалифицированных специалистов, а с другой — решению политических, социальных, экологических, экономических проблем в перспективе.

Международное сотрудничество вузов вносит определенный вклад не только в содействие миру между государствами и соседними странами за счет совместных программ и обмена опытом, но и в развитие экономики, улучшение имиджа страны на международной арене. Важность профессионального образования для усиления позиций страны признает и руководство государства. Так, по мнению В. В. Путина, к самым важным обстоятельствам, способствующим повышению конкурентоспособности экономики, относятся: «квалификация инженеров и рабочих и талант исследователя» [17]. В соответствии с Указом Президента Рос-

сии от 25 декабря 2020 г. № 812 «О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий» 2021 год был провозглашен годом науки и технологий, что свидетельствует о государственной поддержке развития образования. Реализация Указа стала частью государственной политики, которая направлена на научно-технологическое развитие страны, обеспечение конкурентоспособности российской экономики, повышение квалификации кадров. Всего же в 2021 году в стране было организовано более 4 тыс. мероприятий по популяризации науки и образования среди российской молодежи.

Целью развития научно-технической сферы нашей страны является обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности России. Осуществить это невозможно без соответствующим образом организованной образовательной деятельности. Важную роль в данном процессе призваны сыграть российские университеты.

Однако, несмотря на осознание всеми государственными структурами важности образования, в данной сфере существует ряд ключевых проблем, требующих решения.

Регламентация международной деятельности российских вузов

Не вызывает сомнений то, что в современных условиях университеты не смогут реализовать свою миссию без участия в международном сотрудничестве, которое, в свою очередь, нуждается в поддержке государства, в правовой и иной регламентации. Неудивительно, что некоторые университеты России превратились в полноправных участников международного взаимодействия. Само образование стало в современных условиях глобальным феноменом: в него вовлечены множество акторов, его облик сегодня образно можно сравнить с переплетенной сетью. Важное место в этой сети, по мнению отечественного исследователя И. И. Жуковского, занимают университеты, которые представляют собой центры генерирования нового знания, преобразования мира и сохранения исторической памяти [11, с. 68].

По мнению исследователей М. А. Костенко и В. Н. Козулина, в современных реалиях произошла трансформация задач, которые стоят перед университетами. Они не только являются цен-

тром сохранения и передачи знаний, но и превратились в научно-исследовательские центры, которые имеют тесную связь с бизнесом, государственными структурами и промышленностью [13, с. 4]. Мировой опыт показывает, что университеты способны оказать существенное воздействие на конкурентоспособность своих стран и стимулировать экономическое развитие. Понятно, что такая роль университетов выходит за национальные рамки.

Многие крупные зарубежные вузы активно развивают сотрудничество с иностранными партнерами. Сотрудничество в сфере науки, получение зарубежного опыта и образования являются неотъемлемой частью деятельности университетов иностранных государств. Наша страна осмысливает и по мере необходимости перенимает позитивный опыт зарубежных государств, включается в процесс взаимодействия и сотрудничества вузов. Подтверждением этому являются новые государственные программы развития науки и образования, формирование профессиональных государственных стандартов, которые отвечают потребностям современного общества. Для этого российским вузам необходимо принимать во внимание не только особенности национального, но и зарубежного рынка труда.

Российское государство осознает важную роль образования для развития общества и страны в целом. В интересах достижения этой цели в последние годы были разработаны соответствующие программы и проекты:

- 1) Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»;
- 2) постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»;
- 3) Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021—2030 годы) от 31 декабря 2020 г.

В настоящее время в России реализуются такие национальные проекты, как «Наука», «Наука и университеты». Принят ряд федеральных проектов, направленных на стимулирование деятельности образовательных и научных организаций. Причем ука-

занные проекты и программы предполагают развитие международного научного сотрудничества.

Так, в программе фундаментальных научных исследований содержится положение о том, что России необходимо выйти на передовые места в мировом рейтинге научных исследований и разработок [9]. Между тем государство должно осознавать неизбежность существенных финансовых затрат и необходимость поддержки.

Правовой основой деятельности университетов в нашей стране является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В документе содержатся нормы, регламентирующие сферу международной деятельность вузов. Для этого предусматривается помощь формированию партнерства отечественных и зарубежных вузов, привлечение иностранных студентов, обоюдное принятие дипломов, создание и осуществление общих просветительских, а также академических проектов вместе с заграничными организациями, осуществление общих программ, развитие новаторства [24].

Российские университеты вправе подписывать с зарубежными вузами дополнительные соглашения, которые не противоречат нормам, содержащимся в государственных документах. Так, между регионами России и Китая существует целый ряд дополнительных соглашений. Одним из них является соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном обмене между Хабаровским краем и провинцией Хэйлунцзян [20].

Международные соглашения и договоры, регламентирующие взаимодействие вузов и развитие сотрудничества в сфере образования, могут подписываться и на высшем уровне. Примером служит соглашение между правительствами Российской Федерации и Казахстаном о сотрудничестве в области культуры, науки и образования. Соглашение было подписано в 1999 году; в нем содержится 28 статей. Соглашением предусмотрены содействие развитию связей в области физической культуры и спорта, здравоохранения и медицины, создание и функционирование на территории своего государства национальных культурных центров другой Стороны, признание эквивалентными уже выданных документов об образовании, квалификационных аттестатов и дипломов и др.

В условиях глобализации сложилась еще одна важная тенденция в сфере международного сотрудничества университетов, а именно интернационализация. Данный процесс характеризует возможность увеличения влияния университета в стране и за рубежом посредством:

- 1) углубления стратегического партнерства между вузами;
- 2) привлечения ученых и профессорско-преподавательского состава;
- 3) мобилизации внутренних интеллектуальных ресурсов [10, с. 24].

В рамках интернационализации можно выделить два направления: внутреннее и внешнее (табл. 1).

Таблица 1

Направления интернационализации

Внутренняя интернационализация	Внешняя интернационализация
Приглашение иностранных преподавателей	Международная мобильность студентов, преподавателей и сотрудников
Курсы иностранного языка	Обоюдное признание дипломов и квалификаций
Совместные программы	Мобильность международных программ
Членство в международных образовательных организациях	Разработка новых международных образовательных стандартов
Маркетинговая активность проекта	

Одним из шагов на пути к развитию международного сотрудничества вузов стало вступление России в Болонский процесс, который, как изначально предполагалось, будет направлен на гармонизацию и сближение стран-участниц в сфере образования. Считалось, что для развития сотрудничества вузов и подготовки высококвалифицированных специалистов, которые отвечают современным запросам общества, необходимо, чтобы уровни образования во всем мире были сопоставимы.

К основным *формам* международного сотрудничества в сфере высшего образования следует отнести:

- учреждение и развитие совместных образовательных, научно-технических и исследовательских центров;

- расширение академического обмена учеными и преподавателями;
- обмен студентами и их обучение за границей;
- проведение международных конференций и совещаний между представителями вузов из разных стран. Например, в 2021 году прошла российско-чешская VIII Международная научно-практическая конференция «Science, Technology and Life». Участниками, как было заявлено, могли стать научные работники, работники образовательных учреждений, преподаватели вузов, докторанты, аспиранты, магистранты, студенты [27];
- открытие филиалов, представительств иностранных университетов на своей территории. К примеру, Институт Конфуция, несколько языковых и культурных центров включены в образовательную деятельность Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ);
- совместные программы сотрудничества. Совместные интегрированные образовательные программы являются одним из средств достижения целей Болонской декларации. Примером успешных совместных образовательных программ является сотрудничество между Белгородским государственным университетом и Бременским университетом Германии. В 2005 году оба университета запустили совместную программу сотрудничества на факультете языкознания и литературоведения, которая предусматривает студенческий обмен. Ежегодно в Германию на стажировку отправляются от трех до шести российских студентов немецкого и английского отделений [15, с. 259].

Принимая во внимание мировой опыт международной деятельности вузов, можно выявить два основных направления сотрудничества. Первое направление отражает интегративную функцию, поскольку в ее рамках осуществляется обмен студентами и преподавателями, реализуются программы двойных дипломов, проходят стажировки за рубежом. К функциям, связанным со вторым направлением, можно отнести познавательную. В нее включены приглашение зарубежных исследователей и преподавателей для проведения лекций и семинаров, организация курсов, конференций, проведение модульных занятий.

Например, Алтайский край тесно сотрудничает в этой сфере с Францией: существование договоров и соглашений делает возможным подготовку специалистов на европейском уровне и повышает конкурентоспособность российских студентов на рынке труда [6, с. 52];

- сетевое взаимодействие вузов. Сетевое взаимодействие вузов — система, состоящая из горизонтальных (с участием учреждений профессионального образования одного уровня), вертикальных (организация совместной деятельности образовательных организаций различных уровней) и смешанных (вуз + наука, территориально-отраслевые кластеры и др.) связей, целями которой являются:

- 1) доступность образования;
- 2) повышение профессиональной компетентности профессорско-педагогического состава;
- 3) принцип открытости образовательных учреждений;
- 4) использование современных компьютерных технологий и инновационных технологий;
- 5) развитие стратегически важных областей.

Следует при этом отметить, что международные сети университетов начали свое становление в XX веке. Первым примером сетевого взаимодействия вузов является Ассоциация университетов Содружества (Association of Commonwealth Universities), которая была основана в 1913 году. Интенсивное развитие международная сеть университетов получила после 1990-х годов.

Сетевое взаимодействие вузов может протекать в разных формах, таких как ассоциации, объединения, консорциумы [8, с. 69—73].

Рассмотрим виды сотрудничества по отдельности.

1. *Кооперация*. Примерами кооперации в сфере образования выступают, например, программы двойного диплома. Так, МГЛУ реализует программу двойного диплома с Китаем, Испанией, Францией и Болгарией по направлениям подготовки «Лингвистика», «Зарубежное регионоведение», «Филология». МГУ имени М. В. Ломоносова и Пекинский политехнический университет в Шэньчжэне (Китай) также сотрудничают по программе двойного диплома. Студенты этих университетов имеют возможность получить двойной диплом по направлениям под-

готовки «Нанобиотехнология», «Фундаментальная и системная экология». Явным лидером по количеству совместных программ является Российский университет дружбы народов. В настоящее время здесь реализуются 106 магистерских программ с зарубежными вузами, половина из которых — с учреждениями высшего образования Китая.

2. В условиях глобализации и интернационализации возрастает роль такой формы сотрудничества, как *ассоциация*. Международная ассоциация университетов представляет собой организацию, объединяющую множество вузов из разных стран; ее целями являются развитие сотрудничества в сфере образования и укрепление единого образовательного пространства. Одной из самых известных ассоциаций является Международная ассоциация вузов, штаб-квартира которой находится в Париже. Членами Ассоциации являются 542 университета. Россию в организации представляют девять вузов, среди которых — Российский технологический университет, Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова.

3. Можно заключить, что международное сотрудничество российских вузов представляет собой хорошо развитую систему, характеризующуюся многообразием форм. Вместе с тем следует констатировать, что на сегодняшний день сотрудничество вузов существенно осложнено рядом обстоятельств.

Проблемные вопросы международного сотрудничества вузов в России

При наличии значительного количества примеров сотрудничества вузов Российской Федерации и зарубежных стран и накопленного опыта такой деятельности для объективной оценки сложившейся ситуации необходимо учитывать также проблемы, которые образовались в разных сферах.

Нормативно-правовая база. Несвершенство нормативно-правовой базы представляет собой препятствие для развития международного сотрудничества вузов. Одним из важных пунктов международного сотрудничества вузов является получение двойного диплома. На данный момент в России законодательно не закреплена программа, реализующая программу

«двойного диплома». В соглашениях с зарубежными странами прописаны основные направления по развитию сотрудничества, но не включены основные инструменты или меры по их исполнению.

Финансирование образования. Несмотря на то что политическая и экономическая элиты осознают важность образования для развития бизнеса, экономики и страны в целом, имеет место тенденция снижения государственных расходов на образование. Так, часть государственного бюджета России 2022 года, направленная на расходы на образование, по сравнению с предыдущим годом уменьшилась, согласно официальным данным, на 43,8 млрд руб. [7]. Другим подтверждением существующей проблемы являются показатели внутренних затрат на научные исследования и разработки. Согласно действующей в России программе научно-технического развития доля ВВП, выделенного на эту сферу, составит только 1,64 %, что является недостаточным. В связи с политической и экономической ситуацией, сложившейся на начало 2022 года, и прогнозируемой инфляцией и без того ограниченные расходы, по всей видимости, еще более сократятся.

Подготовка научно-педагогических кадров. Здесь достаточно указать на то, что снижение в России количества аспирантов обусловлено низкими стипендиями и невозможностью обеспечить собственное благополучие, не говоря уже о семье. Поэтому молодые люди всё чаще предпочитают выбирать работу вместо образования. Характеризуя состояние и перспективы обеспечения кадровых ресурсов для пополнения научно-исследовательского корпуса страны, необходимо отметить, что в 2019 году в России насчитывалось 84,3 тыс. аспирантов, что в 1,8 раза меньше, чем в 2010 году [16].

Более того, снижается количество не только аспирантов, но и защищенных диссертаций. Неприемлемость сложившейся ситуации признает и руководство государства. Так, по словам Президента Российской Федерации, уменьшение количества защит становится системной проблемой, ведь только 12 % аспирантов защищают диссертации в аспирантуре [18]. Достаточно показательна ситуация в сфере политических наук (табл. 2).

Таблица 2

Динамика деятельности аспирантуры и докторантуры по направлению подготовки «Политические науки и регионоведение» в 2017–2020 гг. (чел.) [1, с. 104]

Годы	Выпуск	В т. ч. с защитой диссертации
<i>Аспирантура</i>		
2017	178	7
2018	266	9
2019	256	5
2020	242	4
<i>Докторантура</i>		
2018	12	5
2019	8	2
2020	6	1

Другим обстоятельством, имеющим негативные последствия, является сокращение диссертационных советов, подотчетных Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (ВАК). В связи с изменением процедуры экспертизы диссертаций существует вероятность снижения качества научных работ исследователей, чьи труды не отличаются оригинальностью и не соответствуют предъявляемым требованиям. Кроме того, перед исследователями, особенно региональных вузов, достаточно остро встает вопрос: как обрести ученую степень и ученое звание? Стоит отметить, что данным вопросом задаются не только отечественные исследователи, но и зарубежные.

Иностранный язык. Недостаточный уровень владения иностранным языком или его отсутствие являются еще одной серьезной проблемой для развития международного сотрудничества вузов. Стоит отметить, что данная проблема касается не только студентов, но и профессорско-преподавательского состава. По словам Е. А. Халимон, «незнание иностранного языка отечественными преподавателями не может гарантировать точную передачу материала студентам и ведет к отсутствию достаточных профессиональных навыков у учащихся» [25, с. 65]. Небольшая доля университетов в России реализуют образова-

тельные программы на другом языке. В 2007/2008 учебном году подобные проекты осуществляли в целом 15% отечественных институтов [12, с. 261].

Миграционные условия. Барьером для получения образования являются трудности с оформлением виз студентам и преподавателям. Кроме того, пребывание этой категории лиц связано с рядом ограничений. К примеру, во время освоения образовательной программы иностранный студент не может быть официально трудоустроен на территории Российской Федерации. В связи с этим стоит отметить, что обеспечение минимально приемлемого уровня материального благополучия является одним из важных условий развития и становления молодого специалиста.

Следующая проблема связана со снижением социального *престижа науки и образования* как сферы самореализации среди российской молодежи. Возможная причина данной проблемы кроется в недостатке примеров успешных людей, получивших высшее образование. К сожалению, молодежь сегодня часто в своем поведении ориентируется на молодых блогеров, стартаперов.

Развитие международных связей российских вузов существенно осложнилось современной политической реальностью и проведением специальной военной операции в Украине. Многие зарубежные партнеры стали отказываться от сотрудничества с Россией во многих сферах, и образование не стало исключением. Зарубежные представители профессорско-преподавательского состава стали ограничивать или разрывать сложившиеся связи с российскими коллегами вследствие оказываемого на них прямого административного и политического давления. Россия приняла решение выйти из Совета Европы. По мнению значительного числа экспертов, выход из организации повлияет на развитие и становление самостоятельности во всех отношениях. В сфере образования процесс затронет систему ЕГЭ и ОГЭ, стратегическое партнерство в области образования.

Вполне обоснованно, что в ходе пленарного заседания научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, состоявшегося 17 мая 2022 года, значительное внимание было уделено обсуждению актуальных вопросов научного обеспечения национальной безопасности в меняющихся условиях. Обсуждались также вопросы сохранения и укрепления духов-

но-нравственных ценностей. Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушев поднял вопрос обеспечения суверенизации образования и науки [22]. Следует также отметить, что данное понятие актуализировалось и вошло в оборот в России с 2021 года после выступления А. И. Бастрыкина [23]. Председатель Следственного комитета тогда подчеркнул, что в настоящее время не существует ответа на вопрос: почему в условиях гибридного противостояния и деструктивного воздействия Россия не взялась за суверенизацию образования?

В условиях же усиления внешнего давления на нашу страну, стремясь обеспечить в сложившихся условиях суверенизацию отечественных систем науки и образования, руководство Минобрнауки России в конце мая 2022 года заявило о намерении отказаться от Болонской системы и разрабатывать собственную модель высшего образования [19]. При этом необходимо признать, что шаги, направленные на суверенизацию образования и науки, объективно содержат в себе и вызовы, и риски для международного сотрудничества российских вузов.

В итоге реальность ставит перед системой российского образования новые задачи, которые требуют незамедлительного решения. Государству стоит обдумывать свои решения, не отказываясь ни от советской системы образования, ни от системы, которая сформировалась после 1991 года в России, а взять из них всё самое лучшее и создать нечто новое.

Российской Федерации необходимо проанализировать существующие проблемы, связанные с международным сотрудничеством вузов, и предпринять шаги для их решения. При этом ситуация представляется довольно сложной именно для региональных вузов.

Проблемы организации международной деятельности региональных вузов

Очевидно, что проблемы, вызовы и риски, с которыми сталкиваются региональные вузы при организации международной деятельности, имеют свои особенности. Актуальность исследования данного вопроса заключается во всё более активной международной деятельности регионов разных государств на приграничных территориях. Одной из основных причин развития

приграничного сотрудничества регионов является санкционная политика, направленная против России, когда официальные государственные каналы ведения внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности ограничены. Государство привлекает регионы для решения проблем. В нынешних политических и экономических условиях, сложившихся в связи с военными действиями на Украине, Россия вынуждена искать новых партнеров на Востоке. Сегодня восточные регионы активно развивают партнерство со странами Азии во всех областях.

Право регионов развивать сотрудничество в сфере науки и образования закреплено в Федеральном законе от 4 января 1999 г. № 4 ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Согласно статьям 1 и 2 Закона субъекты Российской Федерации вправе осуществлять международные и внешнеэкономические связи «в торгово-экономической, научно-технической, <...> и других областях» [14].

Проблемы, связанные с сотрудничеством университетов на приграничных территориях, исследователи выделяют в отдельную категорию. Во-первых, сотрудничество образовательных организаций, расположенных в приграничных областях, напрямую затрагивает сферу национальной безопасности. Вопросы, связанные с обеспечением политической, экономической безопасности и защитой границ, усложняют построение и развитие сотрудничества с зарубежными партнерами.

Во-вторых, следует отметить разный уровень экономического положения российских регионов. Серьезные проблемы создает ограниченное финансирование. Большинство исследователей разделяют мнение о том, что на данном этапе развития нашей страны представляется возможным делегировать больше полномочий субъектам Российской Федерации при управлении вузами. Однако стоит сохранить большую часть финансирования из федерального бюджета для сохранения единой образовательной политики [2, с. 132].

В-третьих, нельзя не учитывать уровень добрососедства и общественных отношений в приграничных областях. В ряде случаев имеют место относительное недоверие и фобии по отношению к другому народу. Образы столетней давности, представле-

ние соседнего государства в средствах массовой информации влияют на восприятие народами друг друга. Соответственно, отягощенность историческим опытом оказывает влияние на сотрудничество приграничных территорий. Ситуация еще более усложняется, если два государства в прошлом вели войны. В целях решения данной проблемы документами, регламентирующими развитие образования, предусмотрено формирование межкультурной компетентности. Она представляет собой возможность понять культурные особенности других народов, способствует успешной коммуникации между представителями разных культур, несмотря на различия в языке, традициях, поведении, этикете, религии, ценностных ориентирах. В связи с этим российские исследователи обоснованно ставят вопрос о совершенствовании международной политической коммуникации и о формировании у специалиста такого профессионально важного качества, как коммуникативная компетентность [4, с. 179].

Развитие международного сотрудничества вузов в приграничных субъектах Российской Федерации представляет собой важное направление с политической, культурной и научной точек зрения. Взаимодействие вузов на границах разных государств способствует экономическому развитию стран и формированию терпимости к другому народу и дружественных отношений, что может внести весомый вклад в обеспечение национальной безопасности.

Заключение

В современных реалиях высшее образование способствует развитию международного сотрудничества вузов. Университеты фактически превратились в полноправные субъекты международной деятельности. Образование стало глобальным и всё более усложняющимся феноменом, будучи связанным с формированием ценностных основ нации, обеспечением привлекательности общественно-политического устройства страны.

Правовая база Российской Федерации в сфере образования нуждается в развитии в целях дальнейшей регламентации международного сотрудничества. Есть и другие проблемы, с которыми сталкиваются университеты в процессе международного сотрудничества.

Международное сотрудничество вузов представляет собой разветвленную сеть, в которой взаимодействие представлено многообразием форм: учреждение и развитие совместных образовательных, научно-технических и исследовательских центров, расширение академического обмена учеными и преподавателями, обмен студентами и их обучение за границей, проведение международных конференций и совещаний между представителями вузов из разных стран, открытие филиалов, представительств иностранных университетов на своей территории, совместные программы сотрудничества. Сетевое взаимодействие вузов является еще одной формой международной деятельности университетов. Партнерство такого вида имеет разные названия: ассоциации, объединения, консорциумы, сети.

Сотрудничество университетов приграничных регионов заслуживает отдельного внимания. В данной сфере существуют проблемы: уровень добрососедства и общественных отношений в приграничных областях, непрестижность образования, разный уровень экономического и финансового положения регионов Российской Федерации. Разумеется, сотрудничество университетов на приграничных территориях напрямую затрагивает сферу национальной безопасности страны, поэтому к данному вопросу нужно подходить серьезно и рассматривать его в далекой перспективе.

Проведение специальной военной операции в 2022 году значительно осложнило сотрудничество российских научных и образовательных организаций с зарубежными партнерами. Последние стали ограничивать или разрывать сложившиеся связи с российскими коллегами вследствие оказываемого на них прямого административного и политического давления. Вместе с тем правомерным представляется мнение о том, что чем сложнее политическая обстановка, тем более интенсивным должен быть обмен мнениями представителей экспертного и академического сообщества [3, с. 19—26]. Думается, иного способа преодоления кризиса не существует.

Литература

1. *Абрамов А.В., Воробьев А.П.* Проблемы политологического образования в современной России. Попытка количественного исследования // *Обозреватель – Observer*. – 2021. – № 7 (378). – С. 96–110.

2. Анализ мировых тенденций развития научно-образовательной деятельности: аналитический обзор / Е.В. Вашурина, Н.В. Дрантусова, Я.Ш. Евдокимова и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 219 с.
3. Белозёров В.К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. – 2020. – № 1. – С. 19–26.
4. Белозёров В.К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – Т. 13. – 2020. – № 2. – С. 177–194.
5. Белозёров В.К. Политическое образование граждан и обеспечение национальной безопасности России // Безопасность России – 2015: экспертно-аналитическое обозрение. – М.: Изд. дом «Критерий», 2014. – С. 254–277.
6. Бобровских А.С. О развитии межвузовского сотрудничества университетов Алтайского края с университетами Франции // Экономика и бизнес: позиция молодых ученых: матер. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (с междунар. участием) (Барнаул, 24 апреля 2014 г.). – Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2014. – С. 50–54.
7. Бюджет для граждан к проекту федерального закона о федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/10/main/BDG_15.10.pdf (дата обращения: 29.03.2022).
8. Гитман М.Б. [и др.]. Модели сетевого взаимодействия вузов при подготовке кадров высшей квалификации / Гитман М.Б., Данилов А.Н., Столбов В.Ю., Южаков А.А. // Университетское управление: практика и анализ. – 2012. – № 3. – С. 69–73.
9. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. – М.: Общественная палата РФ, 2021. – URL: <https://report2021.oprf.ru/> (дата обращения: 21.04.2022).
10. Елкина А.С. Интернационализация деятельности вузов как тенденция развития систем высшего образования: автореф. дис. ... экон. наук. – Волгоград, 2010. – 28 с.
11. Жуковский И.И. Университет в сетевых связях современного мира // Вестник МГИМО–Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 68–71.
12. Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего / М.Л. Агранович [и др.]; Национальный фонд подготовки кадров. – М.: Логос, 2010. – 280 с.
13. Международное образовательное сотрудничество: опыт трансграничного вуза / М.А. Костенко, В.Н. Козулин, Е.С. Аничкин [и др.]. – Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2015. – 228 с.
14. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4ФЗ. – URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/179963> (дата обращения: 30.03.2022).
15. Перспективы создания интегрированных образовательных программ в рамках международного сотрудничества вузов / А.А. Колесников, Е.В. Шерстюкова, Л.В. Цурикова, А.П. Пересыпкин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 18 (89). – С. 258–264.
16. Президент РАН заявил о двукратном сокращении числа аспирантов в России. – URL: <https://www.rbc.ru/society/20/04/2021/607ebbb09a79472b4c17838e> (дата обращения: 29.03.2022).
17. Путин В.В. Образование в ближайшие годы станет главным приоритетом России [Сюжет ПМЭФ – 2016 от 17.06.2016] // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/esopomtu/20160617/1448964965.html> (дата обращения: 29.03.2022).
18. Путин рассказал, сколько аспирантов защищают диссертации. – URL: <https://ria.ru/20200206/1564363181.html> (дата обращения: 18.05.2022).
19. Россия откажется от участия в Болонском процессе. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5367733?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.05.2022).
20. Соглашение между Правительством Забайкальского края Российской Федерации и Народным Правительством провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/922222193> (дата обращения: 29.03.2022).

21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Перу о сотрудничестве в области культуры, образования и науки. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901917515> (дата обращения: 21.04.2022).
22. Состоялось пленарное заседание научного совета при Совете Безопасности России. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3233/> (дата обращения: 19.05.2022).
23. Суверенизация образования. – URL: <https://russian.rt.com/opinion/931426-shafran-bastrykin-ege/amp> (дата обращения: 19.05.2022).
24. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. – № 14. Ст. 105–107. – URL: https://www.pravinfo.ru/dn_2013_02.shtml (дата обращения: 29.03.2022).
25. Халимон Е.А. Условия и факторы успешного сотрудничества вузов России и зарубежных стран // Вестник ГУУ. – 2017. – № 9. – С. 52–60.
26. Full members of EHEA // European Higher Education Area (EHEA) [Official website]. – URL: <http://www.ehea.info/pid34250/members.html> (accessed: 29.03.2022).
27. VIII Международная научно-практическая конференция «Science, Technology and Life 2021». – URL: <https://xn--e1aajagscdbhlf4c6a.xn--p1ai/events/viii-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-science-technology-and-life-2021/> (дата обращения: 04.04.2022).

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, проректор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science,
Professor, Vice-Rector,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: iamp@dipacademy.ru

Смагина Любовь Александровна,

старший научный сотрудник ИАМП,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Lubov A. Smagina,

Senior Researcher of IAMP,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: dipacademy@yahoo.com

РЕАЛИЗАЦИЯ «ЗЕЛеноЙ» ПОВЕСТКИ В РАМКАХ СНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

IMPLEMENTATION OF THE “GREEN” AGENDA WITHIN THE CIS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Аннотация: настоящая статья посвящена актуальным вопросам формирования «зеленой» повестки и ее влиянию на механизмы международного общения. Авторы рассматривают ключевые инструменты климатического взаимодействия на пространстве СНГ, а также позиции основных участников касательно полномасштабного развития «зеленой повестки» международного сотрудничества. Особое внимание уделяется достижениям России на пути к экологизации национального пространства, в том числе в рамках механизмов Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Большое значение придается межгосударственному диалогу для поиска ответов на экологические вызовы современности, необходимости ответственного выполнения обязательств в рамках международных соглашений в данной сфере. Представлен ряд предложений по совершенствованию подходов к решению экологических проблем современного развития.

Ключевые слова: СНГ, «зеленая» экономика, экология, климат, энергопереход.

Abstract: this article is devoted to topical issues of the formation of the “green” agenda and its impact on the mechanisms of international communication. The authors consider the key instruments of climate interaction in the CIS space, as well as the positions of the main participants regarding the full-scale development of the “green agenda” of international cooperation. Particular attention is paid to Russia’s achievements on the way to greening the national space, including within the framework of the mechanisms of the UN Framework Convention on Climate Change. Great importance is attached to the interstate dialogue to find answers to the environmental challenges of our time, the need for responsible fulfillment of obligations under international agreements in this area. A number of proposals for improving approaches to solving environmental problems of modern development are presented.

Key words: CIS, “green” economy, ecology, climate, energy transition.

Введение

Актуализация климатической повестки в большинстве современных государств продолжает набирать серьезные обороты, что связывается в том числе с серьезной обеспокоенностью на уровне политического руководства и влиятельного бизнес-сообщества необходимостью, с одной стороны, оптимального регулирования негативных последствий деятельности крупнейших промышленных предприятий и принятия точечных многосторонних аппроксимирующих мер на внутривнутриполитическом треке, а с другой стороны, включения в обсуждение имеющихся вопросов и проблем глобального изменения климата в планетарном масштабе и активизации межгосударственного переговорного процесса по климатической проблематике на внешнеполитическом треке.

Вместе с тем в рамках обсуждения и понимания климатических вопросов сохраняется существенная проблемность (противоречивость) некоторых политико-мировоззренческих и политико-идейных позиций, связанных со специфичностью (узкопрофилированностью) декларируемых национальных интересов и приоритетов в рамках собственного видения того, насколько можно быть уверенными в сохранении существующих трендов и тенденций относительно глобального климатического потепления и насколько важен учет, собственно, антропогенного фактора в глобальных климатических изменениях. Подобные выводы сделаны в рамках отчетных и аналитических материалов Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) со ссылкой в том числе на неоднозначность используемых при определении прогнозных показателей методологических установок и математических моделей, имеющих вероятностный характер и содержащих как верные, так и неверные сведения (другими словами, речь идет о действии некоторого манипулятивного эффекта и распределении важной операциональной информации в зависимости от доступности к высокому уровню принятия политических решений).

«Зеленая» экономика и устойчивое развитие

Актуализируется инфраструктурный и функциональный потенциал «зеленой» экономики, ключевая цель которой в соответствии с общепринятым подходом Программы ООН по окружающей сре-

де состоит в обеспечении поэтапного перехода к низкому уровню выбросов углекислого газа за счет поддержания ресурсоэффективности и развития социальной интеграции. Проработка и апробация «рабочего» инструментария «зеленой» экономики — основа работы разных влиятельных международных организаций, национальных правительств, авторитетных научно-исследовательских центров, неправительственных организаций в рамках понимания реальных последствий энергетического, продовольственного, экономического и финансового кризисов.

В целом инклюзивная «зеленая» экономика сегодня понимается как некая альтернативная популярная экономическая модель, ориентированная в том числе на обеспечение общественного благосостояния и усиление социальной справедливости с учетом снижения экологических рисков, минимизации дефицита природных ресурсов, купирования широкомасштабных угроз окружающей среде и здоровью населения, а также принимая во внимание снижение комплексной нагрузки на принятые экосистемы. На уровне политического взаимодействия современных государств признается и принимается стратегическая специфика собственно перехода к «зеленой» экономике в расчете на долгосрочную перспективу в рамках принципов циркулярности, обновляемости, устойчивости, гибкости, взаимозависимости и солидарности.

Проблематика климатической повестки и «зеленой» экономики также коррелирует с утвержденными на уровне ООН Целями устойчивого развития. Более детальная аналитика предполагает выявление корреляции, как минимум, со следующими восьмью Целями устойчивого развития:

- хорошее здоровье и благополучие (Цель 1);
- чистая вода и санитария (Цель 6);
- недорогостоящая и чистая энергия (Цель 7);
- ответственное потребление и производство (Цель 12);
- борьба с изменением климата (Цель 13);
- сохранение морских экосистем (Цель 14);
- сохранение экосистем суши (Цель 15);
- партнерство в интересах устойчивого развития (Цель 17) [1].

Структурные факторы энергоперехода в странах СНГ

Прежде всего, необходимо понимать, что сущностная специфика энергоперехода в странах СНГ напрямую связывается со следующими основополагающими принципами: декарбонизация, децентрализация, диверсификация и диджитализация, что, соответственно, заложено в укреплении национальной и межгосударственной энергобезопасности и развитии доступных и экологически чистых источников энергии (Energy Transition/Global Energy Transformation) [4]. В качестве ключевых приоритетных направлений энергоперехода в странах СНГ на государственном уровне утверждаются следующие: во-первых, расширение использования природного газа; во-вторых, повышение чистоты использования ископаемого топлива; в-третьих, масштабирование применимости возобновляемых источников энергии; в-четвертых, модернизация промышленности в целом; в-пятых, внедрение инновационных материалов и современных цифровых технологий; в-шестых, развитие экологически чистого транспорта в рамках экономизации и энергоэффективности.

С учетом понимания драйверов и движущих сил формулируемых и реализуемых вариантов преодоления энергетического кризиса и адаптации к климатическим трансформациям, а также национальной общественно-политической и экономической конъюнктуры целесообразно представить, как минимум, следующие основные структурные факторы энергоперехода в странах СНГ:

- снижение зависимости от импорта углеводородов и наращивание поставок от локальных эффективных проверенных низкоуглеродных источников;
- обеспечение оптимального и выверенного хранения и восполнения энергии;
- уменьшение единичной мощности энергоносителей и обращение к распределенной энергетике;
- поэтапный отказ от вредных исходных веществ и материалов в рамках в том числе второстепенной и экологичной обработки и повторного использования;
- поддержка опережающего роста сферы услуг, являющейся менее ресурсоемкой в промышленном (производственном) смысле;

- применение универсальных механизмов и практик в направлении минимизации реальных и потенциальных издержек и ухода от возможных ограничительных мер и мероприятий;
- решение наиболее осязаемых проблем локализации производства основного и вспомогательного технологического оборудования с учетом своевременного согласования проектной документации и обеспечения оптимальных темпов строительно-монтажных работ с последующим вводом в эксплуатацию и пуском-наладкой;
- принятие совместных технологических решений в рамках государственно-частного партнерства с учетом соблюдения требований контролируемости и управляемости;
- формирование обновленных отраслевых бизнес-моделей сотрудничества и партнерства;
- выстраивание конкурентного межструктурного взаимодействия в целях обмена имеющимся опытом и имеющимися инновационными разработками, что является необходимым, исходя из заинтересованности в обеспечении качества и снижении зависимости от временных факторов.

Национальные цели в климатической повестке стран СНГ

Само собой, подобная проблемная постановка «климатического вопроса» обуславливает поиск и апробацию соответствующих вариантов климатической повестки (климатической политики) на региональном и национальном уровнях (по некоторым оценкам, совокупный ущерб для мировой экономики от последствий глобальных климатических изменений составляет 5—20% глобального ВВП в год (в среднем до 2100 года). Национальные цели в климатической повестке стран СНГ в принципе являются более-менее созвучными и в целом соответствуют декларируемому на международном уровне глобальным целям и задачам, ориентированным, прежде всего, на сохранение баланса «энергетического треугольника» (безопасность и доступность, экологическая устойчивость и оптимальность, экономическое развитие и рост) и «выравнивание» антропогенного воздействия на изменения состояния окружающей среды (показательно то, что, в частно-

сти, в Республике Армения теплеет ежегодно примерно на 0,4 °С, в Республике Беларусь — на 0,63 °С, в Республике Казахстан — на 0,32 °С, в Российской Федерации — на 0,51 °С) [6].

Соответственно, в качестве основополагающих целей в климатической повестке стран СНГ понимаются, как минимум, следующие:

- принятие специальных государственных программ и отраслевых программных документов по реформированию и обновлению национального энергетического комплекса;
- естественное снижение спроса на традиционное углеводородное топливо;
- сокращение выбросов парниковых газов и иных загрязняющих веществ к конкретным временным периодам в среднем до 40 %;
- увеличение общей доли вводимых и используемых возобновляемых источников энергии в среднем до 10 %, в том числе с учетом, во-первых, своевременного вывода из эксплуатации неэффективного и вредоносного оборудования, во-вторых, переустройства и модернизации базовых отраслей промышленности;
- формулирование и реализация комплексных инфраструктурных и отраслевых мероприятий по энергосбережению и энергоэффективности в целом;
- использование политико-дискуссионных площадок и платформ с точки зрения понимания реальных возможностей выстраивания полноценного межгосударственного диалога и обмена имеющимся опытом по климатической проблематике (прежде всего, имеются в виду Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества).

Особое значение приобретает развитие национальных систем торговли выбросами стран СНГ — подобная заинтересованность высказывается в том числе Республикой Беларусь и Республикой Казахстан (в данном смысле концептуальным и функциональным основанием может являться имеющийся российский опыт запуска стратегических инициатив и пилотных проектов национальных и региональных систем мониторинга и верификации углеродной интенсивности с использованием ликвидных рыночных механизмов и эффективных торговых сер-

тификатов). Что касается трансграничного углеродного регулирования, то на высшем политическом уровне постсоветских государств провозглашаются в качестве основных принципов организации и обеспечения работы, во-первых, отказ от обращения к специфическим рычагам и инструментам политического давления, и во-вторых, уход от недобросовестной конкуренции в отношении стратегических партнеров.

Подходы и национальные цели в климатической повестке стран СНГ

Что касается собственно подходов, обуславливающих провозглашаемые цели в климатической повестке стран СНГ, то ключевой особенностью здесь является серьезная заинтересованность в углублении интеграции и координации совместных усилий и действий. В качестве основных подходов в рамках климатической повестки стран СНГ определяются следующие:

- оптимальное сокращение национального спроса на традиционные энергоносители (отказ от угольной генерации и использования энергоэффективной методологии разведки и добычи углеводородов) — ресурсный подход;
- становление и последующее обеспечение внутренней стабилизированной государственно-частной адаптации с учетом поиска адекватных драйверов устойчивого развития и снижения зависимости от традиционных энерго-ресурсов — инфраструктурный подход;
- конкурентная конвертация национальных приоритетов и требований на международных рынках — институциональный подход;
- оптимизация соответствующего совместного реагирования на усиление внешних климатических ограничений и обременений — функциональный подход;
- конструирование политического имиджа государства в рамках и критериях климатической ответственности — имиджевый подход;
- удовлетворение потребности в получении и использовании достоверной и полезной информации по реальной климатической обстановке, в том числе с учетом раскры-

тия углеродной отчетности и повышения транспарентности финансирования — информационный подход.

При этом, разумеется, в качестве приоритетных национальных целей в климатической повестке стран СНГ предполагаются, как минимум, следующие:

- участие в разработке и реализации межгосударственного климатического регулирования;
- формулирование и утверждение концептуальных и стратегических документов в области адаптации к глобальным климатическим изменениям;
- приоритизация природоохранных и климатических (экологических) инициатив;
- разработка и внедрение специальных систем мониторинга углеродного регулирования;
- моделирование и прогнозирование конкретных последствий усиления климатических рисков и угроз;
- диверсификация использования энергоресурсов и возобновляемых источников энергии с учетом выстраивания некоего баланса традиционных и новых низкоуглеродных направлений;
- расширение имеющихся возможностей для усиленного продвижения национальных низкоуглеродных технологий;
- инициирование и проведение консультаций «в ручном режиме» со странами-партнерами в рамках выведения симметричных мер и мероприятий, ориентированных на «выравнивание» продуцируемого совокупного климатического следа;
- реформирование национальной таксономии устойчивого финансирования и запуск системы «низкоуглеродных» сертификатов;
- обеспечение охраны и восстановления национального лесного фонда (в частности, учет поглощающей способности лесов и почв, разработка методических рекомендаций по номенклатуре выбросов загрязняющих веществ).

Относительно проблематики формирования национального углеродного регулирования на правительственном уровне постсоветских государств декларируется необходимость достижения углеродной нейтральности, что заключается в капитализации рын-

ков «зеленых» финансов, раскрытии ESG-отчетности, введении специальных корректирующих механизмов на углеводородное сырье (в том числе металлы, химическая продукция), диверсификации традиционных отраслей экономики (в том числе газовая отрасль, отрасль сжиженного природного газа) и т. д. Речь идет, прежде всего, о глобальном переосмыслении основных задач и целей будущего топливно-энергетического комплекса в целом.

Декларация о лесах и землепользовании

Важное значение в контексте рассмотрения климатической повестки и «зеленой» экономики имеет подтверждение и последующее исполнение принципиальных позиций подписанной в ноябре 2021 года в рамках 26-й Конференции ООН по климату (COP26) в Глазго Декларации о лесах и землепользовании, к которой присоединились свыше 100 государств, в числе которых, в частности, Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация [5]. Государства-участники признают общее усиление взаимозависимости и взаимообусловленности лесного разнообразия и устойчивого землепользования в рамках в том числе исполнения принятых обязательств и договоренностей по Рамочной конвенции ООН об изменении климата, Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием.

В рамках данной Декларации утверждаются следующие базовые принципы совместной работы и сотрудничества современных государств в области перехода к устойчивому землепользованию:

- сохранение леса и других наземных экосистем с учетом их восстановления и стимулирования планомерного роста;
- содействие политике в области торговли и развития на международном и национальном уровнях в направлении отхода от обезлесения и деградации земельного фонда;
- снижение уязвимости и повышение устойчивости жизни в сельских районах, в том числе посредством расширения существующих прав и возможностей и развития прибыльного и устойчивого сельского хозяйства;
- осуществление и при необходимости пересмотр действующих сельскохозяйственных стратегий и программ в рамках обеспечения продовольственной безопасности и принесения пользы окружающей среде;

- увеличение общего объема финансовых вложений и инвестиций из широкого спектра государственных и частных источников в целях устойчивого управления лесами и сохранения (восстановления) лесов;
- приведение направляемых финансовых потоков в соответствие с действующими международными нормативами и стандартами с учетом применения эффективных стратегий и схем оптимального управления лесным хозяйством и земельным фондом.

Влияние трансграничного углеродного регулирования на экономику стран СНГ

Трансграничное углеродное регулирование, являющееся относительно недавно запущенной политико-экономической инициативой Европейского союза (2019 г.), сегодня продолжает набирать обороты и обновляться с учетом вновь проявляющихся климатических и экологических изменений. Прежде всего, предполагается введение специальных пошлин на импортируемую в европейские государства продукцию, при производстве которой произошла значительная эмиссия углекислого газа и других углеродных соединений, при этом в прогнозах остается усиление стимулирования для перехода к низкоуглеродной экономике и введение трансграничного углеродного налога на импорт (естественно, это напрямую касается производства продуктов нефтепереработки и горнодобывающей промышленности).

Базовые проблемы трансграничного углеродного регулирования в контексте национальной экономической конъюнктуры классически рассматриваются в рамках двух ипостасей: государственное реформирование национальной экономики и взаимодействие по направлению с наиболее влиятельными бизнес-субъектами, имеющими значительный вклад в национальную экономику. Разумеется, корректировка обеспечительных механизмов и реформирование данной проблематики связываются с некоторыми негативными особенностями, предполагающими, с одной стороны, направление дополнительных бюджетных средств на принятие профильных политических решений, с другой стороны, создание дополнительных возможностей падения прибыли задействованных коммерческих орга-

низаций и промышленных предприятий (это по большому счету «лежит на поверхности» собственно вопросов и проблем трансграничного углеродного регулирования).

Безусловно, подобные инициативы крайне негативно влияют на экономику стран СНГ, при этом, прежде всего, это касается российской экономики (в частности, по некоторым оценкам, стоимость трансграничного углеродного регулирования для Российской Федерации составляет до 6 млрд евро ежегодно). Естественно, это является серьезным сдерживающим и негативным фактором для большинства российских компаний-экспортеров, ориентированных на европейский рынок, поскольку около 74 % всей экспортируемой продукции составляют нефть, газ, уголь и металлы. В частности, аналитики аудиторской компании KPMG считают, что при пессимистичном сценарии и введении серьезных углеродных ограничений с 2022 года суммарные потери стран-экспортеров лишь в первый год составят 3,6 млрд евро. Далее размерность принятых ставок будет ежегодно увеличиваться, и в 2030 году соответствующие суммарные потери составят 8,2 млрд евро.

Для остальных стран СНГ (в частности, имеются в виду Республика Белоруссия и Республика Казахстан) создаваемый эффект ощущается по большому счету опосредованно, исходя из меняющейся номенклатуры двусторонней торговли с российскими компаниями. В общем масштабе это проявляется преимущественно в снижении рентабельности наиболее знаковых продаж и обострении конкурентной борьбы ключевых экономических игроков.

Здесь же необходимо принимать во внимание факт необходимости активизации соответствующих научно-исследовательских разработок и в последующем их успешного интегрирования в основные бизнес-процессы — в данном смысле оперативность реагирования и адаптивность существенно влияют на конкурентоспособность и способность сохранять собственные ниши сбыта отраслевых участников европейского рынка [3]. В данном контексте актуализируется вопрос высокой концентрации корпоративного долга у определенного количества наиболее крупных заемщиков, среди которых присутствуют в том числе крупнейшие экспортеры углеродоемких целевых товаров (в частности, на долю горнодобывающих и целлюлозно-бумажных компаний

стран СНГ по состоянию на начало 2022 года приходится от 20 % задолженности по банковским кредитам от общего совокупного корпоративного портфеля).

Страновые подходы к формированию «зеленой» экономики

Понимание «зеленой» экономики как таковой в рамках отдельно взятых государств конструируется с учетом следующих основных концепций и дорожных карт: проблемно-идейные позиции Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (*IRENA*) «Преобразование глобальной энергетической системы: дорожная карта до 2050 года» (*Global Energy Transformation: A Roadmap To 2050*), в 2020 году данные позиции также дополнились идеями *Energy Transformation 2050*; инициатива Всемирного экономического форума по содействию эффективному энергетическому переходу (*World Economic Forum Fostering Effective Energy Transition Initiative*); концепция энергетического перехода международного сертификационного и классификационного общества *DNV GL 1*; сценарии устойчивого развития и *Net Zero Emissions By 2050 МЭА*.

Проблематика страновых подходов к формированию «зеленой» экономики выявляет некоторую национальную специфику, что можно представить следующим образом, исходя из значения совокупного вклада наиболее влиятельных стран СНГ:

- Республика Беларусь: осуществление концептуального обеспечения перехода к «зеленой» экономике в соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, принятие нормативных правовых актов по экологической сертификации и обращению органической продукции, определение мониторинговых и контрольных мероприятий (40 мероприятий по 10 критериям оценки), стимулирование создания в основных промышленно развитых городах (районах) клубов по ресурсоэффективному и чистому производству;
- Республика Казахстан: разработка государственной программы по управлению природными ресурсами до 2040 года, переход национальной экономики к принципам и стандартам «третьей промышленной революции» к 2050 году, модернизация

и оптимизация имеющейся инфраструктуры, повышение благополучия населения и качества окружающей среды через рентабельные пути смягчения давления на окружающую среду;

- Кыргызская Республика: активизация официальной политической позиции по поддержке международных инициатив в рамках Партнерства за действия в интересах «зеленой» экономики, приостановление деградации и антропогенной эрозии земель сельскохозяйственного назначения и пастбищ (1/4% от общей площади по состоянию на 2020 г.), внедрение эффективных контрольных механизмов в процессы автомобилизации и использования нефтепродуктов (увеличение выбросов загрязняющих веществ на 50% за пятилетний период), оптимизация работы малых предприятий и микропредприятий ГЭС;

- Россия: сокращение к 2030 году объема загрязняющих веществ до 70—75% от уровня 1990 года, разработка и принятие нормативных правовых актов с обеспечением утвержденных в рамках INDC (*Intended Nationally Determined Contribution*) показателей и величин, обеспечение серьезных инвестиционных вложений в развитие возобновляемых источников энергии (53 млрд долл. к 2035 г.), оптимизация использования российских лесных ресурсов в рамках адекватного учета лесного хозяйства и участия основных эмитентов в двусторонних и многосторонних соглашениях (25% мировых лесных ресурсов).

При этом в целях формирования понимания динамики конструирования сотрудничества стран СНГ в контексте развития глобальной климатической (экологической) ситуации целесообразно учитывать совокупный климатический (экологический) вклад не только стран СНГ, но и иных современных государств, с учетом чего в сравнительной динамике приводятся данные в том числе по США и Европейскому союзу в качестве одних из наиболее влиятельных мировых игроков (прежде всего, берется в расчет доля, превышающая 3% мировых выбросов):

- США (доля в мировых выбросах — 13,9%): интенсификация нормативно-правового регулирования (в частности, утверждение нормативов и стандартов экономии топлива для малотоннажных и тяжелых транспортных средств в соответствии с *Clean Air Act*, сокращение выбросов природного газа в секторе строительства, включая специфику для разных категорий

приборов и оборудования в соответствии с *Energy Policy Act* и *Energy Independence and Security Act*), сокращение совокупного объема загрязняющих веществ и выбросов примерно на 2,3—2,8% ежегодно, введение специальных механизмов и практик регулирования деятельности действующих и новых электростанций, утверждение альтернативных вариантов для использования гидрофторуглеродов с высоким парниковым потенциалом;

- Европейский союз (доля в мировых выбросах — 9,8%): достижение межгосударственного консенсуса, в том числе между западноевропейскими и восточноевропейскими государствами, по вопросам исполнения принятых обязательств в рамках климатического регулирования; согласование имеющихся подходов по индустриальному развитию и сокращению выбросов загрязняющих веществ; разработка и внедрение специальных дорожных карт в энергетической и транспортной сферах в рамках перехода к низкоуглеродной экономике к 2050 году; достижение сокращения доли природного газа в атмосферном воздухе на 80—95% к 2050 году [2].

Специфика системы классификации устойчивой экономической деятельности и «зеленого» финансирования предполагает стабильную реализацию бизнес-субъектами и инвесторами целей и задач в области климатического и экологического регулирования в рамках концептуализации *Sustainable Capital* и создания «зеленых» финансовых продуктов. В свою очередь, это связано с четко определенной системой пороговых стандартов и методов с учетом, во-первых, гибкости, во-вторых, прозрачности (в частности, таксономия климатических облигаций, разработанная Инициативой по климатическим облигациям, направлена исключительно на смягчение последствий климатических изменений и сертификацию климатических облигаций).

Заключение

В целом сотрудничество стран СНГ по климатическим и экологическим вопросам и проблемам на современном этапе характеризуется конкретными объективно обусловленными трудностями, связанными в том числе с разным уровнем социально-экономического развития, нерешенностью некоторых серьезных внутриполитических разбалансировок. Вместе с тем

единый межгосударственный подход относительно планирования и организации совместных действий и мероприятий в рамках регулирования глобальных климатических и экологических изменений требует существенных дополнений и корректировок.

Тем не менее необходимо отметить идентичность (соотносимость) политических решений по климатической и экологической проблематике, принимаемых на уровне правительств Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и других. Более того, на сегодняшний день четко определены форматы и направления сотрудничества в области «зеленой» экономики, запуска экологически и климатически нейтральных производств и т. д. В данном смысле одной из характерных особенностей является осуществление выбора в пользу собственного пути межгосударственного обмена и партнерства, отличного от западных и европейских критериев и требований. В этом смысле динамика в расчете на среднесрочную перспективу является позитивной.

Литература

1. Цели в области устойчивого развития / ООН. – URL: <https://www.un.org/sustainable-development/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 22.10.2022).
2. Климатическая повестка 2030 / РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/climate2030/> (дата обращения: 22.10.2022).
3. *Лебедева Н.Е., Сидельникова Н.С.* Трансграничное углеродное регулирование: вызовы и возможности для российских нефтегазовых компаний // Проблемы экономики и юридической практики. – Т. 18. – 2022. – № 2. – С. 261–264.
4. *Мастепанов А.М.* Основные движущие силы энергетического перехода и проблемы его достижения // Проблемы постсоветского пространства. – Т. 8. – 2021. – № 2. – С. 256–276.
5. Мировые лидеры подписали декларацию о сотрудничестве на саммите в Глазго // RT. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/923684-sammit-deklaraciya-glazgo/> (дата обращения: 22.10.2022).
6. Управление климатическими рисками и борьба с негативными изменениями окружающей среды на пространстве СНГ как фактор устойчивого развития государств Содружества // Интернет-портал СНГ. – URL: <https://e-cis.info/news/566/97646/> (дата обращения: 22.10.2022).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ильюшин Павел Сергеевич,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Pavel S. Ilyushin,

PhD student (Political Science),

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: ps.iliushin@yandex.ru

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ ПО ЗАЩИТЕ ДОНБАССА: ПОЗИЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ

THE SPECIAL MILITARY OPERATION TO PROTECT DONBASS: THE POSITION OF RUSSIAN RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Аннотация: 24 февраля 2022 года определило новую модель политического развития России. Религиозные организации Российской Федерации открыто высказали свою позицию по отношению к специальной военной операции по освобождению республик Донбасса. Официальная реакция религиозных организаций имеет существенное влияние на гражданско-политическую позицию миллионов граждан России, последователей соответствующих религий. В связи с этим поддержка религиозными лидерами специальной военной операции имеет важное значение для защиты интересов государственной власти Российской Федерации и консолидации российского общества с учетом взятого Россией геополитического курса.

Ключевые слова: специальная военная операция, религиозные организации, межрелигиозная солидарность, поддержка, гуманитарная помощь.

Abstract: February 24, 2022 determined a new model of Russia's political development. Religious organizations of the Russian Federation have openly expressed their position in relation to the special military operation to liberate the republics of Donbass. The official reaction of religious organizations has a significant impact on the civil and political position of millions of Russian citizens, followers of the respective religions. In this regard, the support of religious leaders for the special military operation is important for protecting the interests of the state authorities of the Russian Federation and consolidating Russian society around the geopolitical course taken by Russia.

Key words: special military operation, religious organizations, interreligious solidarity, support, humanitarian aid.

Введение

Специальная военная операция на Донбассе, начавшаяся 24 февраля 2022 года, так или иначе затронула все сферы жизни российского общества. Президент России В. В. Путин, объявляя о начале специальной военной операции, обратился к народу страны, говоря, что верит в его поддержку относительно принятого решения. Позже Президент РФ сказал, что в «поистине народной поддержке», которую чувствуют Вооруженные Силы РФ, — «великая, несокрушимая мощь России» [4]. Это демонстрирует, какую важную роль придает руководство страны гражданской позиции населения, а в данном случае — оценке народом России происходящих событий.

Россия является многонациональным и многоконфессиональным государством. В современной России религиозные организации усилили свою роль в общественно-политической жизни страны, а также увеличили свое присутствие в медийном пространстве. В результате этого официальная оценка религиозной организацией той или иной проблемы учитывается многими гражданами России при выработке их собственной гражданской и мировоззренческой позиции.

Позиции религиозных организаций Российской Федерации

Президент России В. В. Путин, объявляя о начале специальной военной операции, четко обозначил, что ее целью является «защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима» [14]. Он указал на необходимость демилитаризации и денацификации Украины для разрешения этой тяжелой ситуации.

Институционализованные религии России всегда высказывали свою позицию по разным острым вопросам, затрагивающим российское общество. Серьезная тема, касающаяся специальной военной операции на Донбассе, не оставила их равнодушными. Религиозные лидеры не замедлили дать оценку начавшимся событиям.

В тот же день, 24 февраля 2022 года, когда Президент РФ обратился к народу России, на сайте Московской патриархии было опубликовано обращение патриарха Московского и всея Руси

Кирилл к «чадам Русской Православной Церкви», в котором он отметил, что его паства находится и на территории России, и на территории Украины, напомнил об историческом единстве русского и украинского народов, восходящем к крещению Руси, и призвал стороны конфликта «сделать всё возможное, чтобы избежать жертв среди мирных жителей» [15]. Из этого видно, что патриарх не высказал открыто позицию Русской Православной Церкви по начавшейся военной операции, а выразил лишь свою тревогу разрывом многовековой общности двух народов.

Однако уже 6 марта 2022 года в своей проповеди патриарх Кирилл отметил, что на протяжении восьми лет идет истребление людей Донбасса, жители которого принципиально отказываются принимать «ценности», которые предлагаются теми, кто претендует на мировую власть. Патриарх впервые представил ситуацию как борьбу метафизического значения, в которой сражаются «сторона света и Божией правды» [18] и противоположная ей сторона, тем самым открыто задав вектор отношения всего духовенства и верующих Русской Православной Церкви к происходящим событиям.

В своем послании исполняющему обязанности Генерального секретаря Всемирного совета церквей относительно событий на Украине патриарх Кирилл высказал официальное мнение Церкви, совпадающее с позицией высшей государственной власти России. В послании отмечалось, что корни противостояния необходимо искать в действиях стран Запада по отношению к России, а именно в критическом приближении сил, «открыто рассматривающих Россию как врага» [20], к ее границам и игнорировании опасений России этим фактом. Помимо этого патриарх Кирилл подчеркнул нежелание упомянутых политических сил воевать с Россией «своими руками», указав на ведение ими борьбы с Россией посредством накачивания Украины оружием, военными инструкторами, а также путем ментального перепрограммирования украинцев в сторону жесткой русофобии.

В Российской Федерации существуют независимые друг от друга центральные мусульманские религиозные организации, в юрисдикцию каждой из которых входит часть мусульманского населения страны. Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ) — старейшая мусульманская религиозная орга-

низация России, — председателем которого является верховный муфтий Талгат Таджуддин, 24 февраля 2022 года созвало пленум и «от имени миллионов мусульман России», а именно 2200 общин, входящих в состав ЦДУМ, приняло заявление, в котором выражалась поддержка принятого Президентом России В. В. Путиным геополитического курса и действий России в рамках специальной военной операции «для защиты населения, демилитаризации и устранения угрозы возрождения нацизма» [11]. В заявлении также отмечалось, что действия России продиктованы необходимостью самозащиты от создаваемых для нее угроз.

В свою очередь лидеры и представители мусульманских организаций Кавказа, Мордовии, Татарстана, Башкортостана, Санкт-Петербурга, Москвы, Крыма и других субъектов РФ 15—17 марта 2022 года на конференции «Духовное служение и социальная миссия религиозных организаций в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности» выступили с заявлением о поддержке специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, назвав ее вынужденной миротворческой мерой, а также о необходимости сплочения вокруг Президента России В. В. Путина [10]. Это заявление подписали все муфтии Координационного центра мусульман Северного Кавказа, куда входят Духовные управления мусульман республик Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии — Алании, Чечни, а также Ставропольского и Краснодарского краев [12]. Документ в том числе подписали председатель ЦДУМ, верховный муфтий Талгат Таджуддин, председатель Духовного собрания мусульман России Альбир Крганов, муфтий Татарстана Камиль Самигуллин и муфтий Башкортостана Айнур Биргалин [27]. В перечисленных религиозных мусульманских организациях зарегистрированы 90 % российских мечетей [25].

В отличие от других мусульманских религиозных организаций Российской Федерации 25 февраля 2022 года сдержанно высказался глава Духовного управления мусульман России (ДУМ РФ) муфтий Равиль Гайнутдин, выразив свои переживания относительно происходящего, призвав сохранять единство и спокойствие и сделать всё возможное для избежания жертв [24]. Только по прошествии трех месяцев, когда уже была выражена поддерж-

ка всеми остальными мусульманскими религиозными организациями РФ, а также стала известна реакция арабских стран, 21 мая 2022 года, муфтий заявил, что «весь исламский мир, арабский мир — они с пониманием относятся к решению нашего Президента, они ждут победы российской политики...» [3]. По мнению муфтия, именно исходя из такой позиции арабского мира, они не стали вводить санкции против Российской Федерации.

В результате на июнь 2022 года все центральные мусульманские религиозные организации Российской Федерации, которыми являются ЦДУМ, Духовное собрание мусульман России, ДУМ РФ, Духовное управление мусульман Республики Татарстан, Духовное управление мусульман Республики Башкортостан, Духовное управление мусульман Республики Крым и города Севастополь и Координационный центр мусульман Северного Кавказа, в который входят все мусульманские религиозные организации Северного Кавказа, высказались за поддержку объявленной Президентом России В. В. Путиным специальной военной операции по защите республик Донбасса и демилитаризации и денацификации Украины.

Лаконично свою поддержку специальной военной операции высказал и глава Буддийской традиционной Сангхи России Хамбо лама Дамба Аюшеев, заявив, что буддисты России также защищают интересы России, против которой ведется «грязная информационная война», чтобы у страны был надежный тыл [34]. Буддийская Сангха России, определив свою позицию по происходящим событиям, не ограничилась только устной поддержкой России. Буддийские ламы ездили на Донбасс и встречались с военными, чтобы «морально и духовно поддержать наших защитников» [29].

В Российской Федерации существуют две независимые друг от друга центральные еврейские религиозные организации — Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России (КЕРООР) и Федерация еврейских общин России (ФЕОР).

На второй день специальной военной операции, 25 февраля 2022 года, президент Федерации еврейских общин России раввин Александр Борода опубликовал обращение, в котором напомнил, что народы России и Украины объединены общей многовековой историей, и призвал всех молиться о мире и «за скорейшее возвращение равновесия в международных отношениях»

[13]. Главный раввин России от ФЕОР раввин Берл Лазар в своем обращении заявил, что одних молитв недостаточно, и обратился ко всем религиозным лидерам в мире с призывом «использовать свое влияние, все свои возможности для того, чтобы остановить безумие» [6], тем самым не поддержав действия Российской Федерации на Донбассе и Украине. Вместе с тем президент ФЕОР А. Борода осудил героизацию нацистских преступников и факельные марши в их честь, которые проходили на Украине в последние годы, а также напомнил, что в ноябре 2019 года в Генассамблее ООН Украина выступила против предложенной Россией резолюции по борьбе с героизацией нацизма и неонацизма. Кроме того, А. Борода заявил, что не может быть оправдания всплеску русофобии в Европе, напомнив, что в прошлом веке в Европе неистовствовал антисемитизм [23]. Таким образом, президент ФЕОР, как и главный раввин от ФЕОР, не поддержал открыто взятый Россией геополитический курс, но при этом указал на проблему распространения нацизма на Украине, в том числе на государственном уровне.

Другая еврейская религиозная организация, Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России, не опубликовала каких-либо обращений, где была бы выражена ее официальная позиция. На сайте организации есть информация о выражении благодарности центральным аппаратом КЕРООР Орловской еврейской общине, члены которой предоставляли гуманитарную помощь беженцам. Вместе с тем член Президиума КЕРООР раввин Московской хоральной синагоги Пинхас Гольдшмидт, известный также как «главный раввин Москвы», после начала специальной военной операции покинул Россию. Первоначально причиной отъезда П. Гольдшмидта была названа болезнь его отца [5]. Однако позже «Конференция раввинов Европы», объединяющая ведущих раввинов европейских стран, чьим президентом также является П. Гольдшмидт, опубликовала его обращение, где он подверг критике военную операцию на Донбассе и Украине и заявил, что оставляет свою должность раввина Московской хоральной синагоги [16].

Очень аккуратно высказал свою позицию глава Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников) епископ Сергей Ряховский. Как и все религиозные лиде-

ры, он призвал молиться о мире между российским и украинским народами, которые объединяет многовековая история, при этом ответив, что сейчас происходит «братоубийственный конфликт, более восьми лет тлевший на Донбассе» [9]. Тем самым С. Ряховский воспроизводил аргументацию государственной власти РФ о том, что этот конфликт назревал уже восемь лет с притеснением и физическим уничтожением людей Донбасса со стороны украинских неонацистов.

Среди религиозных организаций были и те, которые осудили специальную военную операцию на Донбассе и Украине. Самым нейтральным образом это сделал Российский союз евангельских христиан-баптистов, призвавший в своем обращении Президента В. В. Путина «остановиться и начать переговоры» [1]. Более демонстративно свое осуждение выразила Конференция католических епископов России, опубликовав заявление, в котором призвала к миру между Российской Федерацией и Украиной и напомнила об ответственности развязавших войну. В их заявлении, в частности, было сказано, что начавшим войну «придется дать строгий отчет о предпринятых ими военных действиях» [28]. Свою отрицательную позицию высказал и глава Евангелическо-лютеранской церкви в России Дитрих Брауэр, покинувший страну после начала специальной военной операции. Уже находясь в Германии, в своем интервью он заявил, что «четко и публично дистанцируется от этой войны, которая является не просто войной против Украины, а войной против человечности» [19]. Из этого следует, что осудили специальную военную операцию нетрадиционные для России течения христианства, главным образом представленные в западных странах.

Солидарная позиция религиозных организаций России в рамках диалога с государственной властью

В Российской Федерации существуют государственные структуры, осуществляющие взаимодействие власти с религиозными организациями. На заседаниях таких государственных учреждений звучит консолидированная позиция религиозных организаций по разным вопросам. Одной из таких структур является Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ. В Совет входят высокие представители Рус-

ской Православной Церкви, главы центральных мусульманских организаций, глава Буддийской традиционной Сангхи России, главы двух еврейских религиозных организаций, представитель Армянской Апостольской Церкви, предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви, представитель Русской Древлеправославной Церкви, глава Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников) и представитель Церкви христиан-адвентистов седьмого дня [30].

До 18 мая 2022 года в Совет при Президенте РФ также входили католический священник Игорь Ковалевский и глава лютеранской церкви России архиепископ Дитрих Брауэр, представлявшие в Совете католичество и лютеранство соответственно. Оба религиозных деятеля были исключены из состава Совета, так как покинули Россию на фоне происходящих событий. При этом Д. Брауэр, как было отмечено выше, раскритиковал российские власти за начало военной операции на Донбассе [2]. Новые представители лютеран и католиков в Совет не были включены, несмотря на то что в июне 2022 года Евангелическо-лютеранская церковь в России избрала нового главу.

Общая позиция по спецоперации на Донбассе и Украине прозвучала на другой площадке по взаимодействию государства и религий России. На площадке Государственной Думы состоялся круглый стол «Мировые религии против возрождения фашизма и распространения идеологии неонацизма в 21 веке», в котором приняли участие представители традиционных религий России: православия, ислама, иудаизма и буддизма, — а также представители Администрации Президента, министерств, Государственной Думы и общественных объединений. На мероприятии были обсуждены вопросы взаимодействия государственных структур и религиозных организаций в целях противодействия развитию идеологии неонацизма. Одним из участников было предложено создать антинацистский фронт с участием представителей религий [21].

По итогам заседания представители традиционных религий России приняли итоговое обращение, где выразили поддержку борьбе с неонацизмом на Донбассе и Украине. В нем, в частности, содержались призывы не фальсифицировать исторические факты и происходящие сегодня события, и в связи с этим осу-

ждались многие средства массовой информации и платформы зарубежных социальных сетей, которые «встали на путь открытой лжи и разжигания межнациональной и межрелигиозной розни и вражды» [22]. Кроме того, в обращении выражалась крайняя обеспокоенность фактом поддержки неонацистских сил на Украине отдельными государствами, выражался протест против возрождения колониализма со стороны стран Запада и США, решительно осуждалась русофобия, дискриминация по языковому признаку и ущемление прав российских граждан за рубежом. В обращении особо подчеркнуто, что учения религий «категорически отвергают идеи нацизма и фашизма, человеческой исключительности и превосходства в любых выражениях» [22]. Далее в обращении содержится призыв к Генеральному секретарю ООН Антониу Гутеррешу вынести вопросы о дискриминации русскоговорящих людей на рассмотрение Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН. Религиозные деятели обратились и к Президенту РФ В. В. Путину с инициативой о проведении международного антифашистского форума. В заключении своего обращения представители традиционных религий заявили о своей солидарной ответственности не допустить возрождение нацистской идеологии и воспитать следующее поколение в стремлении к мирному сосуществованию и готовности отстаивать правду, справедливость и общечеловеческие ценности.

Гуманитарная помощь религиозных организаций

Позиция религиозных организаций выражается не только в заявлениях их лидеров, но и в практической деятельности. Многие религиозные общины собирают гуманитарную помощь жителям Донбасса и беженцам со всей территории конфликта независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

Русская Православная Церковь призвала «сплотиться вокруг власти» [17] в период, который переживает страна, а также регулярно помогает беженцам и пострадавшим в результате конфликта на Донбассе и Украине. Деятельность Русской Православной Церкви в этом направлении осуществляется через Синодальный отдел по благотворительности и социальному служению. На 27 июня 2022 года в Синодальном отделе было собрано свыше 220 млн рублей для помощи беженцам и пострадав-

шим в зоне конфликта. Русская Православная Церковь собрала, закупила и передала «более 1800 тонн гуманитарной помощи беженцам и пострадавшим мирным жителям, из которых более 1200 тонн направлено в Донецкую, Луганскую, Горловскую, Северодонецкую, Харьковскую, Херсонскую, Запорожскую, Бердянскую епархии» [7]. В 53 церковных учреждениях в России, Германии и на Украине разместили беженцев. В церковном штабе адресной помощи в Москве конкретным людям и семьям оказывается юридическая, финансовая, социальная и медицинская помощь. Православные добровольцы помогают раненым в госпиталях в разных областях.

Мусульманские общины, находящиеся в юрисдикции разных мусульманских религиозных организаций РФ, организовывали сбор продуктов питания и предметов первой необходимости для беженцев с Донбасса и Украины, а также для жителей Луганской и Донецкой народных республик. Отчеты о данных мероприятиях они опубликовали на своих официальных сайтах [31].

Руководство Федерации еврейских общин России заявило, что на фоне идущей специальной военной операции ФЕОР активизирует гуманитарные проекты по оказанию помощи беженцам с Донбасса, подчеркивая, что помогают всем нуждающимся вне зависимости от их национальности и вероисповедания [33]. В своих отчетах ФЕОР отмечает, что фактически, начиная с марта 2015 года, религиозная организация регулярно поставляла гуманитарную помощь членам еврейских общин Луганска и Донецка.

Религиозные организации предоставляли и совместную гуманитарную помощь жителям Донбасса и беженцам с территорий конфликта. Еще в 2017 году в Совете при Президенте по взаимодействию с религиозными объединениями была создана Рабочая группа по защите прав верующих от дискриминации и ксенофобии. Тогда ее главной целью было оказание помощи пострадавшему населению Сирии. 22 марта 2022 года в здании Администрации Президента РФ состоялось заседание Рабочей группы, где ее участники обсудили планы совместной гуманитарной работы по предоставлению помощи жителям Донбасса, пострадавшим в ходе конфликта [26]. Уже 8 апреля 2022 года гуманитарная помощь общим весом около 15 тонн была отправлена в Мариуполь и его окрестности, где обосновались покинувшие город люди [8].

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», принятой в июле 2021 года, отмечено, что одним из элементов национальной безопасности государства является обеспечение участия религиозных организаций традиционных конфессий в деятельности, направленной на гармонизацию российского общества и распространение культуры межконфессионального диалога [32]. Координированная деятельность религиозных организаций в деле оказания помощи пострадавшим жителям Донбасса служит живым примером межрелигиозного и межнационального согласия, которое считается одним из приоритетов социального развития государства.

Заключение

Актуализация религиозного фактора в общественно-политических процессах при учете религиозного многообразия нашей страны повышает роль публичных выступлений и действий религиозных лидеров, а также их мнения относительно тех или иных происходящих событий.

Начавшаяся 24 февраля 2022 года специальная военная операция по защите жителей Донбасса отразилась на всем российском обществе. Религиозные лидеры Российской Федерации, имеющие многомиллионную паству, официально высказали свою позицию о происходящем. В своих первых заявлениях религиозные лидеры, как и подобает духовным лицам, указывали, что они возносят молитвы о скорейшем наступлении мира. Однако позднее пришлось сделать однозначный выбор либо в поддержку специальной военной операции, либо в ее критику.

В целом бóльшая часть религиозных организаций России поддержала решение по защите республик Донбасса. Стоит заметить, что Русская Православная Церковь и все мусульманские религиозные организации выразили всестороннюю поддержку решению, принятому руководством страны, приведя обоснования, аналогичные государственным. Более того, вышеупомянутые религиозные организации представили конфликт, происходящий на территории Донбасса и Украины как имеющую метафизическое значение борьбу за нравственные ценности и цивилизационный выбор.

Сдержанно операцию поддержала буддийская религиозная организация. Так же осторожно высказались и религиозные лиде-

ры Старообрядческой Церкви, Армянской Церкви, некоторых протестантских религиозных организаций в Российской Федерации.

Две независимые друг от друга еврейские религиозные организации не продемонстрировали поддержку специальной военной операции. Одна из них осудила возродившийся на Украине нацизм, но при этом призвала всех религиозных лидеров выступить за мир и немедленное прекращение кровопролития. Другая не делала никаких официальных заявлений, однако один из ее лидеров покинул Российскую Федерацию, в частном порядке осудив военную операцию, и вышел из религиозной организации. Тем не менее необходимо сказать, что обе еврейские религиозные организации оказывали помощь людям, пострадавшим в ходе конфликта.

Осудили специальную военную операцию Конференция католических епископов России и глава Евангелическо-лютеранской церкви в России. Примечательно, что представители обеих вышеупомянутых конфессий были исключены из Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации в мае 2022 года.

Значительное большинство религиозных организаций, членами которых считают себя миллионы российских граждан, поддержали решение руководства Российской Федерации о проведении специальной военной операции, целями которой были обозначены защита людей Донбасса, а также демилитаризация и денацификация Украины. Своей патриотической позицией институционализированные религии России внесли значительный вклад в дело консолидации российского гражданского общества вокруг власти и принятого ей ответственного исторического решения.

Литература

1. Баптисты Евразии: молитва за скорейшее наступление мира / Институт религии и политики. – URL: <https://irp.news/baptisty-evrazii-molitva-za-skorejshee-nastuplenie-mira/> (дата обращения: 10.07.2022).
2. Брауэра и Ковалевского исключили из Совета при Президенте РФ / Институт религии и политики. – URL: <https://irp.news/braujera-i-kovaljevskogo-iskljuchili-iz-soveta-pri-prezidente-rf/> (дата обращения: 10.07.2022).
3. В ДУМ РФ заявили, что исламский мир с пониманием относится к операции России на Украине // ТАСС. – URL: https://tass.ru/obschestvo/14694127?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 10.07.2022).
4. Встреча с выпускниками военных вузов / Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68685> (дата обращения: 10.07.2022).

5. Главный раввин Москвы объяснил свой отъезд из России болезнью отца // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20220504/ravvin-1786755889.html> (дата обращения: 10.07.2022).
6. Главный раввин России Лазар — за мир в Украине и спасение людей / Институт религии и политики. – URL: <https://irp.news/glavnyj-ravvin-rossii-lazar-za-mir-v-ukraine-i-spasenie-ljudej/> (дата обращения: 10.07.2022).
7. Ежедневно более 300 гуманитарных наборов раздают беженцам в Ростовской епархии. Информационная сводка о помощи беженцам (от 27 июня 2022 г.) / Русская Православная Церковь. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5940520.html> (дата обращения: 10.07.2022).
8. Жители Мариуполя получили помощь от религиозных общин России / Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/89161/> (дата обращения: 10.07.2022).
9. Заявление епископа Сергея Ряховского (от имени Духовного совета РОСХВЕ) по ситуации на Украине. – URL: <https://www.cef.ru/infoblock/news/read/article/1640677> (дата обращения: 10.07.2022).
10. Заявление лидеров мусульманских религиозных организаций Российской Федерации / Духовное управление мусульман Ставрополья. – URL: <https://dumsk.com/novosti/39033-zayavlenie-liderov-musulmanskih-religioznyh-organizatsij-rossijskoj-federatsii.html> (дата обращения: 10.07.2022).
11. Заявление расширенного пленума Шура – Президиума Центрального Духовного управления мусульман России / Центральное духовное управление мусульман России. – URL: <https://cdum.ru/news/44/11232/> (дата обращения: 10.07.2022).
12. Координационный Центр мусульман Северного Кавказа. – URL: <https://kcmask.ru/struktura/kratkaja-informacija-o-kcmask/> (дата обращения: 10.07.2022).
13. Обращение о мире главы ФЕОР раввина Александра Бороды / Федерация еврейских общин России. – URL: <https://feor.ru/ravvin-blog/obrashhenie-prezidenta-feor-ravvina-aleksandra-boroda-v-svyazi-poslednimi-sobytyami/> (дата обращения: 10.07.2022).
14. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года / Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67843> (дата обращения: 10.07.2022).
15. Обращение Святейшего Патриарха Кирилла к архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви / Русская Православная Церковь. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5903795.html> (дата обращения: 10.07.2022).
16. От первого лица: раввин Гольдшмидт объяснил расставание с Москвой / Институт религии и политики. – URL: <https://irp.news/ot-pervogo-lica-rav-goldshmidt-objasnil-rastavanie-s-moskvoj/> (дата обращения: 10.07.2022).
17. Патриаршая проповедь в Неделю 5-ю Великого поста после Литургии в храме Покрова Пресвятой Богородицы на Люберецких полях г. Москвы / Русская Православная Церковь. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5915759.html> (дата обращения: 10.07.2022).
18. Патриаршая проповедь в Неделю сыропустную после Литургии в Храме Христа Спасителя / Русская Православная Церковь. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5906442.html> (дата обращения: 10.07.2022).
19. Покинул РФ архиепископ Дитрих Брауэр — глава ЕЛЦР. Интервью / Институт религии и политики. – URL: <https://irp.news/pokinul-rf-arhiepiskop-ditrih-brauer-glava-elcr-intervju/> (дата обращения: 10.07.2022).
20. Послание Святейшего Патриарха Кирилла и.о. генерального секретаря Всемирного совета церквей в связи с событиями на Украине / Русская Православная Церковь. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5907942.html> (дата обращения: 10.07.2022).
21. Представители конфессий выступили против неонацизма и поддержали спецоперацию РФ / Комитет Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений. – URL: <http://komitet2-22.km.duma.gov.ru/Press-centr/item/28481567/> (дата обращения: 10.07.2022).

22. Представители конфессий приняли обращение, осуждающее возрождение фашизма и распространение неонацизма / Духовное собрание мусульман России. – URL: <https://77islam.ru/novosti/predstaviteli-konfessij-prinyali-obrashchenie-osuzhdayushchee-vozhrozhdenie-fashizma-i-rasprostarenie-neonatsizma.html> (дата обращения: 10.07.2022).
23. Президент ФЕОР: всплеск русофобии из-за Украины недопустим / Институт религии и политики. – URL: <https://irp.news/prezident-feor-vsplesek-rusofobii-iz-za-ukrainy-nedorustim/> (дата обращения: 10.07.2022).
24. Призыв муфтия Гайнутдина к миру. 24 февраля 2022 г. / Духовное управление мусульман РФ. – URL: <https://dumrf.ru/common/speech/20369> (дата обращения: 10.07.2022).
25. Пришло время сделать однозначный выбор // Интерфакс-Религия. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=interview&div=548> (дата обращения: 10.07.2022).
26. РГ Совета при Президенте РФ – о помощи беженцам с Донбасса / Институт религии и политики. – URL: <https://irp.news/rg-soveta-pri-prezidente-rf-o-pomoshhi-bezhencam-s-donbassa/> (дата обращения: 10.07.2022).
27. Роль мусульман в формировании общероссийской гражданской идентичности // IslamNews – Информационное агентство России. – URL: <https://islamnews.ru/2022/3/18/rol-musulman-v-formirovanii-obshcherossiyskoj-grazhdanskoj-identichnosti> (дата обращения: 10.07.2022).
28. Российские католики призвали политиков к миру между РФ и Украиной / Институт религии и политики. – URL: <https://irp.news/rossijskie-katoliki-prizvali-politikov-k-miru-mezhdu-rf-i-ukrainoj/> (дата обращения: 10.07.2022).
29. Российские ламы посещают военных и молятся о мире / Буддийская традиционная Сангха России. – URL: <https://sangharussia.ru/news-sangha/rossijskie-lamy-poseshchayut-voennykh-i-molyatsya-o-mire> (дата обращения: 10.07.2022).
30. Совет по взаимодействию с религиозными объединениями / Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/structure/councils#institution-17> (дата обращения: 10.07.2022).
31. Сотрудники ЦДУМ России направили гуманитарную помощь жителям Донбасса / Центральное духовное управление мусульман России. – URL: <https://cdum.ru/news/44/11248/> (дата обращения: 10.07.2022).
32. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Президент России. – Ст. 93. П 10. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.07.2022).
33. ФЕОР организывает всестороннюю помощь беженцам / Федерация еврейских общин России. – URL: <https://feor.ru/press-center/feor-organizovuyet-vsestononnyuyu-pomoshh-bezhencam/> (дата обращения: 10.07.2022).
34. Хамбо Лама Дамба Аюшеев прокомментировал ситуацию на Украине / Буддийская традиционная Сангха России. – URL: <https://sangharussia.ru/news-sangha/khambolama-damba-ayusheev-prokomentiroval-situatsiyu-na-ukraine> (дата обращения: 10.07.2022).

Троянский Михаил Григорьевич,

кандидат исторических наук, профессор,
проректор, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mikhail G. Troyansky,

PhD (History), Professor,
Vice-Rector, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: mihtroy@yandex.ru

Чеснокова Алина Витальевна,

советник директора, Институт актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alina V. Chesnokova,

Director's adviser, Institute for Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: a.chesno@mail.ru

**«НАРОДНАЯ ВОЙНА» КИТАЯ
ПРОТИВ ПАНДЕМИИ COVID-19****CHINA'S "PEOPLE'S WAR" AGAINST
THE COVID-19 PANDEMIC**

Аннотация: в последние годы в Китае система «сетевого управления» зарекомендовала себя особенно эффективной в экстремальных условиях, сыграв ключевую роль в национальной борьбе против COVID-19. Эта система во многом опирается на философию «линии масс», активно продвигаемую во время Культурной революции в 1966—1976 годах, и оперативно мобилизует широкие слои общества на борьбу с опасностью, которая в 2020 году была представлена пандемией COVID-19. Система «сетевого управления» получила свое развитие при председательстве Дэн Сяопина и оказалась включена в программу социального управления Китая, внедренную Си Цзиньпином в 2017 году. Эта система основывается не только на историческом опыте, но и на принципах секьюритизации, сочетаемых с территориальным разделением и методикой bottom-up реагирования. В статье авторы рассматривают некоторые случаи ограничения прав человека в Китае на примере массового локдауна в г. Ухань и раскрывают китайский подход к противостоянию пандемии, который оказался одним из самых результативных в мире.

Ключевые слова: Китай, пандемия, COVID-19, права человека, Ухань.

Abstract: in recent years, China's "gridded management" system has proven to be particularly effective in emergency situations, playing a key role in the national fight against COVID-19. This system is largely based on the "mass line" philosophy, actively implemented during the Cultural Revolution in 1966—1976, and it is known to mobilize promptly large sections of society to fight the threat that was presented in 2020 by the COVID-19 pandemic. The "gridded management" system was developed under the chairmanship of Deng Xiaoping and was included in the Chinese social management program introduced by Xi Jinping in 2017. This system is based not only on historical experience, but also on the principles of securitization, combined with territorial division approach and bottom-up response methodology. In this article the authors examine some cases of human rights restrictions in China on the example of a mass

lockdown in Wuhan and reveal the Chinese approach to confronting the pandemic that turned out to be one of the most effective in the world.

Key words: China, pandemic, COVID-19, human rights, Wuhan.

Введение

Китай стал первой страной в мире, которая столкнулась с беспрецедентным распространением вируса COVID-19. Однако, основываясь на опыте борьбы с SARS-2003 и с последствиями землетрясения в Вэньчуане в 2008 году [11], правительство Китая располагало арсеналом мер для противостояния эпидемии, а также централизованным набором средств для оперативного объявления чрезвычайной ситуации и реагирования на нее.

Столица центральной китайской провинции Хубэй, город Ухань, была «изолирована» 23 января 2020 года, чтобы предотвратить дальнейшее распространение коронавирусной инфекции, всего за один день до важного фестиваля в Китае — кануна Нового года по лунному календарю, который собрал в городе большое количество туристов и жителей других провинций. Во время уханьской изоляции, масштабы которой называют «самыми грандиозными за всю новейшую историю человечества» [3], были закрыты аэропорт, железнодорожные вокзалы и автомагистрали, выходящие за пределы города, а также оказался приостановлен весь общественный транспорт внутри города Ухань, в результате чего около 9 млн человек остались замкнутыми внутри [10]. Еще один важный шаг состоял в переводе жилых районов в начале февраля в строгий режим круглосуточного закрытия. Это означало, что жителям было запрещено покидать свое место жительства, а посторонним лицам не разрешалось заходить на эту территорию, за исключением определенных обстоятельств, таких как госпитализация.

COVID-19, по мнению некоторых западных изданий, мог стать «Чернобылем» для Китая [3]. Такая аналогия метафорично отсылает к глубоким последствиям, которые то или иное бедствие может нанести авторитету правящей партии и ее публичному одобрению. Однако та скорость, с которой правительство Китая справилось с чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения, повлияла на возрождение дискуссий об устойчивости политических режимов к крупным потрясениям. Китай, придержива-

ющийся принцип «консультативной демократии», сочетаемых с авторитарным стилем правления, оказался более устойчивым к кризису, вызванному пандемией COVID-19, чем многие развитые демократии [7].

Описывая китайскую модель сдерживания пандемии, исследователи особое внимание уделяют впечатляющей способности государства мобилизовать население и ресурсы во время кризиса. Именно это и отличает Китай от других государств, которые, сталкиваясь с пандемией, применяли похожие меры (например, ограничение передвижения и всеобщая самоизоляция), но не смогли добиться таких же результатов. Главное отличие заключается в том, что западные правительства призывали своих граждан к индивидуальной ответственности в вопросах борьбы с пандемией, в то время как Китай сделал упор на коллективные усилия [7]. Мобилизационные механизмы основывались на доверии граждан и консолидировали общие усилия по достижению срочной цели, провозглашенной Коммунистической партией Китая (КПК). Такой вектор политического управления смог сплотить население и позволил администрациям всех уровней оперативно достигнуть поставленных целей.

Местное самоуправление в Китае как ключ к успеху в борьбе с COVID-19

Несмотря на высокоцентрализованную систему власти в Китае, сложилось понимание того, что основная работа по борьбе с COVID-19 ложится на плечи местных администраций, так как высокопоставленные чиновники хотя и осведомлены о ситуации лучше других, но на местах располагают наименьшей властью. Благодаря выстроенной системе «сетевого управления» Китай оперативно решал все возникающие вопросы на местах, передавая данные центральному аппарату.

Местное самоуправление в Китае больше напоминает советскую, а не западную модель управленческих администраций. Оно представлено как в виде территориальной автономии в крупных административных единицах, так и в формате вовлеченности граждан в управление в меньших единицах (деревнях, кварталах, районах городов). Эта мысль была краеугольной в марксистско-ленинской теории «линии масс», которая активно внедря-

лась правительством Мао Цзэдуна. Согласно представлениям Мао, партия должна учитывать интересы широких слоев ответственности и поддерживать с ними постоянную связь через своих представителей на местах. Местные чиновники обязаны были выслушивать мнения простых обывателей, суммировать и систематизировать их и доносить до сведения центрального аппарата, чтобы в дальнейшем, когда это мнение получит государственное одобрение и свою программу развития, граждане могли отстаивать собственные мысли, закрепленные в легитимном порядке, и претворять их в действительность.

Если обратиться к историческому анализу, то можно увидеть, что еще во времена династии Цинь (221—206 гг. до н. э.) китайское общество было разделено на «ли» (деревня, включающая несколько домохозяйств), «тин» (община, состоящая из нескольких деревень) и «сян» (поселение, включающее несколько общин) [12]. Эта структура сохранялась вплоть до периода Китайской Республики (1931—1949 гг.). Ядром этой системы было конфуцианство, которое требовало распространять «жэнь» (сострадание или доброжелательность), «ли» (обряды или ритуалы) и помогать ближнему, поддерживая при этом самодисциплину. Также были важны принципы законности, которые подчеркивали взаимную ответственность в вопросах общественного надзора и могли выражаться в том числе даже в виде публичного порицания проступков членов семьи и соседей [7].

Сама «сетевая система» начала развиваться с появления сельских коммун в 1950—1970-е годы и деревенских комитетов в 1980-е годы, членами которых становились крестьяне. Главной задачей такого самоуправления было ведение наиболее важных вопросов в селах и деревнях. Позднее аналогичные комитеты были созданы в городских районах, которые были предложены Дэном Сяопином в качестве развития низшей ступени государственного управления [12]. Считалось, что граждане захотят самостоятельно регулировать свои дела, обозначая принцип bottom-up в управлении, а также закладывая основу сотрудничества общественности с государством.

«Сетевая система управления» была экспериментально реализована в городах провинции Чжэцзян в начале 2000-х годов, в которой Си Цзиньпин занимал руководящие посты. Впоследствии он

распространил эту систему на всю страну, после того как пришел к власти в конце 2012 года. «Сетевая система» рассматривается как способ социализации административного управления [1]. Официальным лозунгом «Разрешение мелких споров внутри сети и крупных конфликтов целым сообществом» провозглашается одна из целей данной системы, которая достигается в том числе за счет сбора данных местными органами власти и общественно-го наблюдения, что позволяет предупреждать многие угрозы [6].

Можно сделать вывод о том, что такая практика прошла поэтапное внедрение. Для начала она была апробирована в отдельных районах, а затем была распространена на всей территории государства. Территориальные комитеты избираются жителями сроком на три года, утверждаются городской администрацией и представляют на своем территориальном участке интересы в среднем 100—600 семей [1].

Местное самоуправление занимается широким спектром вопросов: разъяснением государственной политики, регулированием бытовых споров, поддержанием общественного порядка, оказанием социальной помощи уязвимым группам населения, проведением культурных и спортивных мероприятий, а также участием в воспитании молодежи и в вопросах иммунизации населения. Возможно дробление таких территориальных общин на уличные комитеты, которые возглавляются чиновником, обеспечивающим потребности жителей. К тому же к такой общественной деятельности часто привлекаются волонтеры. Помимо этого во многих городах созданы онлайн-платформы территориальных общин, на которых выставляется актуальная информация. Такое сочетание цифровизации и информатизации населения считается характерной чертой «умных городов» [7].

В контексте кризиса COVID-19 перед правительством стояла задача укрепить значение территориальных общин в обществе и усилить роль КПК на самом базовом уровне. Победа в «народной войне» против COVID-19, официально провозглашенной председателем КПК Си Цзиньпином 10 февраля 2020 года, во многом свершилась благодаря способности партии мобилизовать людей. Система управления «снизу-вверх», по мнению многих исследователей, является ключевой в понимании «китайской модели» борьбы с COVID-19 [9].

Политика «военного времени» в борьбе с COVID-19

Согласно данным отчета Государственного совета от 11 февраля 2020 года, после первой вспышки COVID-19 в 650 тыс. населенных пунктах по всей стране насчитывалось всего около 4 млн общественных работников. Это означает, что в среднем шесть общественных работников выполняли работу в одном территориальном сообществе [7]. Несмотря на хаотичность первых дней эпидемии, опираясь на систему «сетевое управления» под официальным лозунгом победы в «народной войне» против эпидемии, было эффективно мобилизовано массовое гражданское движение Китая. Сотни тысяч добровольцев присоединились к общественным работникам для реализации различных мер: от регистрации перемещений жителей, мониторинга соблюдения карантина, отслеживания контактов с зараженными и до доставки еды в карантинные зоны, помощи с госпитализацией, покупок масок и психологического консультирования (в частности, действовала программа «Peace of Mind») [18]. Вместе с этим шел сбор средств для помощи медицинскому персоналу и населению г. Ухань.

В Шанхае, согласно официальной статистике, с 28 января по 3 марта 2020 года каждый доброволец отработал в общей сложности более 40 часов [10]. 18 марта 2020 года Министерство по гражданским делам опубликовало «Руководство по участию добровольческих организаций и добровольцев в делах по профилактике и борьбе с эпидемиями», в котором на национальном уровне признается неоспоримое значение добровольцев в победе в «народной войне».

Риторика военного времени, в которой COVID-19 объявлялся врагом, а все медицинские сотрудники — солдатами на линии фронта и национальными героями, способствовала подчинению указаниям местной администрации и распоряжениям центральной власти. Кроме того, граждан поощряли в отслеживании действий соседей по соблюдению карантинных мер [18]. Данные людей, которые потенциально контактировали с зараженными COVID-19 или являлись его носителями, распространялись в социальных сетях, чтобы было возможно отслеживать перемещения своих знакомых, если они попали в зону заражения.

Крупные технологические компании и основные онлайн-платформы, включая Tencent, Alibaba, Huawei и Baidu, активно со-

трудничали с правительством для предоставления разных услуг, связанных с борьбой с COVID-19. Некоторые заявленные услуги включали в себя скрининг путешественников и потенциальных носителей вируса, прибывших из зон повышенного эпидемиологического риска, сбор и анализ физической информации, запись и контроль входа и выхода людей в общественных местах, мониторинг соблюдения карантина, а также наблюдение за целыми районами с использованием дронов [13]. В некоторых городах существующие онлайн-платформы «умного города» располагали специальным разделом для официальных лиц и жителей, в котором они могли проверять информацию, связанную с COVID-19 [7]. Таким образом, получила свое развитие концепция «цифровой бдительности».

Компания «Tencent» в начале февраля запустила сначала в Шэньчжэне, а вскоре и по всей стране проект «Код здоровья». Каждый гражданин наделялся специальным кодом — зеленого, желтого или красного цвета, который предоставлял информацию о том, является ли он носителем вируса, содержал данные о состоянии его здоровья и списке мест, где он/она побывал (-а) (в том числе супермаркеты, торговые центры, крупные общественные площадки) и теперь временно или постоянно проживает [8]. На основе собранных данных китайские власти запустили онлайн-карту примерно в 170 городах, дающую возможность каждому увидеть, где находятся жители, инфицированные COVID-19, а также мобильное приложение под названием «Детектор близких контактов», позволяющее работодателям проверять, были ли вновь вернувшиеся в офисы работники в тесном контакте с пациентами, инфицированными COVID-19 [16].

В марте 2020 года Си Цзиньпин выступил с речью, в которой заявил, что «в битве против COVID-19 было два фронта: один — больницы, в которых врачи спасали людей, а другой — местные сообщества, которые сдерживали этот вирус» [7]. Таким образом, не только медицинские учреждения, но и местные органы власти объединяли под своим крылом все предпринятые усилия и необходимые меры, координируя процесс «выздоровления» нации.

Такая «народная война» стала продолжением социальной политики Си Цзиньпина и сочетается с теорией «линий масс», которая не только побуждала граждан проявлять большую бди-

тельность в отношении себя и близких, но и сформировала у общественности менталитет политической приверженности и коллективного эмоционального чувства высокого морального призвания [4].

Об ограничении права человека

В связи с проводимой политикой по сдерживанию COVID-19 возникает вопрос соблюдения прав человека в условиях объявленной чрезвычайной ситуации в области здравоохранения. Основные жалобы касались превышения чиновниками должностных полномочий при исполнении директив, связанных с COVID-19, насильственного удержания в домах для соблюдения условий карантина, рейдов в квартиры, отказа в дальнейшем сотрудничать с теми гражданами, которые находились на карантине в г. Ухань и проч. [10]. Считается, что жители Китая столкнулись с внутренней стигматизацией, которая в ряде случаев привела не только к ухудшению морального состояния, но и к потере работы и смене места жительства. Несмотря на то что местные органы власти напоминали жителям районов о запрете дискриминационных действий, в условиях чрезвычайной ситуации было сложно отследить все свершившиеся правонарушения. Некоторые исследователи сравнивают такие меры с последствиями Культурной революции, которая оставила в истории Китая глубокий отпечаток [7]. Поскольку группа зараженных COVID-19 в соответствии с объявленной риторикой идентифицировалась как «другие», или «враг», жестокие меры по сдерживанию вируса в некотором смысле были оправданы в качестве необходимого средства для победы в «народной войне». Поощрение взаимного контроля соседей также соответствует объявленной бинарной политике, где с одной стороны — группа «я/мы», а с другой — «враг». Природа страха перед неизвестным вирусом стала основой государственной политики в решении вопроса взаимной гражданской ответственности за соблюдение карантинных мер и сотрудничество с правительством.

Согласно такому подходу «врагами» могут быть недобросовестные медицинские работники, журналисты, правозащитники, ученые и граждане, пытающиеся помешать реализации всех стратегий «народной войны». Чиновники же, превышающие свои

полномочия в целях реализации стратегии «Народная война против COVID-19», официально признаются добродетелями, которые ответственно подходят к вопросу безопасности китайского общества, соседей и своей семьи, а также укрепляют патриотические настроения и политическую активность в государстве.

В основу «народной войны» был заложен утилитарный подход, согласно которому ради достижения важнейшей цели тотальный контроль и даже дискомфорт одного человека или целой группы людей необходимы и оправданы, поскольку они играют ключевую роль в общей победе. Этим принципом обуславливались сбор личных данных и их распространение, несмотря на закрепленное право человека на неприкосновенность частной жизни [5].

Государство заключило сделку с гражданским обществом. С одной стороны, частная жизнь граждан подвергалась вмешательству извне, но взамен государство занималось решением глобальной проблемы, представляющей всеобщую угрозу, и в дальнейшем предоставляло большую степень свободы и мобильности, исходя из распространения системы «кода здоровья», проведения профилактических мероприятий и развития большей сознательности у граждан [16].

Заключение

Считается, что китайский подход к борьбе с COVID-19 продемонстрировал отличное от классической трактовки видение соблюдения прав человека в чрезвычайных ситуациях. Такая стратегия была основана на принципе «люди прежде всего», хотя и допускала серьезные ограничения прав человека. Однако такой подход получил широкое одобрение общественности, поскольку были мобилизованы не только усилия граждан, но и их доверие к правящей партии.

Китайский политический строй продемонстрировал впечатляющую способность сплачивать и организовывать многочисленное население, что еще раз подтвердило теорию о высокоустойчивой системе правления и эффективности сетевого администрирования [7]. Как следствие, возросло также значение национальной идентичности внутри Китая и благодаря сотрудничеству общественности с правительством укрепился авторитет КПК. Можно говорить о реализации теории общественного договора, которая

в китайском обществе достигла наивысшей результативности в чрезвычайных условиях, особенно в сравнении с преодолением тех же самых трудностей странами с развитой демократией [13].

«Линия масс» получила новое развитие в 2020 году, трансформировавшись в модель «от масс к массам», согласно которой общество как неотъемлемый компонент процесса управления активизируется и помогает в реализации партийных установок на самых низовых уровнях.

Однако, говоря об эффективности мер, принятых китайскими властями по сдерживанию эпидемии, общественной поддержке и возросших возможностях государства, не следует упускать те глубинные факторы, которые сыграли значительную роль в борьбе с пандемией — речь идет о готовности отдельного гражданина и общества в целом «поступиться» прописным соблюдением основных прав и свобод человека ради общего блага.

«Народная война» Китая против COVID-19 привлекла внимание мировой общественности и столкнулась с противоречивыми оценками. Надо признать, что мобилизационные усилия, предпринятые в г. Ухань, смогли сдержать массовое распространение коронавируса. К тому же нельзя отрицать успех мобилизационных механизмов, реализованных в Китае на уровне территориальных общин, которые стали еще одним «фронтом» борьбы с пандемией. Помимо всего этого комплекс мер, принятых властями, включал в себя умелое информационное управление и фокусирование на необходимости противостоять угрозе в качестве главного тезиса секьюритизации общества для борьбы с вирусом. Мобилизация общества также проводилась с учетом грамотного администрирования, которое включало в себя принятие своевременных решений и их безоговорочную реализацию на местах, что в итоге укрепило доверие граждан к власти, а также сплотило общество против общей угрозы. Основой единства стала «сетевая структура», исторически выработанная в Китае и подтвердившая свое значение в решении комплексных задач.

Литература

1. Капицын В.М. [и др.]. Местное самоуправление Китая в системе мобилизационных механизмов противодействия COVID-19 (кейс г. Ухань) / Капицын В.М., Емельянова Н.Н., Каратеев А.Ю., Ван Яо // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 90. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie>

- kitaya-v-sisteme-mobilizatsionnyh-mehanizmov-protivodeystviya-covid-19-keys-guhan (дата обращения: 20.09.2022).
2. Котельникова Т.В. Исследование территориальных общин в современной китайской науке // Вестник Читинского государственного ун-та. – 2010. – № 2 (59). – С. 141–148.
 3. Aderlini J., Xi Jinping. Faces China's Chernobyl Moment // Financial Times. – 2020. – URL: <https://www.ft.com/content/6f7fdbae-4b3b-11ea-95a0-43d18ec715f5> (accessed: 17.09.2022).
 4. Dutton M. Passionately Governmental: Maoism and the Structured Intensities of Revolutionary Governmentality // Postcolonial Studies. – 2008. – P. 25–26.
 5. Hoffman S. Managing the State: Social Credit, Surveillance and the CCP's Plan for China // China Brief. – 2017. – URL: <https://jamestown.org/program/managing-the-state-social-credit-surveillance-and-the-ccps-plan-for-china/> (accessed: 19.09.2022).
 6. Hoffman S. Programming China: The Communist Party's Autonomic Approach to Managing State Security // Merics. – 2017. – URL: <https://merics.org/en/report/programming-china> (accessed: 17.09.2022).
 7. Jue J. A Question of Human Rights or Human Left? The «People's War against COVID-19» under the «Gridded Management» System in China // Journal of Contemporary China. – 2021. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10670564.2021.1985827> (accessed: 20.09.2022).
 8. Mozur P., Zhong R., Krolík A. In Coronavirus Fight, China Gives Citizens a Color Code, With Red Flags // The New York Times. – 2020. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/01/business/china-coronavirus-surveillance.html>. (accessed: 18.09.2022).
 9. Qian Gang. China under the Grid // China Media Project. – 2018. – URL: <http://chinamediaproject.org/2018/12/07/china-under-the-grid/> (accessed: 18.09.2022).
 10. Qian Y., Hanser A. How did Wuhan Residents Cope with a 76-Day Lockdown? // Chinese Sociological Review. – Vol. 53. – 2020. – Is. 2. – P. 55–86.
 11. Raby G. Why COVID-19 Is Unlikely to Be Xi's Chernobyl Moment // Australian Financial Review. – 2020. – URL: <https://www.afr.com/world/asia/why-covid-19-is-unlikely-to-be-xi-s-chernobyl-moment-20200301-p545pk> (accessed: 15.09.2022).
 12. Rowe P.G., Forsyth A., Har Ye. Kan. China's Urban Communities: Concepts, Contexts, and Well-being // Birkhauser. – 2016. – P. 33. – URL: <https://www.gsd.harvard.edu/publication/chinas-urban-communities/> (accessed: 15.09.2022).
 13. Tang B., Xia F., Tang S. The Effectiveness of Quarantine and Isolation Determine the Trend of the COVID-19 Epidemics in the Final Phase of the Current Outbreak in China // International Journal of Infectious Disease. – 2020. – Vol. 96. – P. 636–647.
 14. Teets J.C. Let Many Civil Societies Bloom: The Rise of Consultative Authoritarianism in China // The China Quarterly. – 2013. – Vol. 213. – P. 19–38.
 15. Wu C., Shi Zh., Wilkes R. Chinese Citizen Satisfaction with Government Performance during COVID-19 // Journal of Contemporary China. – 2021. Vol. 30. – P. 930–944.
 16. Yang S., Zhao I. Bid to contain coronavirus COVID-19 sees Chinese tech giants deploy tracking maps // ABC News. – 2020. – URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-02-22/coronavirus-covid-19-china-quarantine-measures-questioned/11987900>. (accessed: 19.09.2022).
 17. Yang X., Peng L. Focusing on Health-Care Providers' Experiences in the COVID-19 // The Lancet Global Health. – Vol. 8. – 2020. – Is. 6. – P. E740–E741.
 18. Zhong R., Mozur P. To Tame Coronavirus, Mao-Style Social Control Blankets China // The New York Times. – 2020. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/15/business/china-coronavirus-lockdown.html>. (accessed: 18.09.2022).

Ким Мин Кёль,

аспирант,

Московский государственный институт международных отношений МИД
Российской Федерации (МГИМО (У) МИД России), Москва.

Kim Min Koel,

Ph. D. student (Political Science),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow.

E-mail: kim.m.k@my.mgimo.ru

ИДЕИ КИТАЯ О МИРОВОЙ СТРАТЕГИИ В «ТРЕХ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕЗОЛЮЦИЯХ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

CHINA'S WORLD STRATEGY THOUGHTS IN "THREE HISTORICAL RESOLUTIONS": IDEOLOGICAL METAPHORS AND FOREIGN POLICIES

Аннотация: целью данной статьи является анализ отношений между идеологическими метафорами и внешней политикой в традиционной истории Китая и современной дипломатии. С момента провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 году Пекин прошел три революционных этапа под руководством Мао Цзэдуна (1943—1976 гг.), Дэн Сяопина (1973—1989 гг.) и Си Цзиньпина (2012 г. — настоящее время). В частности, под руководством действующего лидера Китая Си Цзиньпина с ноября 2012 года наиболее яркой чертой внешней политики Китая является реализация активной мировой стратегии, направленной на превращение страны в глобальную державу. Очевидно, что Китай предпринимает попытку творческой трансформации в современном понимании, унаследовав традиционное достояние и идеологии, которые были успешны в прошлом. Используя идеологическую традицию своей уникальной истории, Китай изобретает современные дипломатические дискурсы как метафоры мировой стратегии Пекина и развивает соответствующие политические, экономические и культурные институты на глобальном уровне.

Ключевые слова: китайский мировой порядок, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Си Цзиньпин, новый тип международных отношений, Сообщество единой судьбы человечества, инициатива «Пояс и Путь».

Abstract: the purpose of this article is to analyze the relationship between ideological metaphors and foreign policy in traditional Chinese history and modern diplomacy. Since the proclamation of the People's Republic of China in 1949, Beijing has gone through three revolutionary stages under the leadership of Mao Zedong (1943—1976), Deng Xiaoping (1973—1989) and Xi Jinping, (2012 — present). In particular, under the leadership of the current leader of China, Xi Jinping, since November 2012, the most striking feature of China's foreign policy is the implementation of an active world strategy aimed at becoming a global power. Clearly, China is attempting a creative transformation in the modern sense, inheriting a traditional cultural heritage and ideology that was great in the past. Using the ideological tradition of its unique history, China invents modern diplomatic discourses as metaphors for Beijing's global strategy and develops corresponding political, economic and cultural institutions at the global level.

Key words: Chinese World Order, Mao Zhedong, Deng Xioping, Xi Jinping, New Type of International Relations, Community with a Shared Future for Mankind, Belt and Road Initiative.

Introduction

Since the incumbent Chinese President Xi Jinping came to power in November 2012, the most striking feature of China's foreign policy has been the omnidirectional trend of its active world strategy targeting to become a global power. Concerning the question of China going global, many countries are struggling to prepare a response strategy appropriate to manage risks. Therefore, the world pays attention to how the so-called 'Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era', or 'Xi Jinping Thought', will be implemented.

Obviously, China is attempting creative transformation in a modern sense by inheriting the traditional cultural heritage and ideology that was splendid in the past. Even when discussing China's great power strategy and foreign policy in terms of complex international relations and diversifying global issues, some Chinese scholars are just trying to go beyond mere application of Western concepts and terms in order to overcome subordination of academic sphere. In short, by utilizing the ideological tradition of its unique history, China is inventing contemporary diplomatic discourses as metaphors of Beijing's world strategy and developing relevant political, economic and cultural institutes at the global level.

Three Important Moments of China's Contemporary World Strategy

Since the proclamation of People's Republic of China in 1949, Beijing has gone through three revolutionary stages under the leadership of Mao Zedong (1943—1976), Deng Xiaoping (1973—1989) and Xi Jinping (2012 — present). Scholars such as Zia Qingguo, director of the School of International Relations at Peking University, refer to the characteristics of Xi Jinping era, saying that China has already entered the third revolutionary stage as it is pursuing so many changes that it can be clearly distinguished from the previous eras of Jiang Zemin (1989—2002) and Hu Jintao (2002—2012) [2, p. 10].

In other words, while President Mao focused on building a new socialist country during the first revolutionary period, President Deng achieved an economic miracle through policy of reform and opening

up during the second revolutionary period. On the other hand, President Xi is adopting a conservative strategy in various fields of politics, economy and society, distinguished from the liberal strategies of leaders, such as President Jiang and President Hu, during the third revolutionary period. Moreover, he has formalized Beijing's status as a global power with more active diplomatic initiatives toward the world.

First Historical Resolution in the Era of Mao Zedong

The First Historical Resolution by Mao Zedong in 1945 was basically developed based on Mao ideology, which succeeded Marxism-Leninism. Its main ideology was expressed as 'permanent revolution theory' or 'continuous revolution theory'. From the establishment of New China in 1949 until the division between China and Soviet Union in the late 1950s, Mao's world strategy was basically based on the Sino-Soviet alliance in accordance with 'Sino-Soviet Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance' in February, 1950. He maintained the 'anti-imperialist', 'anti-American' and 'pro-Soviet unilateralism' strategy for almost decade.

However, the division between Beijing and Moscow began since the Soviet General Secretary Nikita Khrushchev had launched a movement to downgrade Joseph Stalin starting with the 20th Soviet Communist Party Congress in 1956 and declared a path for peaceful coexistence with the U.S. To make matters worse, Khrushchev's remarks that the Soviet Union would exercise command of military operations in the Far East, including China, aggravated the division between the two giant socialist powers.

In 1969, when tensions between the two countries were heightened due to military confrontation, U.S. President Richard Nixon's historic visit of Beijing in 1972, showing a major shift in U.S.' China policy, made a change in the new strategic triangle from 'U.S. vs. China vs. Soviet' to 'U.S.-China vs. Soviet'. At the moment of military confrontation with Soviet, Beijing's world strategy changed rapidly as the realistic necessity of suppressing Moscow with Washington. In February 1973, at the suggestion of Mao Zedong, an agreement was reached between the U.S. and China on a 'horizontal line strategy'. This was a proposal to develop a struggle with the Soviet Union by tying countries threatened by Soviet expansionism, such as the U.S., China, Japan, Pakistan, Iran, Turkey, and Europe [8, p. 342—352].

This idea was applied to the 'united front strategy' of the Chinese Communist Party in the 1930s and 1940s, but in reality, it turned to a kind of 'strategic pragmatism' in which it was forced to stand with the U. S. in the face of the Soviet threat. Furthermore, President Mao abolished the 'theory of continuous revolution' and double hostile policy that he had adhered to. This transformation of the existing strategy revealed in Mao's 'horizontal line of defense strategy' was self-contradictory to a certain extent as national interests at the global level had prevailed over ideological beliefs at the personal level.

Second Historical Resolution in the Age of Deng Xiaoping

The Second Historical Resolution in 1981 by Deng Xiaoping made China emerge as an economic power through reform and opening-up policies. At that time, the most representative aphorism that consolidated Chinese foreign policy was Deng's strategy of 'Keeping a Low Profile', and leaders such as Jiang and Hu followed Deng's foreign policy from the 1990s to the 2000s.

While defining China as a developing country and an emerging economy, they emphasized that China's aspirations for a peaceful external environment have enabled China's continued growth. Considering the concerns of neighboring countries, they initially named it 'Peaceful Rise', but later changed the term 'rise' to 'development' and renamed it 'Peaceful Development'. However, when the global financial crisis that originated in the U. S. broke out in 2008, even a group of economic and diplomatic experts and bureaucrats with completely different orientations began to offer similar forecasts that U. S.' hegemony is drowning in recession.

Chinese officials believed that this very financial crisis would be an inflection point in world history — the decline of the U. S. and the rise of China. Zhou Xiaochuan, president of China's central bank, captured the spirit of the times right here, seeing that perhaps now is the time for the world to move away from its reserve currency, the dollar [5]. The depreciation of the U. S. dollar, the sub-prime crisis, and the instability of the financial market have weakened the Washington's position, while its rapid economic growth has greatly boosted Beijing's confidence. Since Hu's leadership, China's great-power diplomacy gradually expanded in the slogans of 'Responsible Foreign Policy', 'Theory of Peaceful Development', and 'Theory of a Harmonious World'.

In addition, after the financial crisis that originated in 2008, there was a debate over world strategy and foreign policy in China. Yan Xuetong, a professor at Tsinghua University, argued in 2001 that China has a historic mission to regain its status as a global power. In other words, the rise of China is a natural thing. Over the past 2,000 years, China has been playing significant roles on several occasions. It has enjoyed the status of war, and even if you go back to around 1820, 20 years before the outbreak of the Opium War, China produced 30% of the world's GDP [15, p. 115]. Due to the history of enjoying a central status in the sphere of Eastern civilization until the Opium War, on the one hand, the Chinese are very proud of their own country, and on the other hand, they are not completely satisfied with China's current international status. According to him, the Chinese believe that China's downfall is a historical failure, and they believe it must be rectified soon. This meant the withdrawal of Deng's 'Keeping a Low Profile' strategy and the need for a diplomatic strategy as a global power [14, p. 35].

Third Historical Resolution in the Age of Xi Jinping

The Third Historical Resolution in 2021 under Xi Jinping's leadership since 2012 shows changing discourse and strategic ideology related to Chinese foreign policy as Beijing emerged as a global power. The global financial crisis became an opportunity to raise concerns not only in the U. S., but also in neighboring countries. However, in contrast to the declining atmosphere of the U.S., the national pride of the Chinese people was greatly enhanced, and there was an atmosphere that China was once again standing tall as the center of the world.

After President Xi came to power in November 2012, China's diplomatic strategy is transformed into more active policy to play a leading role in the international community by spurring in line with China's international status. This was an expression of the will to expand China's global influence during President Xi's leadership.

What meaning and background does this contain? Yi Ji Yong, a professor at the University of Foreign Economics and Trade, compares the two concepts and connects them with the independence diplomacy theory. According to this, Deng's foreign policy focused on domestic economic development, while Xi's expresses China's confidence that it will actively take on its international responsibilities. And if Deng's external strategy focused on incorporation into the

world order, then Xi's expresses willingness to take a more active role in establishing world order and defining rules and norms at the global level [17, p. 78].

According to the theory of independence diplomacy, Yi interprets Xi's world strategy as a result of China's increase in national autonomy. The factors affecting national independence are very diverse and complex, but according to the core interpretation logic of the independence diplomacy theory, Yi emphasizes the following three. First, the invigorating diplomatic strategy that advocates the establishment of a unified plan at home and abroad is in line with the characteristics of the 21st century. Second, the continuous enhancement of national capabilities is the root cause and background of Xi's world strategy. Third, the anti-corruption struggle adopted by China at the 18th Party Congress, comprehensive reform, China's contribution to the international community, and the personal political influence of President Xi are important factors in enhancing China's national capabilities and domestic and international legitimacy [17, p. 79].

Key Concepts of Xi Jinping's Third Historical Resolution

After taking office, President Xi Jinping introduced the 'two centenary goals' aimed at the great revival of the Chinese nation, proclaimed and promoted BRI, a theory of great-power relations to respect the core interests between major powers, a new type of international relations (expanding and strengthening partnerships, major diplomatic discourses such as a new type of international relations of win-win cooperation, co-prosperity, and a community of human destiny), a new type of foreign diplomacy, and a declaration of socialist diplomatic ideology with Chinese characteristics in a new era are presented one after another. At the 19th Party Congress in 2018, President Xi's report, which contained the national strategy and policy direction that China is pursuing for the next five years, presented this as a key keyword in 'Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era.' In particular, the relationship between China and neighboring countries is not a community of interests, but a community of destiny based on the four norms of 'Intimacy–Sincerity–Benefit–Compassion' as a universal value. As part of the Confucian view of the world, Xi also emphasized that 'righteousness' should be prioritized over 'interests' when dealing with

the so-called 'righteousness', which is reminiscent of the world view of China in the traditional era.

'Theory of a Community with a Shared Future for Mankind' is a representative diplomatic concept that represents President Xi Jinping's global strategy ideology. Of course, the use of the term dates back to the days of Prime Minister Wen. In 2011, during his visit to Japan at the time of the Fukushima nuclear accident in Japan, Prime Minister Wen first mentioned that humanity is a community of destiny in the face of natural disasters. After that, it was clearly expressed as 'Human Destiny Community' in the report of the 18th Party Congress of the Communist Party of China.

However, since then, this expression has not been actually confirmed, and sometimes was used in several forms such as 'Community of fate that there is me in you and you in me', 'Sense of community of fate', or 'Community of interest and a community of fate that share interests and are linked with each other'. Prime Minister Wen also used expressions like 'global village' or 'big family', which are similar to the community of human destiny. Then, on September 28, 2015, at the General Assembly commemorating the 70th anniversary of the founding of the United Nations, President Xi delivered a speech titled "Let us work together to build a new partnership of co-prosperity and to build a community of human destiny with one mind" and 'Human Destiny Community' [7]. At the 19th Party Congress in October 2017, the expression 'Building a Community with a Shared Future for Mankind' was inserted into the Party Constitution of the Communist Party of China and also added to the preamble to the Constitution of the People's Republic of China on March 11, 2018.

Since then, various kinds of interpretations have emerged around the concept of this term, reaching various concepts and strategies of the 'Chinese Dream'. After the Communist Party of China established the community of human destiny as a diplomatic policy, it highlighted the concept of the community of human destiny as a global governance plan. The essence of this plan is to solve problems that a single country cannot solve, emphasizing joint co-prosperity. This concept is also China's response and answer to the zeitgeist of peace and development, and is divided into two parts — 'development community' and 'construction of a sustainable and stable international order' [1].

It was meant to contain a solution to the problem. In fact, the concept of this community of human destiny has many implications. There are five main areas of politics, security, economy, culture, and ecology, and five goals corresponding to each of them — lasting peace, universal security, common prosperity, open inclusion, cleanliness and beauty. As a new ideology in international relations proposed by China, this ideology is put into practice at the forms of pluralistic and multilateral initiative such as BRI the Confucius Institute, the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), and the Boao Asian Forum [12].

According to Peking University professor Huan Qing Je summarizes the strategic implications of the community of human destiny in two dimensions, considering that it has a very important meaning as a kind of discourse or strategy on international relations. First of all, from a fundamental point of view, the community of human destiny is a kind of peaceful, fair and harmonious world economic and political order that has been constantly pursued since New China or even from around 1840 when China entered modern society. It is also the common hope and welfare of China, the largest developing country in China. Next, in light of reality, China, which has been in the process of reform and opening for a long time, can not only promote its own development based on the principle and method of ‘peaceful coexistence and mutual inclusion’, but also contribute to the development of the world [12].

In the report of the 19th National Congress of the Communist Party of China, President Xi described ‘a Community with a Shared Future for Mankind’ as ‘lasting peace’, ‘universal security’, ‘common prosperity’, ‘open inclusion’, and ‘clean and beautiful world’. Xi Jinping’s New Era of Socialism with Chinese Characteristics for Learning Socialism with Chinese Characteristics points out that ‘a Community with a Shared Future for Mankind’ is closely connected with the future path and destiny of each nation and each country. Several articles published in the publications of the Communist Party of China also explore the theoretical origins of the ‘a Community with a Shared Future for Mankind’ [11].

Karl Marx clearly presented the idea of community and systematically interpreted it, naming the communist society as the goal of the proletarian class struggle as the ‘Freely Associated Individuals’

(Verein freier Menschen) [4]. Therefore, the ideology of the community with the destiny of mankind succeeds the ideal of the Marxist 'Freely Associated Individuals' and the ultimate goal is to achieve the happiness of all mankind by absorbing the idea of 'harmony' in the excellent traditional Chinese culture [10]. In this context, the ideology of the community of human destiny theoretically enriches Marx's view of relics, strategically provides wisdom and methods to solve human problems, and realistic conditions for practicing the highest ideal of the Marxist 'Freely Associated Individuals'. China's official position is that Marx's ideology of community provides a solid theoretical foundation for the ideology of 'a Community with a Shared Future for Mankind'.

Foreign Minister Wang Yi delivered a speech one month before the opening of the 19th National Congress of the Communist Party of China that President Xi's diplomatic ideology is consistent with the Marxist position, point of view and method [13]. Yang Jiechi, the head of the Central Foreign Affairs Office, also demanded that one month before the National Day of the 70th anniversary of the People's Republic of China, deeply realize the spiritual substance of President Xi's diplomatic ideology, and among them, accurately grasp the consistent Marxist position, point of view and method [16].

President Xi's study on socialist diplomacy with Chinese characteristics for a new era, which is included on the platform of the Central Propaganda Department of the Communist Party of China, explains why China promotes the concept of 'community of a s for mankind' [9]. First, this ideology goes beyond the pessimistic theoretical framework of falling into the so-called 'Thucydides Trap' — a rapidly emerging power and an existing hegemon will inevitably collide.' This is because 'community of human destiny' sees the state as a subject who shares a destiny and coexists equally, not as a participant in a struggle for power. Second, because China has the consciousness of a 'a Community with a Shared Future for Mankind', China's diplomacy looks farther than the 'Keeping a Low Profile' period. Third, while the diplomatic strategy of the 'Keeping a Low Profile', which focused only on economic development, is conservative, the concept of 'community with the destiny of mankind' is currently making China work hard to achieve its goal. Fourth, China had previously emphasized the 'Keeping a Low Profile' diplomacy because of the limitations of its capabilities.

The reason why China raised confidence at this point in proposing the establishment of ‘a Community with a Shared Future for Mankind’ is as follows. First, it can gain more support from developing countries. Most Third World countries have underdeveloped economies and have not fully benefited from the process of globalization. However, the concept of ‘a Community with a Shared Future for Mankind’ is an expression of ‘closely linked to the fate of all people on the planet’, and it is easy to gain diplomatic support from developing countries because it instills hope for shared growth in developing countries. Second, it can create a certain level of consensus in Western society as well. Since ‘a Community with a Shared Future for Mankind’ emphasizes the fate of ‘humanity’, it is possible to easily communicate with the Western society where ‘respect for human rights’ is a core universal value of society. Third, it helps to avoid the so-called ‘Thucydides Trap’. Using the pretext that China’s development is not for world domination, but to further improve the fate of mankind, China seeks to win international public support and avoid falling into the ‘Thucydides trap’ as much as possible. Fourth, it makes a big change in China’s diplomatic line to be considered reasonable. With this persuasive ideology, China encourages the international community to show support, acquiescence, or neutrality rather than suspicion, rejection, or opposition to the continued growth of Chinese national power, and further seize the opportunity for common development.

At the CCP Central Foreign Affairs Leadership Team Working Meeting held on June 22—23, 2018, President Xi summarized and outlined the ‘Socialist Diplomatic Ideas with Chinese Characteristics for a New Era’ into ten articles as follows [3].

Table 1

“Ten Views” and Political Implications of Xi Jinping’s Diplomatic Thought (Compiled by author)

Ten Views	Implication
1. Adhering to the defense of the central authority of the Party as a guide of unified leadership in foreign affairs	A fundamental guarantee for good diplomacy
2. Adhering to the promotion of ‘great power Diplomacy with Chinese Characteristics’ with the mission of realizing the great revival of the Chinese nation	The new era’s historical mission to diplomatic affairs

End of the table 1

3. Adhering to the promotion of ‘a community of shared future for mankind’ with the purpose of protecting world peace and realizing common development	The overall goal of diplomatic works in the new era
4. Adhering to socialism with Chinese characteristics as the basis of increasing strategic confidence	Fundamental demands to be complied with by diplomatic works in the new era
5. Adhering to the principle of ‘common consultation’, ‘common construction’ and ‘common enjoyment’ in the framework of the ‘One Belt, One Road’ project	China’s long-term openness and cooperation platform
6. Adhering to the path of peaceful development based on mutual respect and joint co-prosperity	Basic principles of Chinese diplomacy for a long term
7. Adhering to the development of global partnership based on deepening China’s diplomatic foundations	Important contents of Chinese diplomacy in the new era
8. Adhering to the reform of the global governance system with the ideology of fairness and justice	An important direction for Chinese diplomacy in the new era
9. Adhering to the protection of China’s core interests, including national sovereignty, international security, and development interests	Starting point and goal of Chinese diplomatic affairs
10. Adhering to the creation of a unique paradigm for Chinese diplomacy in the direction of combining the superior traditions of diplomacy with the characteristics of the times	The spiritual mark of Chinese diplomacy

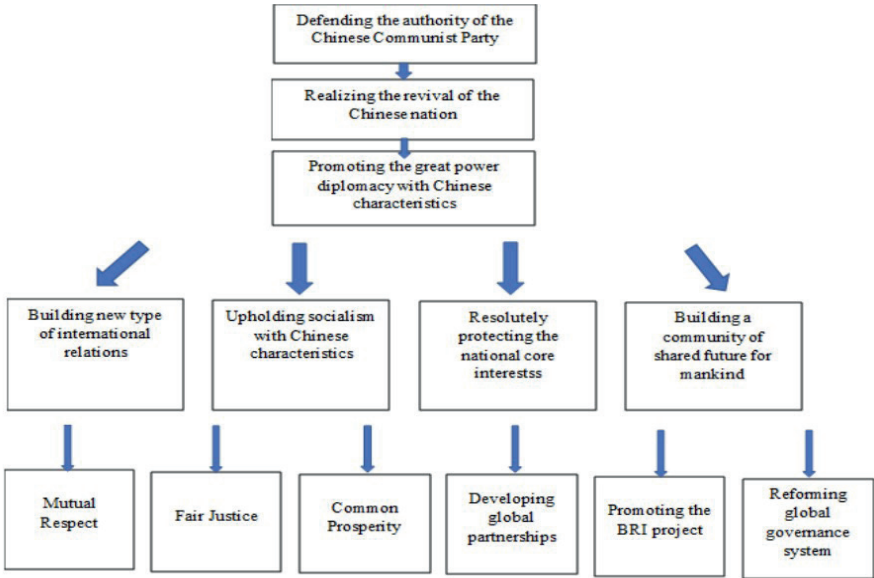

Figure 1. Scheme of China’s ‘Great Power Diplomacy’ (under the guidance of ‘Xi Jinping Thought’)

Assuch, China's global strategy and diplomatic ideology have enjoyed a greater comparative advantage in the international community since the Trump administration took office. As President Trump advocated a policy of 'America First' and ignored the norms of 'liberal international order,' the global leadership of the U. S. began to lose credibility. Without missing this moment, President Xi raised criticisms and concerns about the trends of 'America First', 'protectionism', and 'unilateralism' and 'hegemonism' in the U. S. in his keynote speech at the opening ceremony of the Davos Forum on January 17, 2017 [8]. It immediately tarnished the global leadership of the U. S. and made China claim to be a defender of multilateralism and free internationalist trade order. At the same time, President Xi emphasized that China aims to build a community with a future destiny for mankind. In addition, President Xi said that China will maintain the image of a responsible international society as a responsible power in the establishment of 'community of common destiny for mankind'.

Conclusion

If the first revolution period was often referred to as the construction of a new country in the Mao era and China rised up as a big socialist power, the Deng era was the opposite of the Mao era to get rich through opening and reform policy following the reform and opening-up policy. The expression begins was used frequently. Therefore, it is not an exaggeration to say that the Deng era produced a miracle in China to the extent that it represents the second revolutionary period. However, the momentum of China's global rise in the 21st century has developed to a threatening level, especially during the Xi era, and the discourse that China is now emerging as a great power is frequently discussed.

As above, China's strategy of as a great power has become more prominent with President Xi's coming to power. China's national strategic goal is to achieve the world's No. 1 comprehensive national power by integrating hard power and soft power based on the strong and absolute communist rule and leadership. In other words, in terms of hard power, it is first to emerge as the world's number one economic power in name and reality, and at the same time to emerge as a military power based on this. In particular, in terms of military power, the goal is to realize the anti-access-region exclusion strategy to prevent the U. S. from entering China's sphere of influence.

Above all, in the hard power competition, the U.S. and China are inevitably facing each other. President Xi's BRI projects were in conflict with the Trump administration's Indo-Pacific strategy, and the strategic competition is expected to become permanent and structured. With the rise of the Xi's leadership, it is still a matter of debate whether China's global strategy is threatening, aggressive, and hegemonic. Rather, as China emerges as a global power, it is being asked by different countries to play a role that matches its status. Therefore, China is taking the diplomatic course that is appropriate for its contemporary status.

Next, in terms of soft power, China criticized the era when Western imperialist forces and the US and the US were competing for supremacy by playing a zero-sum game during the Cold War in the past. It clearly presents the message that it will devote itself to building a 'community of common human destiny' through 'new type of international relations'. China is confident that diplomatic discourses such as 'community of common human destiny' will gain a positive image from the international community. Thus, by actively promoting diplomatic ideologies such as 'new type of international relations' and 'community of common human destiny', all possible means, especially 'gloeconomic means' and 'cultural values.'

China's active attitude will greatly contribute to the establishment of global partnerships and governance in the international community, and these various 'charm offensive' can eventually make it possible to form China's global leadership. In other words, President Xi's strategy of 'great power diplomacy with Chinese characteristics in a new era' aimed at increasing soft power leads to 'new types of international relations' and promotes the construction of 'community with the destiny of mankind.'

References

1. A Community with a Shared Future for Mankind: Historical Coordinates, Reality Foundation and World Significance (Rénlèi míngyùn gòngtóngtǐ: Lìshǐ zuòbiāo, xiànrshí jīchǔ yǔ shìjiè yìyì) // Document Research Office of the Central Committee of the Communist Party of China. – URL: <https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0228/c423752-30948815.html> (published: 28.02.2019, accessed: 26.02.2022).
2. *Economy E. C. The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State.* – OXF: Oxford University Press, 2018.
3. Focus! Mastering the Theoretical Essentials of Xi Jinping's Diplomatic Thought in One Article (Huà zhōngdiǎn! Yíwén zhāngwò xījīnpíng wàijiāo sīxiāng de lǐlùn yàoyì) // Xīnhuanet. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2018-08/09/c_1123247167.htm (published: 09.08.2018, accessed: 12.12.2021).

4. Fundamental Principles of Communist Production and Distribution // Marxists.org. – URL: <https://www.marxists.org/subject/left-wing/gik/1930/01.htm> (accessed: 01.01.2022).
5. Gu Wei Column: on the Question of the De-dollarization (Gǔ wèi zhuānlán: zhōu xiàochuān dàzhàn měiyuán yì zài rénmínbì) // Reuters in Chinese. – URL: <https://www.reuters.com/article/idCNChina-4080720090327> (published: 27.03.2009, accessed: 09.12.2021).
6. *Kissinger H.* On China. – LDN.: Penguin Books. 2012.
7. President Xi Jinping's keynote speech at the general debate of the Seventieth United Nations General Assembly 2015 (Xiéshǒu gòujiàn hézuò gòng yíng xīn huǒbàn tóngxīn dàzào rénlèi míngyùn gòngtóngtǐ – zài dì qīshí jiè liánhéguó dàhuì yībān xíng biànlùn shí de jiǎnghuà) // Xinhuanet. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (published: 29.09.2015, accessed: 18.01.2022).
8. President Xi Jinping's keynote speech at the opening ceremony of the World Economic Forum Annual Meeting 2017 (Xījīnpíng zhǔxí zài shìjiè jīngjì lùntán 2017 nián nián huì kāimù shì shàng de zhǔzhǐ yǎnjiǎng) // Xinhuanet. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-01/18/c_1120331545.htm (published: 18.01.2017, accessed: 18.01.2022).
9. Research on Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era (Shēnrù xuéxí guānchè xījīnpíng wàijiāo sīxiǎng) / Belt and Road Energy Cooperation Agency under the Government of the People's Republic of China. – URL: <https://obor.nea.gov.cn/special/dipl/content/3417.html> (published: 21.07.2020, accessed: 17.02.2022).
10. The Formation, Practice and Value of the Concept of 'a Community with a Shared Future for Mankind' (Rénlèi míngyùn gòngtóngtǐ lǐniàn de xíngchéng, shíjiàn yǔ shìdài jiàzhí) // People's Daily. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/0329/c40531-31002108.html> (published: 29.03.2019, accessed: 20.01.2022).
11. The Theoretical Basis of the Idea of 'a Community with a Shared Future for Mankind' (Rénlèi míngyùn gòngtóngtǐ sīxiǎng de lǐlùn jīchǔ) // Qiushi. – URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2019-05/22/c_1124523109.htm (published: 22.05.2019, accessed: 25.12.2021).
12. Three Important Aspects of Understanding 'a Community with a Shared Future for Mankind' (Lǐjiè rénlèi míngyùn gòngtóngtǐ de sān gè zhòngyào céngmiàn) // People's Daily. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0815/c40531-29470252.html> (published: 15.08.2017, accessed: 25.12.2021).
13. Wang Yi: Forge ahead under the Guidance of General Secretary Xi Jinping's Diplomatic Thought (Wáng yì: Zài xījīnpíng zǒng shūjì wàijiāo sīxiǎng zhīyǐn xià kāità qiánjìn) / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/sgwyh_682446/zyjh_682456/201709/t20170901_9385123.shtml (published: 01.09.2017, accessed: 01.01.2022).
14. *Yan Xuetong.* From 'Keeping a Low Profile' to 'Working Hard' (Cóng tāoguāngyǎnghuì dào fèn fā yǒu wéi) // International Political Science. – 2014. – Issue 4. – P. 1–35.
15. *Yan Xuetong.* The Theory of Moral Realism in International Relations (Dào yì xiànshí zhǔyì de guóji gūānxì lǐlùn) // International Studies. – 2014. – Issue 5. – P. 102–128.
16. Yang Jiechi: Under the Guidance of Xi Jinping Thought on Diplomacy, Strive to Promote Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics (Yángjiéché: Zài xījīnpíng wàijiāo sīxiǎng zhīyǐn xià fēnlì tuījīn zhōngguó tèsè dàguó wàijiāo) // People's Daily. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0902/c64094-31331718.html> (published: 02.09.2019, accessed: 02.01.2022).
17. *Yi Jiyong.* The Roots, Nature and Challenges of China's 'Striving and Prosperous' Diplomacy – The Perspective of Autonomous Diplomacy Theory" (Zhōngguó "fēnfā yǒu wéi" wàijiāo de gēnyuán, xíngzhì yǔ tiāozhàn- zìzhǔ xíng wàijiāo lǐlùn de shìjiào) // International Perspectives. – 2018. – Vol. 2. – P. 70–90.

Степанов Александр Юрьевич,

старший научный сотрудник,
Институт Латинской Америки Российской академии наук, Москва.

Alexandr Yu. Stepanov,

Senior Researcher,
Institute of Latin America,
Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: alexilaran@yandex.ru

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КИТАЯ

EXPORT POTENTIAL OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF CHINA

Аннотация: военная модернизация Китая как элемент трансформации государственной и экономической политики принудительно влияет на эволюцию методов боевых действий. Искусственный интеллект, являясь драйвером развития экономики Китая, предполагает тотальную автоматизацию всех видов жизнедеятельности, выступая инструментом технического противостояния и опорой безопасности в киберпространстве, проявляя доминирование в контроле над синтетической биологией, социальной и генетической сферами. Тактическая экспансия китайских высоких технологий меняет приоритетный профиль мирового рынка. Китайская индустрия двойного назначения, выступающая локомотивом цифровой перестройки, как ключ укрепления оборонного потенциала страны, гражданской безопасности и утверждения Китая на лидерских позициях развития технологий в космическом и киберфизическом пространстве заставляет политических оппонентов выходить на открытую игру на шахматной доске четвертой промышленной революции.

Ключевые слова: военная промышленность, индустрия двойного назначения, беспилотный летательный аппарат, техническое противостояние, внутренняя безопасность, космические программы, искусственный интеллект, противостояние в киберпространстве.

Abstract: China's military modernization as an element of state and economic policy transformation, forcibly influences the evolution of warfare methods. Artificial intelligence as a locomotive of China's economic development implies total automation of all kinds of life activities, acting as the tool of technical confrontation and the pillar of security in cyberspace, showing dominance in control over synthetic biology, social and genetic spheres. The tactical expansion of Chinese high-tech is changing the priority profile of the world market. China's dual-use industry, acting as the engine of digital restructuring and as the key to strengthening the country's defense capabilities, civil security and China's assertion of leadership in technological development as well as in space and cyber space, is forcing political opponents to step into the open game on the chessboard of the Industrial Revolution IV.

Key words: military industry, dual-use industry, drones, technical confrontation, homeland security, space programs, artificial intelligence, confrontation in cyberspace.

Введение

Военно-политическое руководство Китая поставило цель к 2050 году увеличить объем финансирования и модернизации ВПК Народной Республики. Масштабное развитие передовых технологий должно стать основой для обеспечения регионального военно-политического доминирования, а также возможности противодействия новым угрозам, прежде всего со стороны США и их сателлитов, на современном этапе.

В настоящее время динамика актуальных мировых процессов бросает серьезный вызов сложившейся модели взаимоотношений во всех ключевых сферах на макро- и микроуровнях: от политики и социума до экономики и вопросов безопасности. Устойчивость данных видов связей проверяется способностью адаптироваться к новым реалиям. Эссенция нового времени характеризуется мутацией привычных феноменов в нечто противоположное, высокой конвергенцией, комплексностью и взаимозависимостью, появлением нематериальных пространств (например, киберпространство), а также скоротечностью событий.

Способность национальных правительств быстро реагировать и приспособлять государственную и экономическую политику (*políticas públicas y económicas*) к современным пертурбациям во многом определяет выживаемость современных обществ перед вызовами нового тысячелетия.

В этом смысле в стороне не остались оборонные ведомства стран, в которых трансформация коснулась как материально-технических, так и доктринальных контуров. В первом случае мы говорим об инновационных подходах, автоматизации процессов обработки данных и, самое главное, об обеспечении высокой скорости подготовки выводной информации, которая ложится в основу выработки военных решений.

На практике усиление информационно-коммуникационной компоненты в срезе обеспечения безопасности привело к эволюции методов ведения боевых действий, чтобы гарантировать превосходство национальных армий. Логика высокотехнологичного мира диктует правила, нацеленные на сокращение численного состава вооруженных сил, передачу небоевых функций на аутсорсинг (привлечение подрядчиков для реализации административно-хозяйственного функционала), централизацию

стратегического управления, тактическую децентрализацию, а также на передачу военным структурам полномочий по обеспечению защиты гражданской инфраструктуры (например, цифровой в сфере кибербезопасности).

Наконец, в срезе военно-гражданских отношений мы наблюдаем некий симбиоз, если не выталкивание или замещение военными гражданских и полицейских функций. Так, с конца XX века активно стало развиваться гуманитарное миротворчество, а в области внутренней политики во многих странах вооруженные силы расширили свои полномочия до антитеррористической и антикриминальной деятельности. Китай при этом активно интегрирует изначально военные технологии в гражданскую сферу, адаптирует их под задачи обеспечения общественной безопасности и реагирования на гуманитарные вызовы, например при обеспечении карантинных мероприятий в период пандемии.

Сюжетные линии не исчерпываются этими примерами. Обеспечение военными функционирования системы здравоохранения — это, вероятно, еще один универсальный феномен, с которым общество столкнулось недавно. На национальном же уровне разнообразие новых функций вооруженных сил самое широкое — от управления последствиями природных бедствий и техногенных катастроф (Испания) до строительства школ и больниц (Мексика). Китай, в свою очередь, активно использовал потенциал Народно-освободительной армии (НОАК) для проведения зарубежных гуманитарных мероприятий, в том числе по развертыванию в отдельных странах мобильных военных госпиталей, поставке необходимого оборудования и военной техники для решения задач по эвакуации гражданского населения из зон чрезвычайных ситуаций.

Китайский профиль модернизации сферы обороны и безопасности

В контексте глобальной трансформации Китай оказался в числе стран, которые приняли курс на военную модернизацию. На данном этапе в рамках конкуренции с США актуальным требованием для Китая выступает разработка новых высокотехнологичных беспилотных и роботизированных средств поражения

и оборудования (в том числе высокоточных, интеллектуальных, скрытных и автономных систем).

Этому в значительной мере способствовали развитие телекоммуникационных и информационных технологий (ТИТ) и разработанные в связи с этим требования к интеграции боевых систем в указанную электронную среду.

В некоторых случаях приемлемо говорить о ТИТ как о некоей модальности ведения войны или ее катализаторе с применением последних технологических и промышленных достижений. Особую озабоченность в этом случае вызывает более широкое применение передовых технологий в военной области, особенно искусственного интеллекта (ИИ), квантовых вычислений, больших данных, облачных платформ и Интернета вещей.

Смещение акцентов в связи с информатизацией общества в сторону технического противостояния было подчеркнуто в Белой книге обороны Китая «Национальная оборона в новую эпоху» (2019). В ней, в частности, указывается, что «под влиянием нового витка технологической и промышленной революции применение передовых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), квантовая информация, большие данные, облачные вычисления и Интернет вещей, набирает обороты в военной сфере. Международная военная конкуренция претерпевает исторические изменения. Новые и высокотехнологичные военные технологии, основанные на информационных технологиях, развиваются быстрыми темпами» [9, с. 30].

Белая книга представляет собой комбинацию элементов переосмысления современных вызовов и угроз безопасности и одновременно предназначена для прочтения западным визави (прежде всего США), которые проявляют озабоченность в связи с растущей военной мощью КНР. Среди ключевых направлений обеспечения национальной обороны Китая обозначены приоритетные направления, как традиционного характера (сдерживание любой внешней агрессии, защита территориальной целостности, а также морских границ), так и нетрадиционных угроз (обеспечение безопасности населения и социальной стабильности, защита космических интересов и технологического суверенитета).

Четырьмя стратегическими опорами, или объектами политики безопасности Китая, выступают: укрепление партийного руководства, защита суверенитета, единства и территориальной целостности страны. Роль НОАК приобретает новые контуры, всё глубже погружая оборонное ведомство в процессы стратегического планирования. ЦК КПК делает ставку на высокую технологичность и наукоемкость отрасли оборонной промышленности, где все передовые решения изначально имеют двойное значение и перспективы гражданской интеграции.

При этом помимо основной, прежде оборонительной, функции армия начинает всё больше вовлекаться в процессы обеспечения внутренней безопасности, контролируя проблемные регионы (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и обеспечивая конституционный порядок в зонах с высокой протестной активностью (Гонконг) [8, с. 31].

К актуализированному функционалу также относится задействование вооруженных сил в условиях чрезвычайных ситуаций и в рамках карантинных мероприятий для обеспечения эпидемиологической безопасности.

Армейские медицинские лаборатории активно и успешно включились в разработку вакцин против COVID-19 [7, с. 31], а в районах со сложной обстановкой развертывались полевые госпитали и вакцинационные пункты.

В Белой книге описываются основные расходы на оборону, их назначение и цели. За последние десятилетия КНР существенно сократила свои военные траты в пропорциональном значении к национальному ВВП и к государственному бюджету, но нарастила их абсолютное значение. Если в 1979 году оборонные расходы страны составляли 5,43 % от ВВП, то в 2019 году они снизились до отметки 1,26 % [8, с. 31].

По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), в 2020 году оборонный бюджет Китая составил порядка 252 млрд долл., заняв устойчивое 2-е место в мире после США (рис. 1).

Несмотря на доступность доктринального документа по обороне Китая, цели национальных военных реформ в нем раскрываются лишь частично. В этом смысле более информативными оказываются исследования и экспертные оценки из открытых

источников, чьи выводы указывают на кардинальное увеличение роли НОАК, а также на ее трансформацию, включая реструктуризацию командной системы и руководства [12, с. 31].

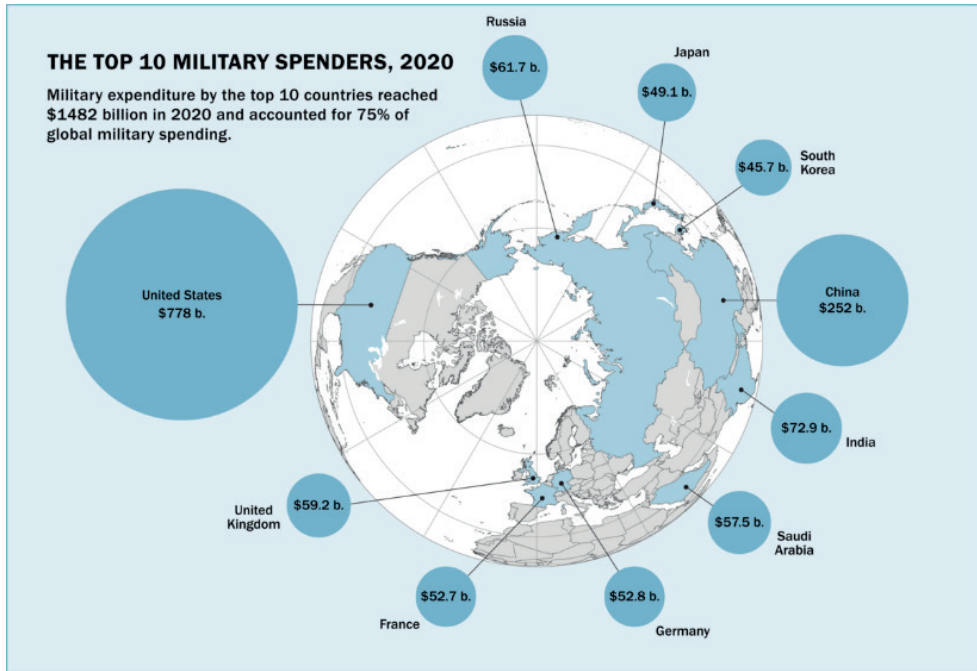

Рис. 1. Топ-10 военных расходов, SIPRI 2020 [25]

По оценкам вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), темпы роста оборонного бюджета Китая тесно связаны с его экономическим развитием и прогнозируемыми угрозами безопасности. Заместитель министра иностранных дел Китая Чжан Есуй подчеркнул, что оборонный бюджет Китая «соответствует уровню национального развития» и направлен на защиту национального суверенитета, обеспечение интересов развития страны, выполнение международных обязательств и удовлетворение потребностей военных реформ.

По мнению старшего научного сотрудника CSIS Мэтью Фуанолье официальный оборонный бюджет не учитывает всю военную деятельность Китая. Например, многие расходы, связанные с обороной, относятся непосредственно к Центральному военному комитету (ЦВК), высшему военному органу Китая под председательством Си Цзиньпина (с 2013 г. по н. в.).

Народная вооруженная полиция, военизированные формирования, которым поручено поддерживать внутреннюю безопасность и обеспечение вооруженных сил во время войны, также не включены в бюджет. Официальные данные не учитывают и затраты на космическую программу Китая, расходы Береговой охраны, которая играет ключевую роль в отстаивании морских претензий Пекина, а также внебюджетные доходы от коммерческих предприятий, принадлежащих военным структурам, мобилизационные фонды для обороны. С указанными расходами в совокупности оборонный, по сути, бюджет уже может приближаться по финансовым показателям к американскому (в 2021 г. он составил 740,5 млрд долл.).

По данным Военно-морского института США, публикуемые Пекином сведения в открытом доступе являются лишь «вершиной айсберга». Выступая на онлайн-форуме Heritage Foundation, Люси Бери-Судро, директор программы вооруженных сил и производства оружия в Стокгольмском международном исследовательском институте проблем мира, заявила, что ежегодный бюджет безопасности Китая, который размещается публично, «является всего лишь заголовком». Число «не влияет на то, на что тратятся деньги» [13, с. 31].

При этом из Белой книги по обороне 2019 года следует, что Пекин тратит около 31 % своего военного бюджета на персонал и 41 % — на оборудование, исследования и разработки, остальные 28 % — на материально-техническое обеспечение [13, с. 31].

Однако расходы на научные изыскания и разработку технологий менее прозрачны. Оценки из вышеуказанных западных источников, скорее всего, не в полной мере учитывают сочетание технологий двойного назначения и расходов на государственно-частные предприятия [13, с. 31].

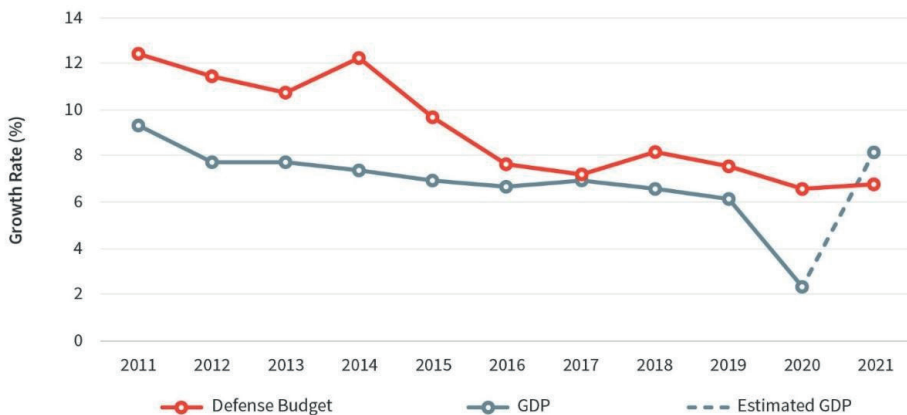
В 2020 году Китай стал единственной крупной страной мира, которая сохранила положительный экономический рост в условиях эпидемиологической неопределенности. В пандемийной ситуации Пекину всё же удалось запланировать увеличение оборонного бюджета на 0,2 % в 2021 году (до 6,6 % от ВВП). Тем не менее увеличение расходов на оборону в процентном соотношении нужно коррелировать с годовой инфляцией Китая, которая составила 3 % в 2020 году. И всё же в абсолютных числах

0,2% от ВВП Китая эквивалентно 13 млрд долл., что сопоставимо со всем оборонным бюджетом Тайваня [18, с. 32].

Одну из причин роста затрат на оборону Китая следует усматривать в набирающем силу американо-китайском противостоянии, при котором сфера обороны — одна из ключевых. Сюй Гуаньюй, старший советник Китайской ассоциации по контролю над вооружениями и разоружению, в интервью «Global Times» заявил, что США рассматривают Китай как конкурента. В этих условиях планируется, что к 2035 году страна завершит цикл полной модернизации национального оборонного ведомства и вооруженных сил [28, с. 33].

В планирование оборонного бюджета Китая входит финансирование разработок в сфере новых технологий и технологий двойного назначения, таких как искусственный интеллект следующего поколения, квантовые вычисления, полупроводники, дальний космос, глубоководные и полярные исследования (FYP, 2021—25). В стратегии по стимулированию инноваций обозначена также направленность на увеличение количества национальных лабораторий, специализирующихся на вышеобозначенных отраслях знания (рис. 2).

Annual Growth Rate of China's Announced Defense Budget and GDP

Sources: Chinese Central Government; National Bureau of Statistics of China; International Monetary Fund.

 ChinaPower

Рис. 2. Темп роста оборонного бюджета и ВВП Китая, China Power 2021

Развитие технологий двойного назначения в Китае

Космическая программа как платформа технологического превосходства. Космическая программа Китая выступает одним из ключевых элементов формирования и укрепления оборонного потенциала страны. Особую важность развитие данной сферы получило в условиях усиления глобальной милитаризации, в том числе в космическом пространстве. Приоритетными направлениями в военно-гражданской области освоения космоса выступают мероприятия, связанные с развертыванием китайской космической станции, обеспечением обороноспособности орбитальных спутниковых группировок, вместе с тем не снимается акцент с безопасности проводимых миссий на Луне и Марсе.

Основным угрожающим фактором для КНР доктриной определена активность ВС США в космическом пространстве, а также их возможные наступательные акции в жизненно важных для Пекина регионах, которые предполагают «зачистку» противником информационной среды от действующих в зоне боевых действий средств радиоэлектронного и космического слежения (в том числе спутников наблюдения, связи, навигации и раннего предупреждения).

Космическая программа Китая регламентируется «Стратегией научно-технического развития космической деятельности КНР до 2050 года». В ней был закреплен дуальный подход к проблематике освоения космоса: с одной стороны, его значение для обеспечения оборонного потенциала страны, с другой стороны, нацеленность Пекина на технологическое превосходство в околоземном пространстве. Такое восприятие вопросов овладения космосом априори подразумевает разработку программ, в основу которых заложен потенциал двойного назначения.

Исполнением государственного заказа в сфере оборонных космических технологий приоритетно занимаются государственные корпорации. Крупные промышленные холдинги, Китайская аэрокосмическая научно-техническая корпорация (CASC) и Китайская аэрокосмическая научно-промышленная корпорация (CASIC) специализируются на разработке и выпуске образцов и компонентов жидкостных и твердотопливных ракет-носителей, межконтинентальных баллистических ракет, пилотируемых и автоматических космических аппаратов, навигационного оборудо-

вания, оптических приборов, элементной базы и программного обеспечения для электронно-вычислительной техники.

Однако правительство КНР в целях повышения конкурентоспособности проводит линию по децентрализации и диверсификации космической промышленности, подключая к реализации госзаказа компании частного сектора, набирающие на данном этапе технологический, научный и производственный потенциал.

Так, в 2020 году частной космической индустрии Китая отошли тендеры на 933 млн долл. В их числе лидеры: компания, специализирующаяся на дистанционном зондировании Земли, Changguang Satellite, которая получила на развитие своих проектов 375 млн долл.; LandSpace (175 млн долл.), iSpace (173 млн долл.) и Galactic Energy (21,5 млн долл.), — которые с 2019 года исполняют госзаказ по разработке малогабаритных многоразовых носителей, способных обеспечить доставку грузов и вывод спутников на высоту до 200 км, в том числе в интересах армии Китая.

До 2030 года основная задача космической отрасли КНР — наращивание возможностей орбитальной группировки за счет увеличения ее численности до 200 единиц, включая спутники двойного назначения, позволяющие помимо функционала гражданской связи выполнять задачи высокоточного позиционирования в интересах наведения боевых ракетных систем.

Одновременно эта группировка обеспечит коммуникационный потенциал практически всех реализуемых в стране программ цифрового перехода.

Так, к концу 2021 года Китаем сформирована первая спутниковая группировка для Интернета вещей (Internet of Things, IoT), которая состоит из 38 низкоорбитальных космических аппаратов (КА). В настоящее время в рамках проекта, который называется «Созвездие Тяньци», уже функционирует семь спутников. Они сформировали предварительные условия для предоставления комплексных информационных услуг пользователям по всему миру [2, с. 30].

Искусственный интеллект

Противостояние в киберпространстве для военно-политического руководства КНР выступает новым полем театра военных действий в соответствии с концепцией многосферных операций.

Последние характеризуются активным применением кибероружия, роботизированных и автономных систем. Боевые действия при таком сценарии разворачиваются во всех средах (от суши, моря, воздушного и космического пространства до киберсреды) с высокой интенсивностью, что предполагает обработку больших объемов информации в кратчайшие сроки для принятия командованием адекватных динамике развития ситуации управленческих решений [3, с. 30].

В связи с возрастающей ролью цифрового пространства в 2015 году был сформирован новый вид армии Китая — Силы стратегической поддержки. Их первостепенная задача строится вокруг обеспечения тотального контроля над информационным пространством.

С 2017 года Пекин приступил к реализации киберинициативы «План развития искусственного интеллекта нового поколения» [26, с. 33].

В соответствии с планом ИИ рассматривается в качестве ключевой преобразующей технологии будущего экономического и военного доминирования, на что неоднократно в своих заявлениях указывал китайский лидер Си Цзиньпин (2013 — по н. в.). 2030 год — установленный срок реализации программы, в соответствии с которой должно быть достигнуто технологическое превосходство и полный переход аналитических структур на платформы с ИИ.

В 2020 году на эти цели было выделено 22 млрд долл., а к 2030 году планируется, что общий объем вложений составит 150,8 млрд долл.

Среди важнейших задач Китая в данном контексте — достижение гражданской и военной интеграции, а также разработка передовых технологий двойного назначения. Используя различные инструменты, такие как стимулирование местных инноваций и приобретение доступа к иностранным технологиям и ноу-хау, Китай стремится получить глобальное инновационное лидерство, обойдя США и Европу. Так, в 2014 году в рамках создания технологической платформы развития полупроводниковой промышленности китайское правительство сформировало инвестиционный фонд в размере 150 млрд долл., заложив финансовую основу дальнейшего прорыва в области разрабо-

ток высокотехнологичной продукции, в том числе в сфере искусственного интеллекта.

В рамках стратегии «военно-гражданской интеграции» в КНР сформирован целый ряд политических механизмов для стимулирования промышленного сотрудничества госкомпаний с частным сектором в сфере разработок ИИ. А именно в 2017 году на базе Университета Цинхуа создана научно-исследовательская платформа в области ИИ. Также китайским IT-гигантом *Baidu* в партнерстве с Китайской академией наук, Университетом Цинхуа и Университетом Бэйхан была открыта первая национальная лаборатория изучения ИИ.

Данные инициативы стали первыми шагами на пути формирования разветвленной научно-исследовательской сети, направленной на обеспечение масштабных разработок в области ИИ под контролем национального правительства и достижение технологического превосходства в области облачных инфраструктур машинного обучения.

Технологии ИИ в ближайшее десятилетие будут главным драйвером развития экономики и создадут для Китая уникальные преимущества при покорении новых рынков в глобальном разделении труда, а также при наращивании военно-промышленного потенциала для обеспечения безопасности данного процесса.

В этих целях в академических исследовательских центрах введены новые профессорские должности, а для вовлеченных в проект ученых обеспечены оптимальные условия развития. В частности, в случае участия научного сотрудника в частном стартапе по разработке ИИ обеспечена возможность ухода в оплачиваемый отпуск с сохранением всех льгот и должности сроком до шести лет.

Выход на паритетные начала с Западом в формате четвертой промышленной революции¹, масштабная цифровизация индустрии и переход на новый технологический уклад обеспечивают Пекину колоссальное превосходство в гонке вооружений, обретающей новый инновационный облик. Ставка делается на перспективные технологии, внедрение киберфизических принципов в вооружение. Налицо отход от традиционных видов оружия, ко-

¹ Индустрия 4.0 предполагает новый подход к производству, основанный на массовом внедрении информационных технологий в промышленность, масштабной автоматизации бизнес-процессов и распространении искусственного интеллекта.

личественные и качественные показатели которого ранее определяли военное превосходство мировых держав.

Из 69 ведущих мировых компаний — лидеров четвертой промышленной революции — 20 расположены в Китае, 19 — в ЕС, 7 — в США и 5 — в Японии [29, с. 34].

Опережение традиционных технологических гигантов является знаковым показателем успешности реализации китайской стратегии, эффективность которой признается основными западными конкурентами.

«Руководство Китая, включая Си Цзиньпина, считает, что Китай должен стремиться к глобальному лидерству в области технологий искусственного интеллекта и снизить свою уязвимую зависимость от импорта международных технологий», — утверждает сотрудник независимой аналитической организации Центра новой американской безопасности Грегори Аллен (*Gregory C. Allen*) в своем докладе, подготовленном по поручению аппарата директора национальной разведки США [5, с. 30]. Основной посыл документа — искусственный интеллект может изменить военное дело так же радикально, как его в XX веке изменило ядерное оружие.

Искусственный интеллект стал новым фокусом международной конкуренции. Это стратегическая технология, которая будет лидером в будущем. Ведущие развитые страны мира рассматривают развитие ИИ как главную стратегию повышения национальной конкурентоспособности и защиты национальной безопасности.

Анализ складывающейся ситуации свидетельствует о том, что актуальная гонка вооружений преобразовалась развитием сферы двойного назначения и неразрывно связана с состязанием в области научно-промышленных потенциалов, которые помимо ударного компонента меняют всю систему принятия военно-политических решений и выводят органы военного управления на новый уровень информационно-программной среды.

Меняется концепция применения силы. Рассматриваемая стратегия армии Китая, прежде всего, направлена на парализацию систем управления сил и средств противника, что не предполагает их тотального уничтожения, но предусматривает нивелирование возможности их эффективного использования в реальном бою. Война на истощение уходит в прошлое. Разрушение инфор-

мационных коммуникаций определяет исход противостояния. Ставка на автономные интеллектуальные системы и беспилотные платформы, действия которых будут иметь хирургически точный характер, заложена в основу нового вида противоборства.

Современные военные информационные системы имеют сложную структуру и в будущем, вероятно, будут управляться ИИ. Поэтому воздействие на них и выявление уязвимостей также будут возможными исключительно с использованием наступательных средств, функционирование которых будет обеспечено с помощью более продвинутых технологий ИИ. Искусство войны эволюционирует, приобретает интеллектуальную форму, и победитель в ней будет определяться в современных научно-технологических центрах.

На данном этапе преждевременно давать оценки эффективности актуальных разработок в сфере боевого ИИ. Нелинейность их применения и сложность алгоритмов систем не позволяют определить практический уровень конкурентоспособности той или иной платформы. Вместе с тем мы можем говорить об эффективности ИИ применительно к сфере гражданского регулирования. Так, во время вспышки коронавируса Китай добился беспрецедентного прогресса в области технологий искусственного интеллекта — системы мониторинга соблюдения режима изоляции, инфракрасных систем отслеживания температурного режима населения и QR-кодов. В диагностике использовалась интеллектуальная компьютерная томография. Текущее применение технологии ИИ в индустрии здравоохранения Китая включает в себя медицинскую визуализацию, диагностику, разработку препаратов, управление здоровьем и прогнозирование заболеваний.

Беспилотные системы

В условиях пандемии COVID-19 в гражданской сфере были задействованы беспилотные летательные аппараты (БПЛА) как для обеспечения общественной безопасности в режиме санитарного кризиса, так и для контроля приграничного пространства и борьбы с распространением коронавирусной инфекции. В зонах карантина были введены роботы-дезинфекторы и дроны для фиксации перемещений внесенных в списки изоляции лиц и оповещения населения.

Китай выступает одним из мировых лидеров в сфере строительства БПЛА двойного назначения, а доля специализированной китайской компании DJI на мировом рынке гражданских дронов превышает 70%.

Беспилотные системы начинают активно применяться и военно-морскими силами (ВМС) Китая. Разработка и производство надводных аппаратов (USV) в настоящее время — важное направление ВПК ведущих стран мира. При боевых сценариях указанные платформы возможно использовать по групповому принципу — за счет скопления большого количества дронов, управляемых из центра — для атаки на надводные корабли. Также рассматривается возможность использования указанных систем в качестве «дронов-камикадзе», которые в силу своей малозаметности и группового применения способны подобраться даже к самому защищенному объекту, например авианосцу. Кроме того, цена оружия, используемого для уничтожения USV, может превышать стоимость самих беспилотников. Это свидетельствует об эффективности и финансовой обоснованности подобных систем поражения. Вариант оснащение дронов малыми противокорабельными комплексами, в свою очередь, увеличивает дистанцию их боевого применения.

Промышленная база двойного назначения стала важнейшим компонентом стратегических планов Китая в области высокотехнологичной экономики. По данным Global security, практически все военные разработки при соответствующем оснащении и доработках под конкретные задачи могут быть легко адаптированы под гражданские цели — от обеспечения безопасности морской навигации до океанографического сопровождения добычи ресурсов на шельфе и экологического контроля морской среды.

В этом направлении преуспела Пекинская научно-производственная корпорация «Sifang Automation», которая разработала целую линейку дронов с разными характеристиками. Ключевым аспектом эффективности надводных беспилотников является наличие современной системы управления и их полная автономность, которая позволяет им самостоятельно следовать по заранее заданному маршруту, выбирать в случае необходимости путь обхода препятствий и автоматически возвращаться на исходную базу.

В данный момент ведутся поиски создания технических возможностей для управления дронами с использованием китайской системы спутниковой связи и навигации BeiDou с последующей их интеграцией в развернутые морские беспилотные сети. В этот контекст также укладываются китайские проекты создания автономных логистических линий морской коммуникации в рамках проекта «Новый шелковый путь», где будущие грузопотоки будут обеспечиваться беспилотными контейнеровозами.

Примечательная деталь — в отличие от американской системы глобального позиционирования GPS и российской ГЛОНАСС сама китайская система Beidou может работать в ограниченном режиме как единая закрытая автономная система связи, позволяющая передавать и принимать короткие пакеты данных и работать независимо от возможностей других систем спутниковой навигации.

По данным CSIS, по смежным показателям в отрасли судостроения китайская промышленность занимает доминирующие позиции в мире. Китаем производится 96% от общемирового уровня морских контейнеров и более чем 80% судовых кранов. Китаю также принадлежат 7 из 10 самых загруженных портов мира (включая Гонконг) [6, с. 30].

В случае военной мобилизации гражданская компонента судостроительного сектора будет переориентирована на обеспечение нужд ВМС. В настоящее время на гражданской логистической компании «China Ocean Shipping Company» (COSCO SHIPPING) уже лежит ответственность по оказанию материально-технического сопровождения национальных ВМС в Аденском заливе и при проведении военно-морских маневров [6, с. 30].

Не менее важный тренд связан с цифровым переходом портовых верфей, а именно их массовой интеграцией, в рамках концепции умных портов (англ. *smart port*). Другими словами, предполагается полная автоматизация навигационных процессов в крупных морских логистических узлах. Данный проект обеспечит эффективность пропускной способности портовых зон, повысит безопасность навигации, максимально исключив человеческий фактор, влияющий на аварийность, полностью автоматизирует процесс погрузки/разгрузки.

Преимущества очевидны: исследование DNV GL¹ в 2018 году показало, что суда тратят примерно 37—54% своего времени и 15% своего топлива на стоянке или на якоре. Сокращение времени, затрачиваемого на ожидание, и ускорение разгрузки уменьшат потребление топлива и выбросы, в том числе снижая углеродный след морской логистики.

В 2020 году на контейнерном терминале в порту Сямэнь ввели в эксплуатацию беспроводные сети пятого поколения. Xiamen Ocean Gate Container Terminal — первый в Китае «умный» порт площадью 1,3 млн кв. м — реализовал полную автоматизацию с интеллектуальной системой управления всеми операциями от выгрузки с использованием технологии 5G до разгрузки грузов и их хранения на складе. Терминал использует также приложения для обеспечения безопасности, в том числе искусственный интеллект и дополненную реальность [10, с. 31].

В сентябре 2021 года Министерство транспорта Китая опубликовало план строительства новых типов базовой инфраструктуры в течение следующих пяти лет, в соответствии с которым ускорение возведения интеллектуальных и беспилотных портов было указано в качестве приоритета [14, с. 31].

При этом китайские компании активно продвигают данную концепцию за рубеж, устанавливая в том числе партнерские связи с европейскими структурами. Одним из лидеров в сфере автоматизированных технологий морской навигации является Финляндия.

В рамках меморандума о сотрудничестве в области научно-технических инноваций Китаем и Финляндией в настоящее время реализуется проект создания автоматизированной портовой платформы. С финской стороны выступает Wärtsilä Voyage, один из уникальных мировых поставщиков судовых и береговых решений, таких как интеллектуальные датчики, системы автоматизации и навигации.

Пилотный проект осуществляется в китайском порту Тяньцзинь, где планируется внедрить «интеллектуальный буксир» наряду с обновленным набором стандартов автоматизированных

¹ DNV GL — международное сертификационное и классификационное общество, ключевой компетентностью которого является оценка, консалтинг и менеджмент риска. В регистре находятся 13 175 судов и мобильных офшорных установок суммарным водоизмещением 265, 4 млн т, что представляет собой 21% мирового рынка.

грузовых судов, реализация которого намечена на IV квартал 2023 года [20, с. 32].

В итоге наблюдается практически тотальная автоматизация всех ключевых сфер хозяйственно-экономической деятельности Китая. При этом все разрабатываемые и внедряемые технологии выступают частью критически важной цифровой инфраструктуры, которая сочетает в себе функции двойного назначения. С одной стороны, Китай стремится обеспечить цифровой переход для удовлетворения гражданских потребностей и повышения конкурентоспособности своей экономики. С другой стороны, модернизация технологической и наукоемкой отрасли преследует цель повысить оборонный потенциал страны.

Системы общественной безопасности или «умные города»

Особую значимость в актуальной обстановке всеобщего развития цифровой инфраструктуры играют системы, обеспечивающие общественную безопасность, интегрированные в информационные платформы «безопасный город». Умный город (англ. *smart city*) — это система коммуникативных и информационных технологий, которая напрямую связана с Интернетом вещей (IoT). Данная технология направлена на повышение уровня жизни населения (снижение преступности, доступность госуслуг) и упрощение управления внутренними процессами города.

В настоящее время в Китае реализуются около 800 программ, что составляет более половины от общего числа аналогичных проектов в мире. В их число входит система для мониторинга, управления и устранения проблем с городским трафиком китайского технологического гиганта Alibaba, разработавшего платформу City Brain с использованием ИИ [4, с. 30].

Например, внедренная система в городе Ханчжоу позволила решить следующие проблемы: время в пути по первоначально загруженной 22-километровой эстакаде Чжунхэ — Шантан сократилось в среднем на 4,6 минуты; всего 2,6 секунды требуется для того, чтобы проехать через кассу на любой пилотной стоянке без традиционных шлагбаумов; регистрация заезда и выезда из отелей занимает в среднем 30 секунд; карты с цифровым пропуском исключают очереди в рекреационные парки; лечение в госучреждениях оплачивается постфактум, что позволяет сэкономить в среднем 1 час после посещения врача.

Влияние данных процессов на комфорт городской среды сложно переоценить, а повышение качества транспортной инфраструктуры и медицинских услуг является одним из ключевых показателей социально ориентированной политики Пекина.

Отдельно следует отметить повышение уровня контроля гражданской ответственности населения, практически искоренившего уличную преступность в Китае. Еще в 2018 году китайский город Жунчэн стал пилотной площадкой для эксперимента по внедрению системы социального рейтинга¹. На данный момент система является разрозненной и добровольной, хотя планируется, что в конечном итоге она станет обязательной и единой по всей стране, при этом каждому человеку будет присвоен собственный уникальный код, используемый для измерения его социального рейтинга в режиме реального времени.

Указанная система, о которой впервые было объявлено в 2014 году, является «важной составной частью системы социалистической рыночной экономики и социального управления» и направлена на укрепление идеи о том, что «сохранять доверие — это прекрасно, а его подрыв — позорно» [21, с. 32].

Согласно сообщению «South China Morning Post», рейтинги составляют группа экономического планирования Китая, Национальная комиссия по развитию и реформам, Народный банк Китая и судебная система Китая [16, с. 32].

У каждого жителя города есть свой рейтинг, от которого зависит возможность получения кредита и даже передвижения по стране. Оценивать граждан властям Жунчэна помогают в том числе технологии Интернета вещей и большие данные.

Точная методология является секретом, но примеры нарушений включают в себя плохое вождение, курение в зонах для некурящих, покупку слишком большого количества видеоигр и размещение в Интернете фейковых новостей, в частности о террористических атаках или безопасности в аэропортах.

К другим потенциально наказуемым правонарушениям относятся слишком долгая игра в видеоигры, трата денег на необоснованные покупки и неумеренные публикации в социальных сетях.

Власти уже начали наказывать людей, ограничивая их поездки по стране, включая запреты на полеты.

¹ Social Credit System (SCR) — система социального рейтинга, государственная программа оценки граждан и компаний, которую реализует правительство Китая.

По данным Национального центра публичной кредитной информации, к концу 2018 года под этот запрет попали 17,5 млн граждан [15, с. 31].

Вовлеченность гражданина в какой-либо противоправный проект автоматически ограничивает его права, снижая потенциал общественной опасности его деятельности.

Кроме того, для обеспечения городской безопасности в Китае задействовано около 200 млн камер видеонаблюдения с системой распознавания лиц. Флагманами в этой сфере выступают китайский Google –компания «Beidou», точность работы алгоритмов по распознаванию образов которой составляет 99 %, а также относительно молодые компании «iFlytek» и «Face». Разработанная ими технология «Face++» уже применяется в платежной системе AliPay, позволяющей с использованием биометрических данных осуществлять все виды платежей за товары и услуги (магазины, торговые центры, городской и междугородний транспорт).

Указанные платформы через свою сеть видеонаблюдения с помощью государственного телекоммуникационного гиганта China Mobile контролируют порядка 300 млн пользователей. При необходимости происходит идентификация любого гражданина, как с помощью распознавания лица, так и по иным параметрам человеческого тела, прежде всего по походке.

В этом смысле уровень контроля граждан в Китае имеет беспрецедентный характер. Особенно в кредитно-финансовых структурах, где платформы Face-ID имеют приоритетное внедрение. По факту происходит глобальная деанонимизация всего платежного инструментария и повышение доступности персональных данных для создателей указанных систем. Это неизбежный процесс; вопрос — в чьих руках будут собираемые метаданные.

Кроме того, массовое распространение китайских смартфонов (Huawei, ZTE, Xiaomi, Meizu) с соответствующим программным обеспечением (впрочем, как и их западных аналогов) делает максимально прозрачным доступ к персональным данным широкого круга пользователей.

Экспортный потенциал данных платформ и их повсеместное внедрение в ключевых сферах экономики многих стран (в том числе ЕС) определяют возможность будущего проникновения

китайских техногигантов в чувствительные сферы госуправления своих импортеров.

Торговая война между США и Китаем, которая была инициирована президентом Дональдом Трампом с начала 2018 года посредством повышения госпошлины на импорт китайской продукции, неприкрытое противодействие экспансии Huawei в Северной Америке¹ и введенные ограничения на поставки в Китай американских микропроцессоров заставили китайские технологические компании рассмотреть другие рынки с более широкими возможностями и меньшими ограничениями.

Одним из них выступает Европа, где многие страны охотно включились в процесс взаимодействия с Пекином, прежде всего в рамках развертывания системы связи 5G.

В соответствии с отчетом Oxford Economics, в 2019 году Huawei внесла 16,4 млрд евро (19,8 млрд долл. США) в ВВП Европы и поддержала 224 300 рабочих мест. В том же году компания обеспечила 6,6 млрд евро налоговых поступлений для европейских властей [27, с. 33].

Кроме того, Huawei прошла самое тщательное тестирование кибербезопасности — такие организации, как BSI в Германии, SERTIT в Норвегии и CCN в Испании, завершили независимую оценку и выдали сертификацию продукции указанного китайского IT-гиганта.

«Одновременно устройства Huawei были протестированы Центром оценки кибербезопасности в Великобритании. Их отчеты ясно дают понять, что у Huawei нет незаявленного функционала», — сказал Бао, генеральный директор Huawei Poland [27, с. 33].

В Испании, одной из первых стран в Европе, предлагающей коммерческие услуги 5G, сеть британской телекоммуникационной группы Vodafone с 2020 года охватывает 21 крупный город, 16 из них — с базовыми станциями Huawei.

Французский оператор мобильной связи Orange в том же году объявил о развертывании коммерческих услуг 5G в пяти крупных городах, в трех из которых используется оборудование Huawei.

В Германии три крупных оператора связи — Deutsche Telekom, Vodafone и Telefonica — в последние годы активно продвигают сети 5G, также используя оборудование Huawei.

¹ Арест в 2018 году дочери основателя и президента компании «Huawei» Мэн Ваньчжоу в Канаде по запросу США.

Крупнейший оператор мобильной связи Норвегии Telenor заявил, что продолжит работу с Huawei над своими сетями 5G и китайская компания будет полностью вовлечена в этот процесс.

Финляндия, открывшая в декабре 2019 года одну из крупнейших сетей 5G в Европе, также не выразила намерения запрещать Huawei.

В Восточной Европе болгарская компания «Vivacom» в сентябре 2020 года запустила услуги 5G в 27 городах, а ее беспроводные сети были предоставлены Huawei.

Сербия сотрудничает с указанной китайской компанией. Премьер-министр Ана Брнабич заявила, что ее страна будет работать с Huawei над внедрением искусственного интеллекта, оцифровкой образования и внедрением умных городов по всей стране, когда 14 сентября 2020 года Huawei открыла Центр инноваций и развития в Белграде.

«Европа пытается найти золотую середину, — сказал Давид Хабер, французский экономист из израильского Хайфского университета. — Брюссель не хочет противодействовать Америке, но стремится сохранить свою автономию в экономических решениях, в том числе по вопросу взаимодействия с китайскими технологическими лидерами» [27, с. 33].

В 2020 году правительства Бельгии и Германии заявили, что нет причин прерывать или блокировать сотрудничество с Huawei по строительству сети 5G, против которого активно выступает Великобритания под нажимом США [11, с. 30].

В мае 2021 года правительство национального единства Италии во главе с премьер-министром Марио Драги санкционировало сделку между Vodafone и Huawei по развертыванию сети 5G [22, с. 32].

Ранее, на саммите ЕС — Китай в 2020 году, президент Комиссии Урсула фон дер Ляйен и президент Европейского совета Шарль Мишель подчеркнули, что развитие новых цифровых технологий должно идти рука об руку с уважением основных прав и защитой данных. Брюссель также поднял нерешенные вопросы по кибербезопасности и дезинформации, выразил готовность сотрудничать с Китаем на основе принципов устойчивости, взаимности и равных условий [11, с. 30].

В сентябре 2020 года между ЕС и Китаем проведен онлайн-диалог под председательством исполнительного вице-президента по организации «Европа, пригодная для цифровой эпохи» Маргрет Вестагер и вице-премьера Китая Лю Хэ, в ходе которого обсуждены ключевые направления цифровой трансформации, такие как установление стандартов информационных и коммуникационных технологий, искусственный интеллект, безопасность продуктов, онлайн-торговля, цифровое налогообложение, исследования и инновации [11, с. 30]. Однако в 2021 году отношения между Брюсселем и Пекином существенно осложнились, прежде всего из-за введенных ЕС ограничительных мер в отношении одиннадцати граждан и четырех организаций Китая в связи с нарушениями прав мусульманского уйгурского меньшинства в Синьцзяне.

Китайские контрсанкции, введенные в марте 2021 года в отношении нескольких европейских организаций и политических представителей, в том числе пяти членов Европейского парламента и Подкомитета по правам человека, зафиксировали статус-кво напряженных отношений [17, с. 31].

В мае 2021 года Европарламент принял решение заморозить Всеобъемлющее соглашение об инвестициях с Китаем, которое могло дать странам ЕС расширенный доступ на рынок КНР [19, с. 31].

По оценкам европейских экспертов, отсутствие действующего инвестиционного соглашения между ЕС и КНР может привести к ужесточению экономического противостояния Пекина и Брюсселя в ближайшие годы. ЕС будет усиливать контроль за китайским капиталом в Европе, в частности в секторах, которые он сочтет стратегическими, а Китай сможет в ответ сокращать доступ европейского бизнеса к своему рынку. Стратегически такое развитие событий будет более всего выгодно США.

Складывающаяся ситуация оказала также негативное влияние на взаимодействие Пекина с Брюсселем в технологической сфере. Так, в ноябре 2021 года Европейская комиссия предложила ужесточить условия совместной «дорожной карты» научно-технического сотрудничества, демонстрируя при этом готовность отказаться от любого окончательного соглашения по определенным аспектам исследований и инноваций, если

Китай не согласится с определенными принципами открытости и взаимности [1, с. 29].

Войко Братина, научный атташе делегации ЕС в Пекине, заявил, что Брюссель стремится «сбалансировать» исследовательские отношения с Пекином. «Цель дорожной карты — не меньше сотрудничества (с Китаем), а больше, но с четкими рамками условий, в которых это взаимодействие будет развиваться», — сказал он на конференции «Международное высшее образование и глобальная наука: отношения между ЕС и Китаем в меняющемся мировом порядке» в Утрехтском университете в Нидерландах 5 ноября 2021 года [24, с. 32].

Жан-Эрик Паке, генеральный директор ЕС по исследованиям и инновациям, заявил на конференции в Брюсселе в июне 2021 года, что он и комиссар ЕС по исследованиям Мария Габриэль хотят «интенсивного сотрудничества» с Китаем, чье научное мастерство «впечатляет во многих отношениях». Но Паке отметил, что, перед тем как открыть свои объятия, Европейская комиссия внимательно изучит практику Китая в области интеллектуальной собственности и академической свободы [24, с. 32].

По его словам, совместная дорожная карта ЕС и Китая, которая в настоящее время обсуждается с министерством науки и технологий Китая и другими министерствами, установит условия для будущего сотрудничества в области исследований и инноваций.

Заключение

Анализируя современную ситуацию и глобальные тенденции технологического развития есть однозначное понимание тотального преобразования всех процессов жизнедеятельности в направлении цифровой трансформации.

Неизбежность виртуализации прежде присутствовавших исключительно в физическом пространстве процессов финансово-экономической и хозяйственной деятельности транслируют данный тренд и на сферу обороны и безопасности.

Основные преимущества данной концепции — деантропоморфизация большей части опасных производственных процессов, высвобождение временного (самого ценного) человеческого ресурса и его переориентирование на созидательные творческие виды деятельности, концентрация на интеллектуальной сфере.

Смена технологического уклада, предполагающая тотальную автоматизацию всех видов жизнедеятельности, увеличение скорости создания информационных массивов и потоков их обработки меняют темп жизни и восприятие событийного ряда.

Эти процессы сказываются и на динамике принятия решений по ключевым вопросам государственного управления и сферы безопасности. Включение в эту схему возможностей искусственного интеллекта позволяет частично разгрузить управленческий процесс от человеческого фактора, размывая персональную ответственность отдельных должностных лиц.

При этом возникает угроза автоматизации решений об использовании средств поражения и выхода из-под человеческого контроля летальных систем, что может спровоцировать запуск фатальных механизмов применения оружия массового поражения. Эти сценарии уже длительное время прорабатываются учеными, однако то, насколько мы сегодня к ним технологически приблизились, вызывает обоснованные опасения.

Массовый контроль через средства связи и Интернет вещей населения формирует оптимальные возможности стабильного государственного управления, повышая общий уровень общественной безопасности и практически ликвидируя преступность (по крайней мере, ее общественно опасные проявления).

Одновременно под контроль попадают практически все процессы жизнедеятельности человека, существенно сужается возможность сохранения интимного пространства, приватности общения, а также во многом индивидуальности мышления и идеологии (управляемый контент, цифровая цензура, социальный рейтинг).

Китай является локомотивом цифровой перестройки, интегрируя в свою систему все возможные технологические решения, проводя эксперименты с массовым контролем населения, внедряя свой, «суверенный интернет», ограничивая возможность внешнего влияния на общество.

При этом, используя свою страну в качестве испытательного полигона, после опытной отработки практически все китайские технологии транслируются на внешний рынок, имея изначально коммерчески ориентированную экспортную направленность. Экспансия наукоемких товаров преобразила облик Китая, ранее

воспринимавшегося в качестве основного поставщика ширпотреба, придав ему статус технологической державы, имеющей весь спектр производственного потенциала гражданского и военного назначения.

Гражданская интеграция расширила возможности оборонно-промышленного комплекса, который переформатировался в направлении технологий двойного назначения, закладывая этот тренд в качестве основного в линейку перспективных изделий.

Мягкая, поэтапная, но необратимая экспансия китайских высоких технологий формирует новые условия рыночных отношений, где технологический суверенитет будет неотрывно связан с государственным, а уровень импортозависимости определит возможность стран самостоятельно распоряжаться собственной ресурсной базой.

Пример Китая должен стать одним из преобладающих с точки зрения интенсивности госинвестиций в сферу высоких технологий. Однако шаблонное распространение данного опыта на другой страновой базис и традиции вряд ли возможен.

Каждый игрок на мировой арене способен опираться на свой интеллектуальный ресурс, выстраивая индивидуальную стратегию технологического развития, которая будет дополнять глобальный тренд цифрового перехода, что в совокупности приведет к новому перераспределению ролей на мировом рынке труда.

Главное сохранять динамику и выработать нестандартные нелинейные решения, обеспечивая технологический прорыв в ключевых сферах — энергетика, транспорт, оборонно-промышленный комплекс, сельское хозяйство.

Ресурс теперь не имеет приоритетного значения. Возможность его максимально эффективного целевого использования за счет новой технологической платформы и инструментария — вот залог успеха. И Пекин движется по этому сценарию.

Литература

1. ЕС решил заморозить инвестсоглашение с Китаем // ТАСС. – URL: [https://tass.ru.turborpages.org/tass.ru/s/ekonomika/11428797](https://tass.ru/turborpages.org/tass.ru/s/ekonomika/11428797) (дата обращения: 20.05.2022).
2. Жэньминь Жибао. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0930/c31517-9765794.html> (дата обращения: 30.09.2021).
3. Полончук Р.А. Развитие военного потенциала КНР до 2050 года // Наука и военная безопасность. – 2020. – № 2 (21). – С. 127.
4. *Alibaba Clouder*. City Brain Now in 23 Cities in Asia // Alibaba Cloud. – URL: https://www.alibabacloud.com/blog/city-brain-now-in-23-cities-in-asia_595479 (accessed: 28.10.2021).

5. *Allen G.C.* Understanding Chinas AI Strategy // CNAS. – 2019.
6. *Blanchette J.* and others. China's state-backed shipping industry / Blanchette J., Hillman J.E., McCalpin M., Hidden M.Q. // CSIS brief. 08.07.2020. – P. 1.
7. China's coronavirus vaccine shows military's growing role in medical research // Dyani Lewis. – URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02523-x> (accessed: 11.09.2022).
8. China issues white paper on national defense in new era. [Xinhua] / The State Council Information office, The People's Republic of China. – URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2019-07/24/content_75026111.htm (accessed: 24.07.2022).
9. China's National Defense in the New Era / The State Council Information Office of the People's Republic of China, July 2019. – P. 4.
10. COSCO SHIPPING Ports. China's first all 5G-covered smart port realizes fully operation // Xinde Marine News. – URL: <https://www.xindemarinenews.com/en/ports/2020/0512/20363.html> (accessed: 12.05.2022).
11. Eu-China: Commission and China hold first High-level Digital Dialogue / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_1600 (accessed: 10.09.2022).
12. *Funaiole M.P., Hart B.* Understanding China's 2021 Defense Budget / Center for Strategic & International Studies. – URL: <https://www.csis.org/analysis/understanding-chinas-2021-defense-budget> (accessed: 05.03.2022).
13. *Grady J.* Mystery Shrouds Chinese Defense Spending / US Naval Institute. – URL: <https://news.usni.org/2021/10/26/mystery-shrouds-chinese-defense-spending> (accessed: 26.10.2021).
14. GT staff reporters. China to accelerate building of intelligent, unmanned ports in next five years // Global Times. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1235005.shtml?id=11> (accessed: 24.09.2022).
15. *Kuo L.* China bans 23m from buying travel tickets as part of 'social credit' system // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/01/china-bans-23m-discredited-citizens-from-buying-travel-tickets-social-credit-system#:~:text=2%20years%20old-,China%20bans%2023m%20from%20buying%20travel,part%20of%20'social%20credit'%20system&text=China%20has%20blocked%20millions%20of,improving%20the%20behaviour%20of%20citizens> (accessed: 01.03.2022).
16. *Lee A.* What is China's social credit system and why is it controversial? // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3096090/what-chinas-social-credit-system-and-why-it-controversial> (accessed 09.08.2022).
17. *Lenzu M.D.* EU imposes further sanctions over serious violations of human rights around the world / European Council. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/03/22/eu-imposes-further-sanctions-over-serious-violations-of-human-rights-around-the-world/> (accessed: 22.03.2022).
18. *McGerty F., Nouwens M.* China's new Five-Year Plan and 2021 budget: what do they mean for defence? / International Institute for strategic studies. – URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/03/chinas-new-five-year-plan-and-2021-budget> (accessed: 08.03.2022).
19. MEPs refuse any agreement with China whilst sanctions are in place // News European Parliament. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210517IPRO4123/meps-refuse-any-agreement-with-china-whilst-sanctions-are-in-place> (accessed: 20.05.2022).
20. *O'Dwyer R.* China Classification Society, Tianjin Port and Wärtsilä partner on 'smart port' development / Smart Maritime Network. – URL: <https://smartmaritimenetwork.com/2021/11/29/china-classification-society-tianjin-port-and-wartsila-partner-on-smart-port-development/> (accessed: 29.11.2021).
21. Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020) // China Copyright and Media. – URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (accessed: 25.04.2022).
22. *Pollina E., Fonte G.* Italy gives Vodafone 5G deal with Huawei conditional approval – sources // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/technology/italy-gives-vodafone-5g-deal-with-huawei-conditional-approval-sources-2021-05-31/> (accessed: 31.05.2022).

23. *Polonchuk R.A.* Desarrollo del potencial militar de la República popular China hasta el año 2050 // *Ciencia y seguridad militar*. – 2020. – Nr. 2 (21). – S. 127.
24. *Sharma Y.* EU sets conditions for joint high-end research with China // *UniversityWorld News*. – URL: <https://www.universityworldnews.com/post-mobile.php?story=20211119103816587> (accessed: 19.11.2021).
25. SIPRI Yearbook 2020 / SIPRI. – 2021.
26. *Webster G.* and others. China's Plan to 'Lead' in AI: Purpose, Prospects, and Problems / *Webster G., Creemers R., Triolo P., Kania E.* // *New America*. – URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/blog/chinas-plan-lead-ai-purpose-prospects-and-problems/> (accessed: 01.08.2022).
27. Xinhua Headlines: How can Huawei-Europe 5G cooperation break through politically-motivated restrictions // *XinhuaNet*. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-12/11/c_139582428.htm (accessed: 11.12.2021).
28. *Xuanzun L.* China hikes defense budget by 6.8% in 2021, faster than 6.6% growth last year // *Global times*. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217416.shtml> (accessed: 05.03.2022).
29. *Yeung K.* China making strides in Industry 4.0 revolution as advanced manufacturing outpaces EU, US, Japan // *China Macro Economy*. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3125986/china-making-strides-industry-40-revolution-advanced> (accessed: 18.03.2022).

Карачин Игорь Олегович,

руководитель аппарата — директор по коммуникациям АНО
«Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»,
соискатель, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Igor O. Karachin,

Head of Staff, Communications Director-Agency for strategic initiatives,
Applicant, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow.

E-mail: io.karachin@asi.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЕАЭС

THE STATE AND PROSPECTS OF THE EAEU IN THE SETTLEMENT OF LABOR MIGRATION

Аннотация: тенденции трудовой миграции, политика и барьеры на пути к общему рынку труда в ЕАЭС создали ряд проблем, связанных с урегулированием миграционных потоков. Таким образом, одной из важнейших задач для выработки стабильной политико-экономической обстановки ЕАЭС становится углубление и урегулирование сотрудничества в сфере трудовой миграции. В статье рассмотрены состояние и перспективы трудовой миграции в ЕАЭС, что способствует единой унификации миграционного законодательства в странах — членах ЕАЭС.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционное право, рынок труда, Евразийская экономическая комиссия.

Abstract: labor migration trends, policies and barriers to the common labor market in the EAEU have created a number of problems related to the regulation of migration flows. Thus, one of their most important tasks for developing a stable political and economic environment of the EAEU is to deepen and regulate cooperation in the field of labor migration. This article examines the state and prospects of labor migration in the EAEU, which contributes to the unified unification of migration legislation in the EAEU member states.

Key words: labor migration, migration law, labor market, Eurasian Economic Commission.

Введение

На миграционную систему Евразийского экономического союза (ЕАЭС) сильно повлиял экономический спад в России, вызванный кризисом на Украине. В ответ на вхождение Крыма в состав России в 2014 году западные страны ввели санкции, усугубившие экономические трудности, с которыми Россия уже столкнулась вследствие падения цен на нефть. Это привело к отрицательному росту ВВП страны. Начиная с августа 2014 года курс рубля к доллару начал снижаться и к декабрю того же года упал

вдвое. Темпы миграции тоже стали снижаться. Так, по сравнению с 3,2 млн зарегистрированных трудовых мигрантов в 2014 году в 2015 году число легальных трудовых мигрантов сократилось на 40% — до 1,9 млн. После введения антироссийских санкций со стороны США и ЕС, по данным Центра стратегических разработок (ЦСР), до конца 2022 года число рабочих мест в российской экономике может сократиться на 2 млн, что может повлечь за собой еще больший отток мигрантов [13]. В то время как представители общественности были сосредоточены исключительно на экономических объяснениях сокращения числа трудовых мигрантов, серьезные изменения в российской миграционной политике в значительной степени способствовали также возможности мигрантов получить документальный статус. Именно сочетание этих факторов дает более полную картину миграции. Если экономические факторы являются основной движущей силой миграционных потоков, то политика и ее реализация определяют, насколько легко трудовые мигранты смогут урегулировать и узаконить свой статус. Изменения миграционной политики РФ коснулись всех мигрантов из стран Содружества Независимых Государств, не входящих в ЕАЭС (включая основные источники иммиграции — Таджикистан и Узбекистан).

Новые правила, вступившие в силу 1 января 2015 года, требовали от мигрантов прохождения стандартного набора процедур, в том числе сдачи экзамена по языку, истории и правовым нормам, а также прохождения ряда бюрократических процедур в течение 30 дней после прибытия. В практической реализации такие процедуры оказались недееспособными и в большинстве случаев игнорировались. В результате многие мигранты перешли на неформальный рынок труда, который представляет собой негосударственный рабочий сектор, например торговля на рынке, частный извоз людей и т. д. Нелегальная миграция способствует увеличению теневого рабочего сектора. Тем не менее иммиграционные тенденции в ЕАЭС указывают на то, что миграционная политика имеет второстепенное значение по сравнению с экономическими факторами в определении миграционных потоков. По сравнению с последствиями мирового финансового кризиса 2008 года, когда миграционные потоки в Россию также сократились и восстановились лишь в течение нескольких лет,

рецессия 2014 года оказала относительно краткосрочное воздействие на миграционные потоки. В 2014 году кризис рубля начал сказываться на странах Центральной Азии настолько, что Россия вновь стала сравнительно выгодным направлением для работы и заработка. Несмотря на продолжающуюся рецессию, спрос на труд мигрантов в России остается устойчивым, даже если они не могут легализовать свой статус. Казахстан, являющийся вторичным направлением для мигрантов из Центральной Азии, пережил значительную девальвацию валюты в 2015 году (потеряв почти половину ее стоимости), но смог предотвратить рецессию. Лучшее экономическое положение в сочетании со значительными государственными строительными проектами, требующими низкоквалифицированной рабочей силы (например, ЭКСПО-2017), повысило относительную важность Казахстана как места назначения мигрантов в Евразийском регионе.

Одним из ключевых моментов разногласий, приведших к украинскому кризису, были дебаты о том, следует ли подписывать Соглашение об ассоциации, направленное на усиление интеграции Украины с Европейским союзом. Противоречие возникло в результате представления о том, что любые соглашения с ЕС обязательно будут отходом от интеграции с Россией. На этом фоне формировался ЕАЭС. «Во многом ЕАЭС создает один из самых интегрированных рынков труда в мире, хотя его положения до сих пор в сущности не реализованы на практике. Чтобы управлять разрозненными целями на внутреннем и международном уровнях, государства-члены не в полной мере реализуют обязательства ЕАЭС во внутреннем законодательстве, оставляя миграционные потоки в неформальном секторе вне официальных данных и, следовательно, вне поля зрения общественности» [1]. Трудовая миграция является очень важным вопросом на государственном уровне. По данным Всемирного банка, в 2014 году денежные переводы были эквивалентны 30,3% ВВП Киргизии, что сделало ее второй по величине экономикой в мире, зависящей от денежных переводов, после Таджикистана в 2018 году [15]. В 2015 году со вступлением Киргизии в Евразийский экономический союз многое изменилось для киргизских трудовых мигрантов. До вхождения в ЕАЭС первостепенной и самой сложной проблемой для мигрантов была

легализация их гражданского статуса в России. Также до вступления в ЕАЭС граждане Киргизии, приехавшие в Россию на заработки, могли находиться в стране без регистрации только семь дней. Таким образом, членство в ЕАЭС привело к упрощениям получения гражданского статуса для трудовых мигрантов. Соглашение упростило процесс легализации трудового статуса для мигрантов из государств — членов Союза, отменив требование об экзамене по истории и языку, а также увеличив период времени, в течение которого мигранты могут находиться в России без регистрации, до 30 дней. Оно также освободило мигрантов от необходимости получать разрешение на работу. Кроме того, дипломы о высшем образовании от каждого государства-члена теперь имеют полное признание, а это означает, что у людей с высшим образованием есть возможность работать в более высокооплачиваемых и специализированных областях. Важно отметить еще одно значимое изменение в иммиграционной политике ЕАЭС, а именно изменение срока пребывания трудовых мигрантов в странах-членах: теперь срок временного пребывания мигранта определяется сроком его трудового договора. «В случае досрочного расторжения трудового договора по истечении 90 дней со дня въезда на территорию государства-члена работник имеет право заключить новый трудовой договор в течение 15 дней, не выезжая за пределы страны». Эти упрощения относительно увеличили поток мигрантов. По данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации и Миграционного управления МВД Российской Федерации, в 2014 году, до присоединения Киргизии к ЕАЭС, киргизских мигрантов было 553 675 человек; в 2018 году эта цифра выросла до 638 735 человек [14].

По оценкам Всемирного банка, в 2015 году Киргизия получила 1,7 млрд долл. денежных переводов [14]. Около 80% киргизских трудовых мигрантов отправляют денежные переводы своим семьям. Государственная служба по миграции Киргизской Республики сообщает, что количество мигрантов в 2018 году составило около 640 тыс. человек [14]. Кластерное обследование по многим показателям в Киргизии (MICS), проведенное в 2018 году Национальным статистическим комитетом Киргизской Республики в рамках Глобальной программы MICS, выявило количе-

ство детей, оставленных родителями за последние четыре года: с 239 100 — в 2014 году до более 277 500 — в 2018 году [16]. Однако киргизская служба РСЕ/РС, известная в местном масштабе как «Азаттык», сообщила, ссылаясь на официальные данные МВД России, что в 2021 году в стране было официально зарегистрировано более 1,55 млн киргизов [16]. Учитывая, что около 20 тыс. из них студенты и туристы, можно предположить, что число киргизских мигрантов в Российской Федерации превысило 1 млн человек, причем в это число не входят незарегистрированные или не имеющие документов мигранты. «Согласно данным отчета о международной миграции (World Migration Report 2022), Украина занимает 8 место в списке стран, граждане которых выезжают на работу за границу, с показателем 5,5—6 миллионов человек» [18]. Из них более 1,5 млн украинцев работали в Польше, 459 тыс. — в России и 21,5 тыс. — в Беларуси. Текущий кризис беженцев на Украине начался в конце февраля 2022 года после начала специальной военной операции России на территории Украины. С тех пор Украину покинули более 4,6 млн беженцев (по состоянию на 11 апреля 2022 г.) [18], в то время как, по статистике World Migration Report, 6,5 млн человек были перемещены внутри страны (по состоянию на 18 марта 2022 г.). Подавляющее большинство беженцев въехали в соседние страны к западу от Украины.

Существует угроза со стороны нелегальных потоков мигрантов из Украины в страны ЕАЭС. Нелегальная миграция приводит к нарастанию напряженности в обществе, кроме того, проблемы нелегальной миграции приводят к нестабильности, как в социальном плане, так и в экономико-политическом. Таким образом, программы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) должны быть направлены на организацию занятости мигрантов и населения ЕАЭС в целом. ЕАЭС необходимо прийти к единому стандарту миграционного законодательства, который в значительной степени поможет снизить и урегулировать экономические риски, вызванные колоссальными миграционными потоками в страны ЕАЭС. Одной из важнейших перспектив в развитии ЕАЭС является присоединение других стран к Союзу. Это поможет оптимизировать труд, минимизировать нелегальную трудовую миграцию за счет расширения границ ЕАЭС.

Тенденции трудовой миграции, политика и барьеры на пути к общему рынку труда

Тенденции трудовой миграции, политика и барьеры на пути к общему рынку труда в ЕАЭС создали ряд проблем, связанных с урегулированием миграционных потоков. С учетом общих принципов формирования миграционной политики главная задача для ЕАЭС связана с решением максимально открыть рынок труда в период рецессии. Реформа разрешений на работу для трудовых мигрантов, которая начала свое действие с 1 января 2015 года, стала ярким примером миграционных ограничений и не способствует достижению общего рынка труда в ЕАЭС.

В апреле 2016 года Россия переложила ответственность за миграционное регулирование и разработку политики с независимой Федеральной миграционной службы на Министерство внутренних дел. Тот факт, что миграционная политика ЕАЭС противоречит общей миграционной ориентации в Казахстане и России, должен тщательно контролироваться правительствами этих стран для достижения двойных целей региональной интеграции и защиты местных рынков труда. Казахстан и Россия должны контролировать сбор данных и отчетность, а также несоблюдение принципов соглашения о ЕАЭС путем имплементации во внутреннее законодательство. Оба эти механизма играют важную роль в определении и отражении того, какое количество мигрантов способно официально оформить свой трудовой статус. Трудно измерить реальное влияние ЕАЭС на миграционные тенденции из-за дефицита данных.

Во-первых, данные ограничены, а в некоторых случаях возникают определенные сложности при их получении из государственных источников. Сведения по России являются общедоступными, в то время как Казахстан отличается значительным дефицитом данных, несмотря на то что он занимает второе место в регионе по числу мигрантов.

Во-вторых, официальные государственные данные статистических служб обычно предоставляются со значительной задержкой. Одна из основных причин недооценки трудовых мигрантов заключается в том, что они могут получить множество предпочтительных правовых статусов, обеспечивающих более безопасные условия труда [2]. К ним относятся временные или постоянные

виды на жительство или гражданство, которые дают мигрантам право работать на тех же основаниях, что и коренные российские граждане, не препятствуя циркулярному перемещению мигрантов между Россией и их родной страной. После вступления в силу процедур ЕАЭС сбор данных стал проблематичным. Основная причина этого заключается в том, что мигрантам не были известны надлежащие процедуры регистрации своего присутствия. Реформа разрешений на работу сопровождалась крупной кампанией правительства по созданию государственных миграционных центров, которые могли бы консолидировать прибыль от выдачи патентов. В результате этой деятельности правила для мигрантов из ЕАЭС практически игнорировались, равно как и любые усилия по информированию мигрантов об их обязанностях. Это, в свою очередь, нарушает очень важный аспект положений ЕАЭС о свободном перемещении рабочей силы. В статье 96 Соглашения о ЕАЭС занятость определяется как «деятельность, осуществляемая по трудовому договору». Это краткое определение оказалось самой большой проблемой как для способности мигрантов реализовать преимущества общего рынка труда ЕАЭС, так и для правительств по сбору данных о работе мигрантов в рамках ЕАЭС. Хотя российские миграционные службы начали собирать данные о количестве представленных контрактов, это была новая процедура, и поэтому на сегодняшний день нет сравнительных данных. В Казахстане договоры подаются в миграционную полицию, но данных от этого ведомства просто нет. Более серьезная проблема с трудовыми договорами заключается в том, что квалифицированные трудовые мигранты, которых намного больше, чем высококвалифицированных мигрантов, традиционно не имеют контрактов. Из-за этого привязка статуса мигранта к официальному трудовому договору может поставить под угрозу правовой статус мигрантов из ЕАЭС. Сообщения защитников прав мигрантов и активистов в России свидетельствуют о том, что многие киргизские рабочие продолжают работать в России без контракта. В России опрос киргизских и узбекских трудовых мигрантов, проведенный в 2020 году в пяти регионах Казахстана, показал, что 79% опрошенных киргизских мигрантов не имели трудового договора. Хотя эти результаты опроса отражают процедуры до ЕАЭС, они указывают на значительные потенциальные

проблемы для мигрантов и работодателей, которые не привыкли подписывать трудовые договоры. Кроме того, только 44% мигрантов сообщили, что их работодатели предоставили регистрацию по месту жительства (необходимый шаг в подтверждении легального статуса), в то время как остальные предположительно зарегистрировались сами. Это свидетельствует о том, что большинство работодателей предлагают минимальную поддержку нанимаемым ими мигрантам и не желают подписывать трудовые договоры, если это обязывает их платить дополнительные налоги. Только мигранты, которые указали в своей миграционной карте цель визита как работу, имеют право на это продление. Члены семей мигрантов, которые не будут работать (и поэтому указали цель своего визита как частную), должны зарегистрироваться в течение пяти дней. Это противоречит соглашению о ЕАЭС, в котором говорится, что «граждане государств-членов, въезжающие на территорию другого государства-члена с целью трудоустройства, и члены их семей освобождаются от обязанности регистрации в течение 30 дней с даты въезда».

Как в Казахстане, так и в России мигранты при въезде в страну должны указывать в своей миграционной карте цель визита как «работа». Казахстан не сообщает ни количество полученных миграционных карт, ни цель визита, а Россия начала сообщать общероссийские данные о категории работы как цели визита только в 2015 году [5]. В разных регионах России опубликованы данные за несколько лет о мигрантах, въезжающих с заявленной целью «работа». Данные из Москвы информативны, так как это крупнейший реципиент мигрантов в России.

Однако очевидно, что количество зарегистрированных мигрантов более чем в 4 раза меньше, чем количество мигрантов, указавших в своей миграционной карте в качестве цели въезда работу. По всей России менее 250 тыс. мигрантов из ЕАЭС легализовали свой рабочий статус в 2015 году. Даже если 250 тыс. человек находились в Москве и если к ним добавить 550 тыс. других зарегистрированных рабочих, в Москве будет всего около 800 тыс. легальных рабочих-мигрантов [17]. Это гораздо меньше, чем 2,4 млн рабочих, прибывающих в Москву с намерением работать. Таким образом, мигрантов, намеревающихся работать, въезжает гораздо больше, чем официально заре-

гистрированных трудовых мигрантов. Поэтому можно сделать вывод о том, что не только процедуры сбора данных занижают количество трудовых мигрантов в России, но и бюрократические процедуры действуют как барьеры для реализации полного правового статуса мигрантов.

Тем не менее, когда политика недостаточно разработана или бюрократически сложна, мигранты из ЕАЭС не могут воспользоваться положениями договора, остаются в неформальном секторе и не учитываются в официальных данных. Нежелание Казахстана выполнять обязательства ЕАЭС может свидетельствовать о нескольких вещах.

Нынешняя ситуация, когда миграционная политика определена нечетко, в результате чего государства-члены вынуждены полагаться на национальные законодательства и практику на местах, которые не соответствуют обязательствам ЕАЭС, является одним из способов избежать потенциального конфликта на высшем политическом уровне. Тем не менее уход от конфликта на высоком уровне неизбежно создаст напряженность на рынках труда ЕАЭС. В этом контексте отправляющие государства, которые зависят от денежных переводов мигрантов и серьезно относятся к разработке политики для своих граждан за границей, могут счесть членство в ЕАЭС менее выгодным, чем они рассчитывали. Несмотря на различия в трудовом потенциале, страны ЕАЭС имеют схожие отрасли, характеризующиеся положительными тенденциями увеличения занятости работников старшего возраста. После выявления этих тенденций исследование классифицировало теоретические подходы к изучению возможностей трудоустройства для пожилых людей [8].

Оценка структурных различий занятости по видам экономической деятельности проводилась на основе выбранной методики. Согласно статистике занятости населения за 2014—2021 годы [12], пожилые люди стран ЕАЭС (кроме Армении) могут продолжать работать в медицинской сфере, в образовательных учреждениях, а также в гостиницах и на предприятиях общественного питания, в сфере здравоохранения, в сфере социальных услуг. Для стимулирования занятости пожилых работников в этих сферах государственные меры, исходя из предложенных рекомендаций, могут быть направлены на стимулирование предприниматель-

ства и расширение информационной среды для пожилых людей. До 2025 года одной из основных целей ЕАЭС является увеличение общего рынка труда в странах — членах Союза, что является сложной задачей. В качестве примера можно привести события 2016 года, когда страны — члены Союза договорились о создании общего рынка лекарственных и фармацевтических препаратов. Переговоры по таможенным договорам ЕАЭС оказались также затяжными. Всё дело в том, что экономические агенты стран — членов ЕАЭС работали, ориентируясь на национальные законы и имеющиеся договоры и соглашения. Таким образом, ЕЭК выдвинула около 1,5 тыс. замечаний по проектам общего таможенного кодекса от Беларуси, Казахстана, России [11]. К июню 2016 года важными и нерешенными остались 57 вопросов, которые связаны с таможенным регулированием в странах — партнерах ЕАЭС. Для принятия окончательного решения о таможенном регулировании в странах — партнерах ЕАЭС переговоры необходимо было провести на уровне премьер-министров пяти государств. Таким образом, в 2017 году был создан единый Таможенный кодекс ЕАЭС, создание которого повлекло за собой разногласия среди партнеров Союза. Такие разногласия были вызваны нежеланием стран-партнеров, кроме Российской Федерации, принимать контрсанкции в отношении Украины. Россия никогда не давала официальных рекомендаций по принятию контрсанкций, и вопрос не поднимался на уровне ЕЭК. Следующий важный вопрос для ЕАЭС касается реэкспорта белорусскими производителями товаров из ЕС, на которые распространяются контрсанкции Российской Федерации. На российский рынок поступили «белорусские» бананы и устрицы — для того чтобы принять и обработать экспортированный товар, необходимо проверить маркировки, качество и страну происхождения. Проверка входящих поставок продовольствия занимает большое количество времени, что в значительной степени отягощает сам процесс верификации товаров и в целом усложняет процесс приема и обработки экспорта. Такие задержки и приемка экспорта на белорусско-российской границе вызвали жалобы белорусских властей. Поэтому было принято решение ввести более строгие правила маркировки товаров, а также санкции за их несоблюдение. Как известно, к 2016 году отношения между Россией и Украиной в значитель-

ной степени накалились. Блокировка грузового транспорта Российской Федерации на территории Украины вызвала ответные санкции со стороны России. Блокировка экспортируемого товара существенно мешала украинским экспортерам доставлять товар в Казахстан. Для устранения данной проблемы информационная система грузоперевозок ЕАЭС предоставила украинским экспортерам возможность осуществлять транзитные перевозки через границы России. Страны — члены ЕАЭС ведут активные переговоры по созданию к 2025 году единого финансового регулятора ЕАЭС. Таким образом, значительные усилия в доработке общего Таможенного кодекса среди стран-партнеров, создание общих фармацевтических, энергетических нефтегазовых рынков, а также создание единого финансового инструмента представляют собой определяющий фактор развития и урегулирования политико-экономической обстановки стран — членов ЕАЭС.

Заключение

ЕАЭС представляет собой важный политический проект, который нужен для достижения геополитических целей стран-партнеров. Развитие политико-экономических партнерских отношений в Союзе определяется выполнением обязательств, причем некоторые страны-члены их игнорируют либо воздерживаются от их полного выполнения, что в значительной степени усложняет и отягощает процесс развития Союза. Пока экономика относительно сильна, мигранты продолжают прибывать в страны — члены ЕАЭС. При недостаточно разработанной и бюрократически сложной политике мигранты из ЕАЭС не могут воспользоваться положениями договора и, таким образом, остаются в неформальном правовом секторе, то есть не учитываются в официальных реестрах.

В случае России игнорирование мигрантов из ЕАЭС можно объяснить несколькими факторами. Одним из них является относительно небольшое количество мигрантов, прибывающих из стран ЕАЭС, и, следовательно, менее острое внимание требуется при разработке процедур и распространении информации для них. Помимо этого реформы рынка труда ЕАЭС вызывали в России противоречивые чувства, усиливая беспокойство у населения в связи с притоком новых мигрантов без механизмов

контроля для защиты внутреннего рынка труда. В этом контексте отправляющие государства, которые зависят от денежных переводов мигрантов и серьезно относятся к разработке политики для своих граждан за границей, могут счесть членство в ЕАЭС менее выгодным, чем они рассчитывали.

Литература

1. Актуальные вопросы спортивного права стран Евразийского экономического союза: монография / Понкин И.В., Рогачев Д.И., Морозов П.Е. – М.: Проспект, 2021. – 176 с.
2. *Андреева Л.В.* Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе: монография. – М.: Норма, 2016. – 508 с.
3. Атлас Союза Советских Социалистических Республик применительно к районам экономического районирования ГОСПЛАНА СССР. – М.: Государственное издательство, 1985. – 471 с.
4. *Бекашев К.А.* Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: монография. – М.: Проспект, 2015. – 126 с.
5. *Бондарев И.* Евразийский экономический союз: сегодня и завтра. – М.: Горная книга, 2012. – 328 с.
6. Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе: монография / отв. ред. И.В. Ершова – М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 288 с.
7. Договор о Евразийском экономическом союзе. – М.: Дело и сервис (ДиС), 2014. – 187 с.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе. – М.: РФ-Пресс, 2015. – 106 с.
9. Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза. – М.: Проспект, 2016. – 848 с.
10. Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза. – М.: Проспект, 2016. – 723 с.
11. *Зайончковская Ж.* Иммиграция – замковый камень будущего развития России // Миграционные процессы в современной Европе: эволюция миграционных взаимодействий ЕС и государств Центральной и Восточной Европы: матер. Междунар. науч. конф. (Одесса, 24–25 сентября 2010 г.). – Одесса: Симекс-принт, 2011. – С. 133–141.
12. О безработице в Евразийском экономическом союзе. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Express_Unemployment/expressunemp202111.pdf (дата обращения: 10.06.2022).
13. Рынок труда в новых экономических условиях. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/9c7/710k2zf8hnufe4qu1o8oowwz4ap8sk71.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).
14. *Тураева М.О.* Итоги членства Киргизии в Евразийском экономическом союзе // Государственная служба. – 2019. – № 4 (120). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-chlenstva-kirgizii-v-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze> (дата обращения: 10.06.2022).
15. Central Asia to suffer as remittances from Russia nosedive. – URL: <https://eurasianet.org/central-asia-to-suffer-as-remittances-from-russia-nosedive> (accessed: 10.06.2022).
16. Has Labor Migration to Russia Improved for Kyrgyz? – URL: <https://thediplomat.com/2021/12/has-labor-migration-to-russia-improved-for-kyrgyz/> (accessed: 10.06.2022).
17. Labour Migration in the Eurasian Economic Union. – URL: <https://www.e-ir.info/2017/04/29/labour-migration-in-the-eurasian-economic-union/> (accessed: 10.06.2022).
18. World Migration Report 2022. – URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (accessed: 10.06.2022).

Ахмедова Саида Айдын кызы,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Saida A. Ahmadova,

PhD student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: bayramovasaida@gmail.com

ДВУСТОРОННЕЕ УЗБЕКСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

BILATERAL UZBEK-AZERBAIJANI POLITICAL, ECONOMIC AND HUMANITARIAN COOPERATION AT THE END XX — EARLY XXI CENTURY

Аннотация: в статье рассматриваются особенности эволюции взаимоотношений Азербайджанской Республики с Республикой Узбекистан. Выделяются этапы формирования дипломатических отношений между ними, а также приоритетные направления культурного, экономического и политического сотрудничества. Анализируется взаимодействие между Азербайджаном и Узбекистаном в рамках разных международных организаций. Рассматриваются современные тенденции узбекско-азербайджанских взаимоотношений, которые являются отражением процессов, не только происходящих на глобальном уровне, но и связанных с динамикой их внутреннего развития. Детально описаны приоритеты партнерских отношений этих стран, отражающиеся как в существующих двухсторонних договоренностях, так и в практике сотрудничества. Дается оценка сложившейся обстановки и интеграционных процессов в той степени, в которой это помогает понять динамику формирования и трансформацию всего комплекса связей между Узбекистаном и Азербайджаном, степень их готовности согласованно оказывать противодействие возникающим угрозам. Рассматриваются вопросы, относящиеся к сотрудничеству в сфере обороны, научно-техническому обмену в рамках двухсторонних соглашений. Определены возможности использования транспортно-логистических хабов, проходящих через территории стран, а также основные направления развития инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: тенденция, идентичность, общность, приоритет, экономика, международные взаимоотношения, дипломатические связи, ТРАСЕКА, СНГ, интеграция, СССР, Азербайджан, Узбекистан, инвестиции, военное сотрудничество.

Abstract: the article interprets the historical features of the development of diplomatic relations between two states. Chronological features and stages of the formation of diplomatic relations are given, as well as main priority areas of cultural, economic and political cooperation. The close relationship of states is analyzed within the framework of international cooperation in international organizations. The current trends in relations between Azerbaijan and Uzbekistan are analyzed in this article. The priorities of mutual cooperation of two countries on the basis of bilateral agreements and within the framework of international cooperation of countries are described in detail. An assessment of the current international situation and integration processes in countering emerging threats is given in article. Issues related to military cooperation between countries, scientific and technical exchange within the framework

of bilateral agreements are considered. The possibilities of using transport and logistics hubs through the territories of countries, as well as cooperation on mutual investments have been determined in various fields of activity.

Key words: tendency, identify, community, priority, economy, international relation, diplomatic relation, TRASECA, CIS, integration, USSR, Azerbaijan, Uzbekistan, investments, military cooperation.

Введение

Фундаментальными основами, определяющими выбираемый курс политического и экономического развития стран, является взаимопонимание и сотрудничество между политическими акторами. Народам, имеющим сходную идентичность и историческую судьбу, легче прийти к осознанию общности своих интересов, а также к выбору приоритетных направлений во внешней политике. Развитие отношений между Азербайджаном и Узбекистаном уходит в далекое прошлое, когда тюркские племена только формировали государственность и консолидировались в межплеменные образования, когда на пересечении Великого шелкового пути межкультурный и торговый обмен между государствами осуществлялся без каких-либо барьеров. В связи с этим необходимо отметить, что границы государственных образований были условными. Культурное и языковое сходство служило дополнительным стимулом, способствовавшим выстраиванию более близких отношений [4].

В советский период взаимоотношения между странами были под контролем советского центра, а интеграционные процессы были завязаны на Москве. В период нахождения двух ныне суверенных государств в составе СССР тесные связи между странами сохранялись и приумножались.

На современном этапе реализация проектов по транспортировке разных товаров и создание оптимальных экономических условий для развития и укрепления связей между Азербайджаном и Узбекистаном позволяют странам консолидировать свои интересы для удовлетворения спроса на свои товары на мировом и региональном рынках. Сложившийся на настоящий момент уровень партнерства в разных сферах характеризуется переходом на новый уровень взаимодействия и открывающимися возможностями для плодотворного участия в совместных проектах, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. В бли-

жайшей перспективе реализация подобных долгосрочных проектов позволит увеличить товарооборот между странами, а также инвестиционные возможности стран. После окончательного урегулирования Карабахского конфликта бизнес-структуры Узбекистана могут участвовать в работах по восстановлению разрушенных предприятий и жилищного фонда этих территорий. Всё это не только позволит рационально использовать инвестиционный потенциал, но и закрепит дружеские и братские взаимоотношения между двумя тюркскими народами.

Внешнеполитическое сотрудничество между Азербайджаном и Узбекистаном

Формирование внешнеполитических связей между Азербайджаном и Узбекистаном прошло долгий путь. Эволюция современных внешнеполитических взаимоотношений между странами проходила в несколько этапов.

Первый этап — взаимное признание суверенитетов и формирование дружеских и сотруднических отношений на основе взаимной выгоды в 1992 году. Второй этап — углубление политического и экономического сотрудничества между странами как в рамках двухсторонних договоренностей, так и на уровне международных организаций в начале 2000-х годов. Третий этап характеризуется сотрудничеством не только на политическом и экономическом направлениях, но и в военной сфере [8].

Независимость обе республики получили в результате распада СССР в конце 1991 года, однако вследствие непродуманной внешней политики руководства Азербайджана в первые годы после обретения независимости отношения между Азербайджаном и Узбекистаном складывались не лучшим образом. Вплоть до 1995 года между Азербайджаном и Узбекистаном практически не было никаких дипломатических отношений. Причинами послужили отсутствие внешнеполитической концепции и вооруженный конфликт между Азербайджаном и Арменией. Приоритеты внешней политики во времена А. Эльчибея отдавались тесному сближению с Турцией и поиску союзников в войне. Нестабильная политическая обстановка внутри Азербайджана, социальная напряженность, наличие деструктивных элементов в стране привели к коллапсу всю систему государственного управления.

Вооруженный мятеж полковника С. Гусейнова и временное двоевластие в стране оттягивали процесс установления близких отношений между Узбекистаном и Азербайджаном. Подвижки в процессе установления тесных взаимоотношений между странами стали возможны только с приходом к власти Г. Алиева, когда вся внешняя политика получила новое направление развития и была успешно проведена ее полная реорганизация. В середине 1996 года посольство Азербайджанской Республики в Республике Узбекистан приступило к дипломатической миссии, а в мае 1998 года посольство Республики Узбекистан — в Азербайджанской Республике. С этого периода во внешней политике обеих стран стал происходить разворот, связанный как с осознанием идентичности вызовов и угроз, стоящих перед ними, так и с поиском оптимальных путей построения национального государства и его интеграции в международные отношения.

Благодаря частым контактам руководителей двух стран намеченные приоритетные области развития взаимоотношений стали более перспективными и реальными. Личные контакты глав государств улучшили ситуацию на дипломатическом поле и привели к установлению прочных внешнеполитических связей.

В результате визита в мае 1996 года первого президента Узбекистана Ислама Каримова в Азербайджан были подписаны первые межгосударственные соглашения о дружбе и сотрудничестве. Договор о дружбе и сотрудничестве между Азербайджаном и Узбекистаном был подписан 27 мая 1996 года. Данный эпизод можно считать отправной точкой начала современных азербайджано-узбекских отношений. В процессе официального визита было подписано 19 соглашений в разных областях. В ходе ответного визита главы Азербайджана Гейдара Алиева в июне 1997 года были подписаны стратегически важные документы. В своем выступлении Г. Алиев сказал: «Мы в Азербайджане хотим налаживания с Узбекистаном надежных партнерских отношений и сделаем всё для наличия этих отношений, для их развития и укрепления». В ответном выступлении Каримов отметил важность подписанных документов, подчеркнув, что связи между странами будут иметь стратегическую составляющую.

Новый этап развития азербайджано-узбекского партнерства приходится на 7—8 сентября 1998 года, когда во время визита

И. Каримова в рамках реализации программы ТРАСЕКА, посвященной возрождению исторического Великого шелкового пути в Баку, были намечены новые контуры дальнейшего развития сотрудничества [2, с. 734—738].

Азербайджано-узбекские отношения продолжали успешно развиваться и после того, как президентом Азербайджана стал И. Алиев. В ходе визита Ильхама Алиева в Узбекистан 23—24 марта 2004 года было подписано шесть межгосударственных и межправительственных соглашений, включая «Декларацию о дальнейшем укреплении стратегического сотрудничества между Азербайджанской Республикой и Республикой Узбекистан», несколько документов по увеличению взаимного товарооборота, энергетические и транспортные соглашения, а также принят ряд важных шагов, направленных на развитие гуманитарных и культурных связей между двумя странами. Необходимо отметить, что после заключения этих договоренностей тесное сотрудничество двух стран продолжило укрепляться.

В общей сложности между Азербайджаном и Узбекистаном было подписано 130 документов разной направленности, состоялись шесть визитов на высшем уровне [3].

Приоритетные модели внешнеполитического развития, реализуемые в обоих государствах, предполагают стратегическое сближение двух стран в обозримом будущем. В рамках Организации тюркских государств заложены механизмы реализации интеграционных процессов на основе сближения близких в этноязыковом, культурном и религиозном отношении народов данных стран. Дружеские внешнеполитические отношения между странами можно проследить и на площадке ООН, когда при решении стратегически важных вопросов для Азербайджана и Узбекистана официальные представители поддерживают позиции друг друга.

На международной площадке тесное сотрудничество между странами прослеживается в таких организациях, как СНГ, где консолидированная позиция формирует долгосрочную перспективу создания доверительных отношений. Однако партнерство в рамках Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ) было недолгим вследствие выхода из нее Узбекистана. В рамках Организации исламского сотрудничества поддержива-

ются тесные контакты между двумя государствами, а Узбекистан разделяет позицию Азербайджана по геополитическим вопросам относительно Южного Кавказа. Близкие контакты двух стран прослеживаются в Организации тюркоязычных государств, где происходит выработка единой позиции по основным вопросам мировой политики.

Установление режима перемирия на линии фронта в Карабахе в 1994 году и решение проблем, связанных с вынужденными переселенцами, создали в Азербайджане благоприятные условия для интенсификации работы внешнеполитических институтов и поиска новых партнеров. Смена руководства в Азербайджане сказалась и на азербайджано-узбекских отношениях. Конфликты на постсоветском пространстве затронули не только Азербайджан, но и Узбекистан. Одним из наиболее острых из них был конфликт в Фергане между турками-ахыска (месхетинцами) и узбеками [5]. В результате данного конфликта большое количество турок-ахыска бежали в Азербайджан. Некоторые авторы, рассматривавшие причины данного конфликта, склонны были видеть в нем результат направленной на разжигание межнационального противостояния деятельности исламских радикалов [11]. Трагедия, разыгравшаяся в Ферганской долине 30 лет назад, должна быть изучена, а причины данного события выяснены и проанализированы. До сих пор не совсем ясно, кто был провокатором и почему советские органы управления не смогли вовремя отреагировать на межэтническое столкновение [10]. Исходя из этого, можно предполагать, что напряженные отношения между тюркоязычными этносами были выгодны тем, кто задумывал и осуществлял данную провокацию, несмотря на то что основной целью грамотной национальной политики должно было быть искоренение любых ксенофобских тенденций, имеющих этнические или религиозные основания. Естественно, что межнациональные конфликты могут иметь негативное значение для построения прочных взаимоотношений.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что между двумя государствами сформировались стратегические отношения, которые в свете обострения афганской проблемы вполне могут приобрести характер военного партнерства.

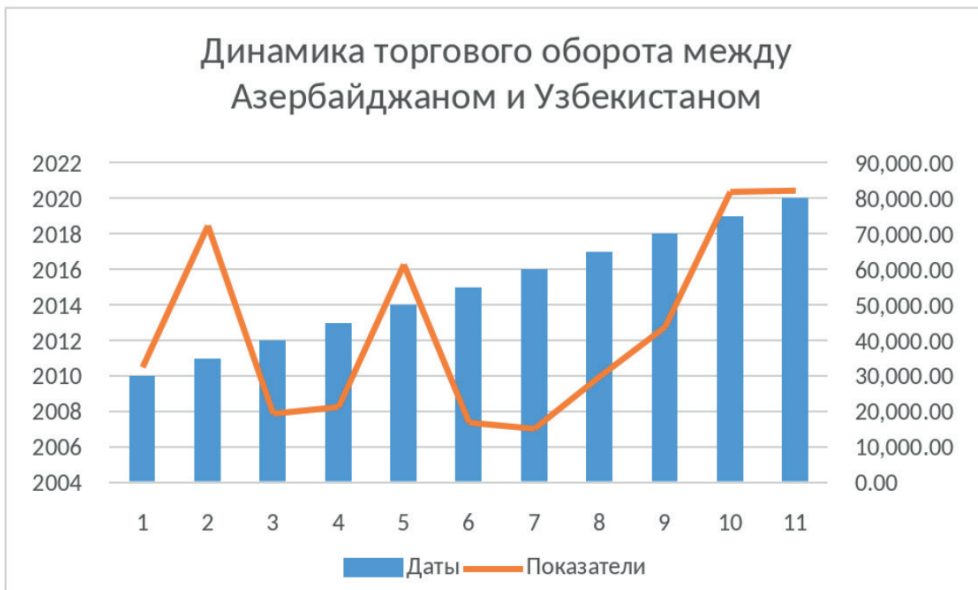
Экономическое сотрудничество между государствами

Заинтересованность обеих сторон в укреплении и развитии тесных экономических связей нашла свое выражение в целом ряде заключенных между ними двусторонних соглашений. Тесное сотрудничество сложилось между Азербайджаном и Узбекистаном в сфере энергетики. Азербайджан, имеющий большой опыт и научно-технический потенциал, вкладывает значительные инвестиции в двух направлениях — в интеллектуальный капитал и энергетическую инфраструктуру. Национальная нефтяная компания Азербайджанской Республики (SOCAR) участвует в разработке углеводородных запасов, оцененных в 2,44 трлн кубометров природного газа, Узбекистана, занимающего 8-е место по объемам добываемого газа, а также имеющего запасы нефти, превышающие 600 млн баррелей. В Узбекистане в общей сложности разведано более 50 нефтяных и 30 газовых месторождений. В мае 2019 года были подписаны соглашения по проведению геологоразведочных работ и по увеличению добычи в месторождениях Кашкадарьинской области и в трех инвестиционных блоках в Устюртском регионе на северо-западе Узбекистана. Помимо этого азербайджанской нефтяной компанией «SOCAR» были запланированы работы по восстановлению и капремонту скважин, а также по созданию производства нефтегазового оборудования и комплектующих в Узбекистане [9].

Позитивные тенденции приведут к увеличению доли инвестиционных вложений SOCAR в разработку и добычу в перспективных нефтегазоносных районах Узбекистана, и, скорее всего, структура прямых иностранных инвестиций на данном рынке в процентном соотношении существенно изменится в пользу азербайджанской компании с учетом научно-технического потенциала. Большинство нефтяных месторождений на постсоветском пространстве были открыты азербайджанскими геологами. В наши дни данная инфраструктура была значительно модернизирована с помощью привлечения инвестиций и технологий ведущих нефтяных компаний, а также зарубежных научно-исследовательских институтов и лабораторий, которые проводят исследования в сфере энергетики. Передача данных технологий, а также формирование и обучение кадрового национально-го потенциала в области энергетики могут стать приоритетным

направлением в развитии двустороннего сотрудничества. Обмен научно-технологическим опытом в данной сфере станет взаимовыгодным и стратегическим достижением в договоренностях между Азербайджаном и Узбекистаном.

Другой важной тенденцией является увеличение взаимного торгового оборота между странами. В качестве наглядной иллюстрации торговых потенциалов двух стран приведен график, демонстрирующий динамику товарооборота между Узбекистаном и Азербайджаном (рис. 1).

**Рис. 1. Динамика торгового оборота между
Азербайджаном и Узбекистаном¹**

Торговый оборот постоянно растет, за исключением нескольких лет, когда спад торгового оборота был обусловлен негативными воздействиями кризисных явлений в мире и пандемией. В первые годы отсутствие торгово-экономических связей между двумя странами свидетельствовало об отсутствии взаимного интереса к построению прочных взаимоотношений. Азербайджан в этот период наиболее важным считал для себя европейское направление, которое имело приоритетное значение ввиду экспорта энергоресурсов на мировой рынок, а политика Узбекистана

¹ Составлено автором на основе официальных данных, взятых с www.stat.gov.az/source/trade/.

была ориентирована прежде всего на азиатские рынки сбыта. Постоянно увеличивающийся торговый оборот повышал инвестиционную привлекательность и, естественно, приток инвестиций.

По данным из официальных источников страны, планируется увеличить взаимный товарооборот до 500 млн долл., хотя, учитывая потенциальные возможности инвестиционных и торговых возможностей, на деле эта цифра может оказаться и больше. С точки зрения инвестиционной привлекательности для азербайджанских компаний наиболее предпочтительным является сотрудничество в таких отраслях, как текстильная, кожевенная, обувная промышленность, ювелирное дело, производство электротехнической продукции, а также развитие транзитного потенциала и логистики в рамках взаимных перевозок. Однако самым актуальным вопросом на сегодняшний день остается участие инвестиционного азербайджанского капитала в формировании узбекского агрокластера по переработке и экспорту сельхозпродукции [1]. В Азербайджане узбекский бизнес представлен Uzbekistan Airways, АК «Узавтопром», являющейся ведущим в Узбекистане производителем легковых автомобилей, и ARTEL, специализирующейся на производстве высококачественной и конкурентоспособной электротехнической продукции [3].

Заместитель министра энергетики Узбекистана Бехзот Нарматов заявил, что в процессе восстановления освобожденных во время Второй Карабахской войны территорий активно будут участвовать и узбекские компании. Таким образом, он подтвердил, что узбекские компании заинтересованы в реализации масштабных инвестиционных проектов, предусмотренных на территории Карабаха. Приток узбекских инвестиций в Азербайджан создаст фундамент для построения тесных экономических взаимосвязей, заметно увеличит торгово-инвестиционный обмен между ними, будет способствовать формированию благоприятного инвестиционного климата и обмену технологиями. Сумма капиталовложений на данный момент неизвестна, но реализация проекта будет, скорее всего, рассчитана на долгосрочный период — как минимум, на несколько десятилетий [7].

Необходимо отметить, что динамика торгового баланса между странами лишь отчасти соответствует их потенциальным возможностям и поэтому склонна к возрастанию. Сферы эконо-

мического сотрудничества между странами обширные, а масштаб экспортно-импортных соотношений может достичь более 20 млрд долл. в год.

Другим направлением экономического сотрудничества станет использование транспортно-логистических возможностей Азербайджана, обеспечивающих выход продукции узбекских национальных производителей на европейский рынок. Такие возможности способствуют усилению конкуренции и, как следствие, появлению новых национальных компаний, ориентированных на экспорт различной продукции на разные рынки посредством использования логистической коммуникации Азербайджана.

При условии реализации вышеописанного сценария будет наблюдаться заметный экономический рост и существенное уменьшение социальных индикаторов напряженности. Макроэкономические показатели стран будут в динамике, что создаст дополнительные возможности для формирования значительного финансово-экономического запаса с разными векторами инвестиционной направленности.

Приоритеты политико-экономического сотрудничества между государствами

Главными принципами сотрудничества между Азербайджаном и Узбекистаном являются взаимное уважение друг друга и признание суверенности государств. Благодаря этому отношения между ними будут в дальнейшем активно развиваться, и основой такому сближению служит подписание новых партнерских соглашений в разных сферах. Еще в сентябре 2008 года были подписаны документы по сотрудничеству в таких сферах, как защита окружающей среды, информационно-коммуникационные технологии, железнодорожный транспорт, комбинированные перевозки, обмен информацией, взаимная охрана секретной информации в налоговой сфере и т. д. [8].

На международной площадке гуманитарное сотрудничество между странами и постоянные контакты осуществляются в рамках организации по сохранению культурного наследия тюркоговорящих стран и регионов (ТЮРКСА), деятельность которой включает в себя и проведение разных фестивалей и мероприятий. Тенденция к гуманитарному сотрудничеству между странами

ми будет способствовать углублению процессов, направленных на сближение их позиций по различным вопросам.

Другим международным объединением, участниками которого являются Азербайджан и Узбекистан, является Организация тюркских государств, сотрудничество в рамках которой способствует интеграционным процессам между ними, а также увеличению экономической взаимосвязи. Наблюдаемое в последнее время интенсивное экономическое, политическое и гуманитарное сотрудничество между странами приводит к формированию новых механизмов взаимосвязи. Участие обеих стран в работе разных структур данной организации создает необходимые предпосылки для установления в будущем тесных и устойчивых связей между ними. Несмотря на высказываемые предположения и недоверие к данной Организации со стороны многих политологов и стратегических исследовательских центров, ее целью не является создание «Великого Турана». Дискуссии на данную тему стали более актуальными в свете последних событий на Южном Кавказе, когда в процессе 44-дневной войны между Азербайджаном и Арменией тюркские государства поддержали Баку, несмотря на то что многие из них являются членами ОДКБ, то есть формальными военно-политическими союзниками Армении. Поэтому после окончания военной кампании и интенсификации сотрудничества между тюркскими государствами многие исследователи стали рассматривать интеграционные процессы между ними в рамках конспирологических теорий, исходящих из надуманных предположений о наличии связанных с Организацией тюркских государств масштабных геополитических проектов, направленных против других стран и народов. Данная точка зрения не является обоснованной, а, наоборот, имеет своей целью нагнетание напряженности как между тюркскими странами, так и между другими государствами, что однозначно способно навредить естественным процессам в рамках уже имеющихся межгосударственных объединений.

Еще одной международной площадкой, где представители Азербайджана и Узбекистана поддерживают тесный контакт, является Организация исламского сотрудничества. Можно предположить, что перспективным направлением сотрудничества становится использование достаточно большого потенци-

ала Узбекистана в области подготовки богословов. Это позволит Узбекистану более активно участвовать в происходящих процессах, оказывая большее влияние на формирование региональной повестки дня.

Потенциальные возможности военно-технического сотрудничества между Азербайджаном и Узбекистаном обозначились после военной кампании в Карабахе и начала структурной реорганизации армии в Азербайджане, что естественным образом может привлечь внимание в случае начала большой армейской реформы в Узбекистане. Наблюдаемое сближение и двусторонние договоры в области военного сотрудничества создают предпосылки для увеличения военного потенциала каждого из двух государств, что может способствовать формированию предпосылок для превращения обладающего большими демографическими и природными ресурсами Узбекистана в среднеазиатского регионального лидера.

Экономическое сотрудничество будет проводиться как на основе двусторонних контактов, так и в рамках Организации экономического сотрудничества. Следует отметить тот факт, что Азербайджан и Узбекистан стали членами этой организации после обретения независимости и проявили свою заинтересованность во взаимодействии в рамках данной структуры. После того как Азербайджан и Узбекистан стали полноправными членами данной организации, они осуществляют взаимодействие по разным вопросам и тесное сотрудничество с другим важным геополитическим актором, играющим ведущую роль в тюркском мире, — Турцией.

Заключение

Проведенный анализ отношений между Азербайджаном и Узбекистаном подтверждает общность интересов двух стран и наличие предпосылок для дальнейшего укрепления сотрудничества между ними. На современной политической карте постоянно формируются новые геополитические угрозы и вызовы, которые должны быть упреждены посредством осуществления заранее продуманной эффективной стратегии, которая должна лежать в основе согласованной деятельности разных силовых структур.

Афганский «котел» и региональные конфликты способствуют внутренней дестабилизации всех государств региона. Именно

поэтому участие Узбекистана в разнообразных проектах является для него делом первостепенной важности, которое позволит не только предотвратить возникающие угрозы, но и использовать потенциал других стран для решения имеющихся общих проблем.

Угрозы национальной безопасности Узбекистана со стороны Афганистана, где пришла к власти радикальная группировка «Талибан», требуют от него присоединения к уже сложившейся оси Турция — Азербайджан — Пакистан, которая сможет активно противодействовать им.

Для устранения негативного воздействия различных угроз, имеющих как экзогенное, так и эндогенное происхождение, проведение сбалансированной и дальновидной внешней политики, подразумевающей налаживание тесных контактов по разным направлениям со странами, обладающими необходимыми предпосылками для того, чтобы рассматриваться в качестве потенциальных союзников, имеет первостепенное значение.

Экономические приоритеты должны быть ориентированы не только на развитие внутреннего рынка, но и на устойчивое развитие разных его отраслей, имеющих потенциал реализации на внешнем рынке. Комплексный подход к решению экономических проблем, связанных, прежде всего, с формированием или модернизацией экономических структур, невозможно представить без прямых иностранных инвестиций или партнерских взаимоотношений с дружественными странами.

Расширение торгово-экономического сотрудничества значительно укрепит социальную стабильность, позволит увеличить занятость населения, создаст возможности для модернизации социально значимых инфраструктур. Использование транспортно-логистической инфраструктуры двух стран позволит увеличить торговый оборот между странами, присутствие иностранных вкладов и будет способствовать формированию совместного инвестиционного капитала для вложений в разные экономические проекты как внутренней, так и внешней направленности. Интересными для зарубежных инвесторов могут считаться такие отрасли экономик стран, как тяжелая индустрия, агропромышленный комплекс, легкая промышленность, добывающая и энергетическая промышленность.

Перспективным направлением для реализации инвестиционных программ для Узбекистана вполне может стать участие в восстановлении земель, отошедших Азербайджану в ходе Второй Карабахской войны. Несмотря на наличие уже заключенных между странами определенных договоренностей, за счет реализации данных программ можно значительно увеличить и расширить присутствие узбекского капитала в Азербайджане.

Существует необходимость создания рабочих групп по дальнейшему развитию устойчивого сотрудничества между странами в разных направлениях. Постоянная контактная группа будет совершенствовать частоту и направленность взаимного обмена.

Литература

1. Баку и Ташкент рассчитывают максимально быстро выйти на уровень взаимного товарооборота в \$500 млн в год // Информационное агентство «Интерфакс». – URL: <http://interfax.az/view/838940> (дата обращения: 16.08.2022).
2. *Гасанов А.А.* Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. – Баку: «Qərb-Şərq», 2007. – 904 с.
3. *Гусейнов Э.Р.* На глубоких корнях и прочной основе. – URL: <http://regionplus.az/ru/articles/view/7203> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Две братские страны – Азербайджан и Узбекистан / Азербайджанский культурный центр им. Г. Алиева при посольстве Азербайджана в Узбекистане. – URL: <http://azculture.uz/ru/nashi-drujba.php?link=istoriya-drujbi> (дата обращения: 02.09.2022).
5. *Иващенко Е., Петров Е.* Погром на соседней улице. – URL: <https://fergana.agency/articles/107921> (дата обращения: 26.11.2021).
6. Ильхам Алиев и Ислам Каримов выступили с заявлениями для печати. – URL: <https://ru.president.az/articles/776?locale=en> (дата обращения: 20.08.22).
7. *Мамедова Э.* Узбекистан внесет свой вклад в восстановление освобожденных территорий Азербайджана. – URL: <http://cbc.az/ru/news/news1628580943> (дата обращения: 04.09.2021).
8. Речь Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева на IV встрече в верхах глав тюркоязычных государств. – URL: <https://lib.aliyev-heritage.org/ru/3181603.html> (дата обращения: 26.09.2022).
9. *Савосин Д.* Узбекнефтегаз и SOCAR обсудили проекты по геологоразведке и добыче в Узбекистане и Азербайджане. – URL: <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/500593-uzbekneftegaz-i-socar-obsudili-proekty-po-geologorazvedke-i-dobyuhe-v-uzbekistane-i-azerbaydzhane/> (дата обращения: 28.08.2022).
10. *Саркисов Д.* Соседку забили камнями и сожгли ее дом. – URL: <https://lenta.ru/articles/2019/06/05/fergana/> (дата обращения: 09.09.2022).
11. *Тепляков О.В.* Ферганский мятеж как предисловие к конфронтации на Среднем Востоке. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ferganskiy-myatezh-kak-predislovie-k-konfrontatsii-na-srednem-vostoke/viewer> (дата обращения: 29.09.2022).

Рябинина Ольга Константиновна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga K. Ryabinina,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: ryabininaok@gmail.com

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE BALTIC REGION: CURRENT TRENDS

Аннотация: статья посвящена исследованию современных геополитических процессов в Балтийском регионе. В последнее время ситуация в регионе претерпела серьезные изменения. Подача заявок Финляндии и Швеции на вступление в НАТО, обострение отношений западных стран с Россией, политика прибалтийских государств, противоречия в энергетической сфере усилили напряженность в регионе. Для России Балтика исторически представляет огромное значение. В статье выявлены ключевые факторы, которые оказывают основное влияние на развитие ситуации в Балтийском регионе, а также на взаимодействие России с другими балтийскими странами. Сделан вывод, что геополитическая ситуация в Балтийском регионе по-прежнему останется напряженной.

Ключевые слова: Балтийский регион, Балтийское море, Россия, геополитические проекты, Польша, Германия, Прибалтика.

Abstract: the article explores current geopolitical processes in the Baltic region. Recently the situation in the region has undergone significant changes. Tensions have been exacerbated by Finland's and Sweden's applications to join NATO, deterioration of relations between Western countries and Russia, contradictions in the energy sphere. The Baltic Sea has historically been of great importance to Russia. The article reveals the key factors that influence the development of the situation in the Baltic region, as well as Russia's interaction with other Baltic states. It is concluded that the geopolitical condition in the Baltic region will remain tense.

Key words: Baltic region, Baltic Sea, Russia, geopolitical projects, Poland, Germany, Baltic States.

Введение

Балтийский регион находился в фокусе внимания СССР и США в период холодной войны. Относительная стабильность на Балтике достигалась за счет внеблокового статуса Швеции и Финляндии. После распада СССР ситуация изменилась. На фоне ослабления России Запад получил новые возможности для укрепления своих позиций на Балтике.

Геополитические изменения в Балтийском регионе, в который входят Россия, Германия, Польша, страны Балтии (Эстония, Литва, Латвия), Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, начались на рубеже 1980—1990-х годов. Первые изменения были связаны с бывшими советскими республиками. Три прибалтийских государства вышли из состава СССР и стали проводить курс на расширение сотрудничества с западными государствами. «Особенностью Балтийского региона является тот факт, что здесь граничат друг с другом в основном относительно небольшие по экономическому потенциалу страны (за исключением Германии и России)» [5, с. 336].

Тем не менее на Балтике сохранялось хрупкое равновесие. Политика Швеции и Финляндии, которые обсуждали на экспертном уровне перспективы вступления в НАТО, дополнялась внешнеполитическим курсом Норвегии и Дании. Эти страны не размещали на своей территории военные базы и ядерное оружие, что ограничивало присутствие НАТО в Балтийском регионе. Наконец, НАТО и ЕС больше внимания уделяли восточноевропейским и центральноевропейским странам, которые играли ключевую роль в формировании и реализации политики Запада в отношении России. «До 2004 года северное направление политики ЕС проигрывало конкуренции направлениям его внешней политики: средиземноморскому и восточному» [5, с. 336].

Новые геополитические реалии

После распада СССР ситуация на Балтике кардинально изменилась. Курс на вступление в ЕС и НАТО лишь усиливал геополитическое соперничество в регионе, создавая новые очаги напряженности. Россия стремилась не допустить усиления присутствия НАТО в регионе. Однако возможности России в этом вопросе были ограничены. «После вступления в ЕС Швеции и Финляндии (1995 г.), а также Польши, Эстонии, Латвии и Литвы (2004 г.) и заключения соглашения с Россией о партнерстве и сотрудничестве Балтика практически стала внутренним морем Евросоюза» [4, с. 138—152].

Вступление прибалтийских государств в НАТО в 2004 году также оказало влияние на расстановку сил в регионе, изменив их соотношение. Позиции России были ослаблены, а США получи-

ли дополнительные возможности для усиления своего влияния в Балтийском регионе. При этом Россия столкнулась с рядом вызовов долгосрочного характера, среди которых выделяют ограничения России, связанные с выходом к Балтийскому морю, утратой военной инфраструктуры, которая ранее располагалась на Балтике. В целом изменилась расстановка сил в Балтийском регионе.

ЕС формировал свою политику в отношении Балтийского региона постепенно. В 2009 году была утверждена стратегия ЕС для региона. Документ определил приоритетные направления политики ЕС в регионе, предусматривая выделение порядка 50 млрд евро на охрану окружающей среды, обеспечение безопасности и создание конкурентоспособной среды. В свою очередь, североевропейские страны на протяжении длительного времени играли большую роль в реализации политики НАТО в Балтийском регионе. Еще в 2009 году такие страны, как Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция, пошли на создание Северного оборонного сотрудничества (Nordefco — Nordic Defence Cooperation). В последующие годы была создана морская боевая группа, а нейтральные Швеция и Финляндия подписали оборонное соглашение, включившись тем самым в продвижение геополитических интересов альянса на Балтике.

В первом десятилетии XXI века активно стал обсуждаться вопрос о членстве Финляндии и Швеции в НАТО. Этот вопрос не выходил за рамки экспертных дискуссий, не получил поддержки на государственном уровне. Однако во втором десятилетии в связи с обострением отношений между Россией и Западом данный вопрос получил новый импульс для обсуждения уже на уровне политических элит. Подобную позицию поддерживали в альянсе, рассматривая возможное вступление Швеции и Финляндии в контексте политики, направленной на расширение влияния блока на Балтике.

Энергетический фактор

Одним из факторов, который оказывал большое влияние на ситуацию в Балтийском регионе, выступало энергетическое взаимодействие России с балтийскими государствами. Так, страны региона сохраняли высокую зависимость от поставок российских углеводородных ресурсов. Прибалтийские страны

зависели от поставок электроэнергии, получаемой из России, а остальные страны региона — от импорта углеводородных ресурсов. Наиболее активное взаимодействие в энергетической сфере происходило между Россией и Германией, которая последовательно реализовывала курс на создание инфраструктуры, связанной с поставками российского газа. Для этого в XXI веке был построен газопровод «Северный поток — 1», а затем — и «Северный поток — 2». Они были проложены по дну Балтийского моря.

Вокруг поставок углеводородных ресурсов в европейские страны развернулось острое геополитическое соперничество. Россия выступала за сохранение поставок своего газа по трубопроводам. В то же время США стремились вытеснить Россию с европейского газового рынка, используя для этого собственные поставки сжиженного природного газа (СПГ) и привлекая к реализации этой задачи другие страны. В частности, американская сторона пыталась снизить долю России за счет поставок СПГ из Катара, рассчитывая таким образом изменить соотношение сил на европейском газовом рынке.

Заинтересованность США поставлять свой СПГ на европейский рынок привела к усилению давления на «Северный поток — 2». Против данного проекта США последовательно вводили санкции, которые были направлены на его прекращение.

Одним из инструментов продвижения США своих энергоресурсов на европейский рынок стала «Инициатива трех морей», которая охватывала 12 стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Данный проект был предложен в 2015 году Польшей и Хорватией, предусматривая организацию поставок энергоресурсов и устранение для этого препятствий [3, с. 84—91].

Страны Балтии приняли активное участие в продвижении энергетических проектов, реализуемых США. Это касалось поставок американского СПГ, который должен был заменить российские поставки. По этой причине США выступали против реализации проекта «Северный поток — 2», рассматривая его в качестве основного конкурента поставкам СПГ в Европу. При этом американская сторона предпочитала игнорировать тот факт, что страны Балтийского региона находятся в сильной зависимости от поставок углеводородного сырья из России. Более

того, несмотря на предпринимаемые усилия, страны региона не сумели снизить зависимость от поставок сырья из России.

В то же время расширить собственные поставки газа на европейский рынок США препятствовал ряд проблем. Прежде всего, это касалось его стоимости. СПГ из США значительно превышал стоимость российского газа, который поставлялся по трубопроводам. Кроме того, сказывалось значительное расстояние, которое необходимо было преодолеть американскому СПГ, чтобы попасть на европейский рынок. В связи с этим для США было важно не допустить расширения российских поставок в ЕС, а в перспективе совсем прекратить экспорт углеводородного сырья из России. В контексте решения данной задачи в последние десятилетия США навязали ЕС энергетическую повестку, которая как раз и предполагала полный отказ от поставок углеводородных ресурсов из России. В итоге это привело к обострению конкуренции за европейский рынок между США и Россией, которая прилагала усилия, чтобы реализовать проект газопровода «Северный поток — 2».

Балтика в контексте санкционной политики Запада

После 2014 года, когда Крым вошел в состав России, отношения между Москвой и Западом на Балтике обострились. Прежде всего, это было связано с возросшей активностью США в Балтийском регионе. Вашингтон стал проводить курс на сдерживание России в этом регионе. Кроме того, США стали реализовывать стратегию «защиты» Польши и прибалтийских государств от предполагаемой «российской агрессии». Данная риторика и ранее использовалась прибалтийскими государствами для обоснования своего прозападного курса. С 2014 года альянс стал разрабатывать планы обороны прибалтийских государств. Усилия были направлены на повышение обороноспособности стран, расположенных на Балтике: Польши, Литвы, Латвии и Эстонии. Помимо этого США продвигали инициативы, связанные с поставками в страны Балтии американских вооружений, а также с обучением представителей вооруженных сил, способных освоить американские образцы техники [3, с. 84—91].

По мере усиления конфронтации между Россией и Западом вероятность присоединения Швеции и Финляндии к НАТО по-

вышалась. Несмотря на достаточно сдержанное стремление североевропейских государств к присоединению, тем не менее такая возможность ими рассматривалась. При этом в расчет не бралось «дальнейшее нагнетание конфронтации между Россией и НАТО» [1, с. 13—16]. В свою очередь, блок НАТО уделял большое внимание региону, последовательно усиливая там свое присутствие. Основными инструментами расширения альянсом своего присутствия на Балтике выступали военные учения и строительство инфраструктуры в странах-членах. Ситуация изменилась в последние годы, когда обострились отношения между Россией и Западом. Это привело к активизации политики западных государств в регионе, что, в свою очередь, обострило геополитическую ситуацию.

В итоге второе десятилетие XXI века отмечено усилением конфронтации между Россией и США на Балтике. Помимо расширения военно-политических контактов с членами альянса блок НАТО стал еще более активно продвигать тезис о вступлении в военно-политический блок Швеции и Финляндии. В свою очередь, в этих странах поменялась и риторика. Швеция и Финляндия всё энергичнее обсуждают возможности по вступлению в НАТО.

В последние годы Балтийский регион находился в зоне геополитических интересов западных государств. Например, США реализовывали в Балтийском регионе Европейскую инициативу сдерживания, в рамках которой проводились «периодические перемещения бронетанковых и воздушно-десантных подразделений в Польшу и страны Балтии» [7, с. 4—25]. При Д. Трампе ее финансирование возросло «до 6,5 млрд долларов в 2019 году, в то время как в 2015 году было выделено 985 млн долларов» [7, с. 4—25].

Таким образом, в последнее десятилетие Россия сталкивается на Балтике с возросшей активностью Запада, усилия которого направлены на дальнейшее ограничение российского присутствия в этом регионе, подрыв ее возможностей для торгово-экономического и энергетического сотрудничества со странами региона.

Последние события

Ситуация в Балтийском регионе стала меняться в 2022 году, после начала Россией специальной военной операции (СВО)

на Украине. Это активизировало политику западных стран в отношении России, в том числе на Балтике. Так, до февраля 2022 года Швеция и Финляндия не предпринимали шагов по вхождению в НАТО. Наоборот, риторика официальных лиц в основном сводилась к тому, что причин для изменения внешней политики нет. Однако после начала Россией СВО подходы Швеции и Финляндии к членству в НАТО изменились. Страны стали высказывать предположения о возможном членстве в альянсе. В мае 2022 года Швеция и Финляндия поддержали идею вступления в НАТО, высказав позицию о необходимости скорейшего вхождения в альянс [6, с. 6—23]. В свою очередь, курс на расширение контактов с данными странами в рамках НАТО поддерживало руководство альянса. В результате пересмотр внешнеполитического курса Швеции и Финляндии на вступление в альянс, заявки на членство в котором они подали в 2022 году, стал шагом, который потенциально ведет к расширению влияния НАТО в Балтийском регионе, одновременно усиливая роль США.

Заявки на вступление Швеции и Финляндии в НАТО были поданы в период резкого обострения отношений Запада с Россией. Кроме того, вступление этих стран в альянс происходит в период пересмотра НАТО своей роли, в том числе и в Арктике. Как отметил глава альянса Й. Столтенберг, «НАТО должно увеличить свое присутствие в Арктике» [10]. Если учитывать, что к арктическим государствам относятся восемь государств, большая часть которых является членами альянса, а Швеция и Финляндия стали кандидатами на вступление, то можно говорить о попытках Запада усилить свои позиции как на Балтике, так и в Арктике. Так, в сентябре 2022 года ЕС представил три транснациональные программы общей стоимостью 467 млн евро, которые будут направлены на развитие сотрудничества в Северо-Западной Европе, Атлантике и Арктике. Необходимые средства должны быть инвестированы из Европейского фонда регионального развития в период 2021—2027 годов [8]. Как отмечала Комиссар по вопросам сплоченности и реформ Элиза Феррейра: «Самые северные части Европы, атлантические и арктические территории характеризуются суровым климатом, малочисленностью населения с ярко выраженной культурной самобытностью и крайней периферией от экономических центров, но также и большими возможностями

для развития. Политика сплочения предназначена для того, чтобы помочь этим регионам и их населению сотрудничать, решать проблемы и использовать возможности для развития огромного потенциала региона, его зеленого развития и возобновляемых источников энергии» [8].

Программа для Северо-Западной Европы стоит 310 млн евро и направлена на финансирование проектов, связанных с достижением устойчивого климата и справедливым переходом к энергетике замкнутого цикла. Программа, касающаяся Арктики, имеет объем финансирования в 43,7 млн евро и предполагает финансирование проектов по сотрудничеству между разными территориями со схожими проблемами и потенциалом развития. Данные регионы расположены в Финляндии, Ирландии, Швеции, Гренландии, Исландии, Фарерских островах и Норвегии [9].

Изменения, которые происходят во внешней политике Финляндии, имеют, по сути, революционный характер, если исходить из того, что на протяжении десятилетий руководство страны проводило курс на решение экологических проблем. В частности, Финляндия «последовательно проводила жесткую линию по уменьшению загрязнения Арктики, особенно в судоходстве. Был сделан серьезный акцент на снижение выбросов черного углерода. В стране успешно работает специальный компенсационный фонд по ликвидации ущерба от разливов нефти в ледовых условиях» [2, с. 97—107]. И тем не менее Финляндия пошла на изменение своей внешней политики, фактически перечеркнув прежний подход к выстраиванию отношений с Россией. Присоединение к антироссийским санкциям принесло Финляндии значительные экономические потери. Вопросы экологии доминировали также в политике Швеции в отношении Балтийского региона и Арктики. Изменение внешнеполитических подходов Швеции тоже стало кардинальным решением.

Стремительно изменилась ситуация в области энергетического сотрудничества России и прибалтийских государств. Это связано с диверсией на газопроводе «Северный поток — 2», которая произошла осенью 2022 года. В итоге подрыва газопровода одна из «ниток» была выведена из строя, а вторая уцелела и может быть задействована. Мощность одной «нитки» составляет 27,5 млрд м³ в год, что составляет незначительный объем

от всего импорта газа, поступающего на европейский газовый рынок. В октябре 2022 года Президент России В. Путин сообщил, выступая на энергетическом саммите в Москве, следующее: «... утраченный объем транзита по “Северным потокам” по дну Балтийского моря мы могли бы переместить в регион Черного моря и сделать таким образом основным маршрутом поставки нашего топлива в Европу через Турцию».

Соответственно, с февраля 2022 года ситуация в Балтийском регионе кардинально изменилась. Помимо новой ситуации в энергетической сфере, связанной с поставками российских углеводородных ресурсов на европейский рынок, произошло дальнейшее обострение политических отношений России с западными государствами. Это побуждает Россию уделять Балтике повышенное внимание. В Морской доктрине Российской Федерации, которая была утверждена Указом Президента РФ 31 июля 2022 года, отмечается важность Балтийского регионального направления. Данное направление рассматривается в качестве ключевого с точки зрения обеспечения безопасности страны, защиты ее интересов.

В свою очередь, Балтийский регион рассматривается западными странами в качестве ключевого направления внешней политики, района, в котором они последовательно предпринимают усилия по ограничению российского влияния и снижению ее экономических возможностей. Кроме того, регион находится в фокусе внимания блока НАТО, который стремится усилить на Балтике свой военный потенциал.

Заключение

Геополитическая ситуация в Балтийском регионе стремительно обострилась. США и ЕС, а также НАТО проводят курс на расширение своего влияния на Балтике, пытаются закрепить за собой лидирующие позиции в определении геополитической ситуации в регионе. Долгосрочными задачами западных государств выступают ограничение влияния России на Балтике, снижение ее экономических возможностей и транзитного потенциала.

Ключевой задачей для США по-прежнему будет оставаться снижение возможностей для России поставлять углеводородные ресурсы на европейский рынок. США рассчитывают расширить

свои поставки СПГ на европейский газовой рынок, тем самым создав дополнительный механизм влияния на ЕС.

За последние десятилетия геополитическая ситуация на Балтике кардинально изменилась. Вопросы экологии и расширения сотрудничества, которое не прекращалось в годы холодной войны, уступили место милитаризации региона, санкционной политике против России, сворачиванию энергетического сотрудничества и усилению давления со стороны внерегиональных акторов. Данные процессы создали предпосылки для сохранения геополитической напряженности на Балтике.

В случае сохранения Швецией и Финляндией курса на вступление в НАТО геополитическая ситуация в Балтийском регионе еще больше обострится. Позиции Швеции и Финляндии, которые ранее проводили курс на неприсоединение к альянсу, усилят геополитическую нестабильность в регионе, превратив его в территорию, где будут сталкиваться интересы Запада и России.

Литература

1. Громыко А.Ан., Плевако Н.С. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Аналитическая записка. – 2016. – № 5 (35). – С. 13–16.
2. Журавель В.П. Председательство в Арктическом совете: от Финляндии к Исландии // Современная Европа. – 2019. – № 4. – С. 97–107.
3. Зубович М. Инициатива «трех морей»: перспективы развития энергетического сектора в рамках хорватской внешней политики // Проблемы постсоветского пространства. – Т. 6. – 2019. – № 1. – С. 84–91.
4. Пальмовский Т. Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря и ее реализация // Балтийский регион. – Т. 13. – 2021. – № 1. – С. 138–152.
5. Северная Европа. Регион нового развития / под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. – М.: Весь мир, 2008. – 512 с.
6. Сидорова Л.Н., Рябинина О.К. Вступление Швеции и Финляндии в НАТО: сравнительный анализ принятия решения // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2022. – № 3. – С. 6–23.
7. Смирнов П.Е. Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века // Балтийский регион. – Т. 12. – 2020. – № 3. – С. 4–25.
8. EU Cohesion Policy: €467 million for cooperation actions in the North West Europe, Atlantic and Arctic area. 13.09.2022. – URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/newsroom/news/2022/09/13-09-2022-eu-cohesion-policy-eur467-million-for-cooperation-actions-in-the-north-west-europe-atlantic-and-arctic-area (accessed: 23.10.2022).
9. Interreg Northern Periphery and Arctic 2021–2027. Co-funded by the European Union. – URL: https://www.interreg-npa.eu/fileadmin/NPA2021-2027/Basic-Info_NPA2021-2027_Web.pdf (accessed: 23.10.2022).
10. NATO must boost presence in Arctic, Stoltenberg says. AUGUST 28, 2022. – URL: <https://www.politico.eu/article/nato-must-boost-presence-in-arctic-stoltenberg/> (accessed: 23.10.2022).

Кирилина Елизавета Юрьевна,

аспирант,

Московский государственный лингвистический университет, Москва.

Elizaveta Yu. Kirilina,

PhD student,

Moscow State Linguistic University, Moscow.

E-mail: liz.kirilina@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ФРГ ПРИ НОВОЙ ПРАВЯЩЕЙ КОАЛИЦИИ О. ШОЛЬЦА

PROSPECTS OF THE FOREIGN POLICY COURSE OF THE FRG UNDER O. SCHOLZ'S NEW GOVERNING COALITION

Аннотация: статья посвящена оценке перспектив внешней политики ФРГ после ухода канцлера А. Меркель и формирования новой правящей коалиции. В статье представлены основные государственные документы, на положениях которых основывается внешнеполитическая линия ФРГ. Приводятся результаты выборов в бундестаг в сентябре 2021 года, дается краткая информация о новой правящей коалиции, в которую вошли три партии: Социал-демократическая партия Германии, Свободная демократическая партия Германии, «Союз 90/Зеленые». Дается анализ коалиционного договора 2021 года с учетом содержащихся в нем внешнеполитических установок. Определяются основные приоритеты — содержательные и географические — внешнеполитической деятельности современной Германии. Кроме того, дается краткая характеристика основным ценностным установкам внешней политики Германии, сформировавшимся после 1945 года.

Ключевые слова: политические партии, ФРГ, внешняя политика, внешнеполитические приоритеты, ценности в сфере внешней политики, коалиционный договор.

Abstract: the article is devoted to assessing the prospects for Germany's foreign policy after the retirement of Chancellor A. Merkel and the formation of a new ruling coalition. The article contains a list of documents on the provisions of which the German foreign policy line is based. The results of the elections to the Bundestag in September 2021 are given, and brief information is given about the new ruling coalition, which includes three parties: Social Democratic Party of Germany, Free Democratic Party of Germany, the Alliance 90/The Greens. The analysis of the coalition agreement of 2021 is given, taking into account the foreign policy guidelines contained in it. The main priorities — substantive and geo-graphic — of the foreign policy activity of modern Germany are determined. In addition, a brief description is given of the main values of the German foreign policy, formed after 1945.

Key words: political parties, Germany, foreign policy, foreign policy priorities, foreign policy values, coalition agreement.

Введение

Политические партии Германии играют важную роль в формировании и реализации политического курса страны. Согласно

Основному закону ФРГ представитель партии, одержавшей победу на выборах, становится канцлером Германии, министры же назначаются из партий, вошедших в правящую коалицию. Основные установки, связанные с внешнеполитическим курсом Германии, содержатся в Конституции ФРГ, озвучиваются в выступлениях высокопоставленных политических деятелей, доктринальных документах и коалиционных договорах. После прошедших в сентябре 2021 года выборов в бундестаг и формирования правящей коалиции был подготовлен и опубликован коалиционный договор, отражающий позицию партий в том числе в сфере внешней политики ФРГ [21].

Изучение коалиционного договора 2021 года позволяет составить представление и сделать некоторый прогноз относительно перспектив и приоритетов внешней политики ФРГ при новой правящей коалиции. Для лучшего понимания и классификации приоритетов, изложенных в коалиционном договоре, они условно разделены на содержательные и географические.

Формирование и декларация установок внешней политики Германии

ФРГ принято называть «партийным государством» [3, с. 22] — данное понятие характеризует значительную, порой определяющую роль политических партий как в сфере внутренней, так и внешней политики. При выработке же внешнеполитического курса страны не могут не учитываться стратегические программные установки политических партий, находящихся у власти.

После выборов в бундестаг в сентябре 2021 года правоцентристский блок Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза (ХДС/ХСС), находившийся у власти на протяжении 16 лет, потерпел поражение, уступив место Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Распределение мест в немецком парламенте представлено на рисунке 1.

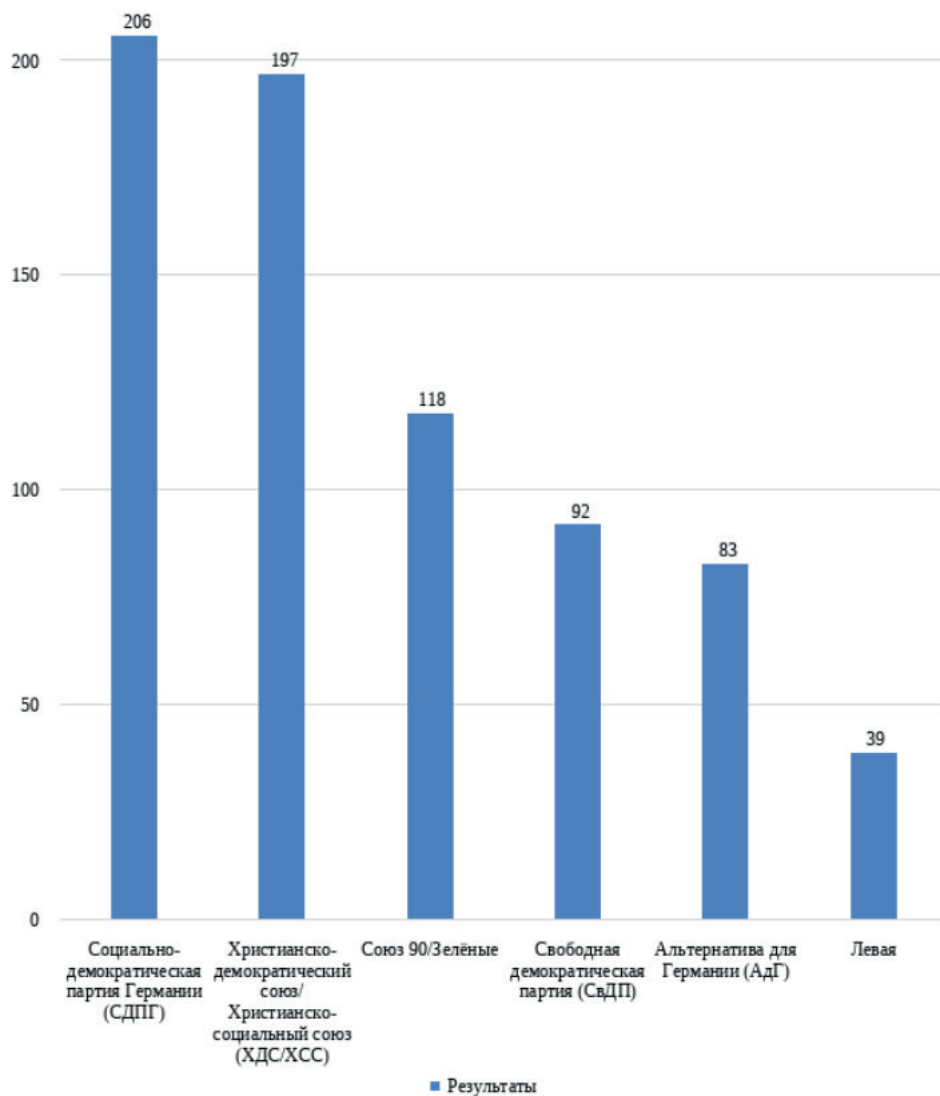

Рис. 1. Распределение мест в бундестаге [7]

Изменения в составе бундестага отражают позицию немецких избирателей и вызваны несколькими причинами. Среди них стоит выделить обострившиеся внутриполитические проблемы, такие как миграционный кризис, нерешенный вопрос с закрытием АЭС на территории Германии, результаты социальной политики ХДС, утрата политической идентичности ХДС, уход авторитетного государственного и политического деятеля Ангелы Меркель из политики и с поста председателя партии.

При этом стоит отметить, что исследователи придерживаются разных точек зрения по поводу политики ушедшего канцлера. Так, руководитель брюссельского аналитического центра Я. Эммануилидис подчеркивает, что в Берлине бывшего канцлера ФРГ ценят и уважают за стабильность. Другой исследователь придерживается мнения о том, что Меркель представляла собой пример крупного политического и государственного деятеля национального и европейского масштаба [6, с. 40]. Вместе с тем существует и полярная точка зрения относительно политики бывшего канцлера. Например, Н.В. Павлов утверждает, что заявление Меркель о том, что Германия должна полагаться только на себя, не являлось предвыборным ходом, имевшим целью привлечение голосов избирателей, скорее это стало признанием гражданского недовольства проводимым внешнеполитическим курсом ФРГ [15, с. 24]. В итоге Ангела Меркель приняла решение не баллотироваться на новый срок.

После выборов сформировалась новая правящая коалиция, состоящая из СДПГ, партии «Союз 90/Зелёные» и Свободной демократической партии Германии (СвДП). После длительных консультаций представители указанных партий подготовили коалиционный договор 2021 года.

В целом практика заключения коалиционных договоров является в Германии сложившейся политической традицией. Документ отражает согласованные позиции партий и декларацию намерений относительно внешнеполитического курса ФРГ в новом легислатурном периоде. Договор выступает в качестве стратегической платформы для совместной работы партий, образовавших коалицию, в целях проведения единого внешнеполитического курса страны.

По своей сути договоры представляют собой декларативные соглашения, заключенные двумя партиями или более в многопартийной парламентской системе, в которых отражены общие согласованные положения относительно проводимой политики в будущем. Заключению коалиционного договора обычно предшествует длительный переговорный процесс. Так, после выборов в бундестаг, состоявшихся в 2017 году, коалиционный договор был опубликован лишь в марте 2018 года.

В договорах, как правило:

- 1) определяется бюджетная политика;
- 2) излагаются подходы к решению социальных вопросов;
- 3) определяются основные направления внешней политики;
- 4) отражается отношение правительства к участию в международных конфликтах и международных организациях и т. д.

При этом, как отмечают исследователи, одной из особенностей политико-правовой основы современной ФРГ является отсутствие доктринальных документов, в которых были бы провозглашены в целостном виде основные положения внешнеполитического курса, в отличие, например, от периодически обновляемой Стратегии национальной безопасности США или Концепции внешней политики Российской Федерации [18, с. 244]. В итоге согласно установившейся в ФРГ практике внешнеполитическая линия страны и ее приоритеты основываются на положениях ряда документов.

1. Нормативная сторона внешней политики ФРГ отражается в Основном законе. В документе провозглашается включение страны в систему взаимной коллективной безопасности, если это служит «поддержанию мира» и способствует «установлению мирного и прочного порядка в Европе и между народами мира» (ст. 24). Основной закон определяет (ст. 26) и то, что «действия, которые предпринимаются с целью нарушить мирное сосуществование народов, особенно подготовка к ведению атакующей войны, являются незаконными. Они подлежат наказанию» [20, с. 5]. При этом следует отметить, что, ссылаясь на данное положение Основного закона ФРГ, власти Германии с недавних пор ужесточили санкционную политику против России из-за ведения, по их мнению, незаконной войны на Украине.

2. Как правило, существенные изменения во внешней политике объявляются в выступлениях высокопоставленных политических деятелей, таких как федеральный президент, канцлер или федеральный министр иностранных дел. Недавним характерным примером может служить речь канцлера Олафа Шольца в бундестаге 27 февраля 2022 года, которую СМИ окрестили «исторической». Выступление Шольца было ответной реакцией на начало военной операции России на Украине. В своей речи Шольц говорил о пяти задачах, которые стоят перед ФРГ: поддержка Украины;

санкционная политика, направленная против России; укрепление обороноспособности европейских государств и стран — членов НАТО; укрепление вооруженных сил Германии; главенство дипломатического подхода в отношениях с Москвой [25].

3. Доктринальные документы страны: Стратегия устойчивого развития Германии 2016 года [17], Белая книга 2016 года германской политики безопасности и будущего бундесвера [26], Концепция бундесвера 2018 года [23], Национальная водородная стратегия Федерального министерства экономики и энергетики [21], Основные направления политики в Индо-Тихоокеанском регионе [24] и др.

4. Коалиционные договоры.

Возможные направления внешней политики ФРГ после 2021 г.

Свое видение относительно перспектив развития экономической, социальной, политической и культурной жизни Германии три партии изложили на 177 страницах коалиционного договора. В документе значительное внимание уделено строительству современного государства, внедрению инноваций, защите климата. Составители вновь подчеркнули приверженность Германии демократическому политическому устройству. Интерес в связи с проблематикой внешней политики представляет седьмая глава «Ответственность Германии за Европу и мир». Здесь излагаются основные приоритеты будущей внешней политики ФРГ, оцениваются вызовы, риски, опасности и угрозы для страны (среди них, например, миграционная проблема).

В завершении документа приводится список министерств, которые возглавят представители той или другой партии в коалиции. В результате Министерство иностранных дел теперь возглавляет представитель партии «Союз 90/Зеленые» Анна-лена Бербок. Указанный факт, безусловно, свидетельствует о состоявшейся корректировке внешней политики в русле повышения внимания к защите климата и решения глобальных проблем планеты. Данное предположение подтверждается и следующей декларацией коалиционного договора: «Достижение целей по защите климата является для нас главным приоритетом» [22, с. 5].

Сгруппировать и в известной мере классифицировать перспективы внешнеполитического курса ФРГ можно по двум параметрам: содержательному и географическому.

Характеризуя содержательный параметр, стоит отметить, что основа перспективных направлений внешней политики строится на общепринятых ценностях Германии, которые сложились после Второй мировой войны. Их выделяется несколько.

Пацифизм и «моральность». Для Германии данные ценности означают осознание вины за развязывание Второй мировой войны [5, с. 85] и понимание того, что международные конфликты можно и необходимо решать дипломатическим путем, без применения военной силы. Современная линия внешней политики Германии направлена на доказательство того, что в нынешних условиях отсутствует какая-либо германская экспансия, стремление к установлению гегемонии ФРГ на континенте. Данные положения нашли свое отражение и в новом коалиционном договоре.

Вместе с тем современная политическая реальность внесла свои коррективы в пацифистскую направленность Германии. Так, речь канцлера в бундестаге 27 февраля 2022 года знаменовала актуализацию военно-силового фактора в политике ФРГ и выдвинула на повестку дня вопрос об изменениях в стратегической культуре Германии [11, с. 30]. Олаф Шольц подтвердил решение правительства о поставках оружия Украине в связи с военным конфликтом: «Другого ответа на агрессию Путина быть не могло» [25]. Более того, канцлер заявил о значительном увеличении военных расходов: на специальную статью бюджета будет одновременно выделено 100 млрд евро. Прозвучавшее заявление противоречит складывавшейся в течение десятилетий пацифистской направленности внешнеполитического курса ФРГ. Уместно напомнить, что именно такие установки были зафиксированы в коалиционном договоре в качестве базовых для внешнеполитического курса ФРГ. Недавнее заявление федерального канцлера о создании Германией самой большой армии в Европе подтверждает данную позицию. ФРГ всё более заявляет о себе как о стране, которая не только имеет возможность, но и способна занять лидирующие позиции в Европе и в мире.

Стоит отметить, что реакция МИД России не заставила себя ждать. Данные намерения Германии были восприняты в России

как путь к ремилитаризации страны, разбалансированию европейской безопасности и дальнейшему повышению рисков на Европейском континенте.

Приоритет западных ценностей, защита прав человека. Защита прав и свобод человека традиционно вписана в общую концепцию внешней политики ФРГ.

В соответствии с коалиционным договором ФРГ принимает на себя ряд обязательств [21, с. 147]:

- защита женщин-журналистов, активисток, женщин-ученых и результатов их труда;
- создание дополнительных рабочих мест в зарубежных представительствах по работе с правами человека;
- укрепление Европейского суда по правам человека;
- участие в работе Совета по правам человека ООН;
- расширение программы поощрения и защиты, в том числе Инициатива Элизабет-Селберт¹.

Приверженность многосторонней политике, которая предполагает наднациональную интеграцию. Как зафиксировано в коалиционном договоре, «великие проблемы нашего времени могут быть решены только в международном сотрудничестве и в сильном Европейском союзе» [21, с. 16]. Германия признает важность международных контактов и сотрудничества для решения глобальных проблем. ФРГ и в будущем будет придерживаться данной ценности и защищать ее в рамках ЕС и НАТО.

Ориентация на США и поддержание трансатлантических отношений. В коалиционном договоре провозглашено, что Германия должна по-прежнему решительно отстаивать свои ценности в рамках сотрудничества с демократическими партнерами с учетом трансатлантической солидарности [21, с. 4]. Данный тезис содержит в себе подтверждение сразу трех ценностей, о которых говорилось выше: трансатлантические отношения, отстаивание прав и свобод человека, приверженность многосторонней политике. Отсюда — и утверждение о том, что «трансатлантический альянс является центральной опорой, а НАТО — неотъем-

¹ Благодаря Инициативе Элизабет-Селберт (ESI) Институт международных отношений (Institut für Auslandsbeziehungen) поддерживает активистов, выступающих в защиту прав человека. Инициатива предоставляет гранты на временное переселение тем, кто из-за своей мирной приверженности правам человека находится под угрозой физического и психологического насилия, ареста, профессиональной дисквалификации и даже убийства. К ним относятся, например, группы этнических меньшинств, борющиеся за права на землю, и др.

лемой частью нашей безопасности» [21, с. 143]. Новое коалиционное правительство отказывается от решения Ангелы Меркель не увеличивать ассигнования на военные расходы. Германия собирается инвестировать 3% своего ВВП в международные действия в долгосрочной перспективе. Одновременно указывается, что применение военной силы является для Германии крайним средством [21, с. 150]. США, в свою очередь, поддерживают данные стремления ФРГ и предпринимают попытки возродить активную международную политику и трансатлантическое согласие [13, с. 80].

Важным приоритетом внешней политики современной Германии является и *климатическая политика*. ФРГ стремится быть «эталоном» в борьбе против изменения климата. Для этого предусмотрено развитие альтернативных источников энергии, закрытие АЭС, работа над экологическим сознанием граждан Германии и др. Так как в правящую коалицию вошла партия, программа которой основывается на экологической повестке дня, то, по всей видимости, вопросам климата будет уделено значительное внимание в рамках внешнеполитического курса, реализуемого новым кабинетом министров ФРГ. По мнению составителей документа, климатический кризис представляет собой одну из угроз безопасности Германии, в связи с чем зафиксировано следующее: «Климатический кризис ставит под угрозу наши средства к существованию и угрожает свободе, процветанию и безопасности» [21, с. 5].

В коалиционном договоре внимание уделяется и «мягкой силе» (МС). Предусмотрено, что в целях улучшения своего имиджа и поднятия авторитета на международной арене ФРГ использует инструменты МС. Внимание к использованию инструментария МС в ФРГ обусловлено рядом причин:

- 1) отсутствие инструментов «жесткой силы» после поражения во Второй мировой войне;
- 2) восстановление репутации страны посредством уважения прав и свобод человека и гражданина и стремление к миру [10, с. 41];
- 3) изменение геостратегического положения Германии после 1991 года. Считается, что после распада Советского Союза у границ Европейского союза образовалось большое коли-

чество стран с неустойчивым политическим режимом. Для предотвращения угроз и приобщения новых государств к европейской системе ценностей ФРГ обратилась к развитию неправительственных институтов в целях наращивания своего влияния в тех сферах, которые недоступны государственным структурам другого государства. В качестве примера можно привести деятельность Фонда Конрада Аденауэра при партии ХДС на Украине при подготовке к осуществлению «оранжевой революции» [12, с. 116].

Более того, ФРГ выстраивает определенный образ страны за рубежом, страна развивает научный и культурный диалог [15, с. 33]. К примеру, внешняя культурная политика (*Auswärtige Kulturpolitik der Bundesrepublik Deutschland*) является неотъемлемым и равноправным компонентом основ внешней политики Германии. С 60-х годов прошлого века данное направление также называют «третьим столпом» внешней политики. Основа внешней культурной политики ФРГ включает в себя образование, доступ к культурным ценностям. Примерами проведения данной линии политики выступают реставрация исторических храмов в Азии, наличие городов-побратимов в России и Германии, проведение Года Германии в США и более чем 140 немецких школ за границей.

В ФРГ сложилась система информационно-аналитических центров, которые, с одной стороны, влияют на становление и реализацию внешнеполитических решений, а с другой — служат элементом МС Германии. Политические фонды, Федеральный фонд культуры, Фонд Макса Вебера, фонд «Память, ответственность и будущее», а также частные или корпоративные фонды и организации гражданского общества являются партнерами Федерального министерства иностранных дел в контексте внешней культурной и образовательной политики. В коалиционном договоре в связи с этим говорится о необходимости развития политического образования и продвижения демократии, поскольку данная деятельность испытывает давление. Поэтому государство будет продолжать финансировать те субъекты и институты, которые участвуют в продвижении устойчивой демократии, и обеспечивать лучшую правовую защиту деятельности политических фондов [21, с. 9].

Ряд положений коалиционного договора затрагивает и нашу страну. Так, релевантным для российской экономики является намерение ФРГ *преодолеть зависимость от российских нефти и газа и повысить стратегический суверенитет Европы*. Это, прежде всего, означает создание Германией собственной способности действовать в глобальном контексте и быть менее зависимой и уязвимой в ключевых стратегических областях, к которым отнесены энергоснабжение, здравоохранение, импорт сырья и цифровые технологии. Данное положение свидетельствует о возможном сокращении импорта энергоресурсов из России. Приостановление сертификации со стороны Германии уже построенного «Северного потока — 2» укладывается в данную логику. Вполне возможно, что специальная военная операция, проводимая Россией на Украине с конца февраля 2022 года, послужила лишь поводом для принятия такого решения со стороны ФРГ. Уже 8 мая 2022 года страны «Большой семерки» договорились о постепенном отказе от импорта российской нефти, а с 10 августа в Евросоюзе начал действовать запрет на импорт угля из России.

В Министерстве экономики Германии ранее отмечали, что отказ от российской нефти станет «тяжелым бременем» для страны, однако подтвердили готовность пойти на этот шаг [8]. Несмотря на предостережения экспертов и аналитиков о невозможности полностью отказаться от российских ресурсов в обозримом будущем, страны Евросоюза демонстрируют твердость своих намерений. Возможно, действия российского руководства, энергетический кризис, недовольство и протесты граждан, о правах которых беспокоятся власти европейских стран, повлияют на отход от санкционной политики, в том числе связанной с поставками энергоресурсов.

Заслуживает внимания и заявление о принятии Германией на себя большей *ответственности* за положение дел в Европе и мире [2, с. 128—138]. Между тем намерение принять большую ответственность за положение дел в мире декларировалось еще в Белой книге о политике безопасности Германии и будущем бундесвера 2006 года [27].

В коалиционном договоре 2021 года вновь утверждается: «Мы знаем о глобальной ответственности Германии как четвертой по величине экономики в мире» [21, с. 130]. Германия тради-

ционно уделяет значительное внимание экономическим вопросам: сильная экономика способна не только повысить престиж на международной арене, но и способствовать развитию международных связей, улучшить инфраструктуру и инвестировать средства в другие государства для приобретения большего влияния на международной арене.

Важными для ФРГ представляются не только трансатлантические отношения, но и *отношения внутри Европейского союза*. Как отмечено в связи с этим в новом коалиционном договоре, «наша цель — создать суверенный ЕС как сильного игрока в мире, характеризующемся неопределенностью и системной конкуренцией» [21, с. 135]. В документе прослеживаются два основных направления внешней политики Германии в ЕС — безопасность и расширение. ФРГ будет всячески поддерживать процесс вступления в ЕС шести государств Западных Балкан и содействовать реформам, необходимым для того, чтобы соответствовать всем необходимым критериям. Кроме того, после начала специальной военной операции ФРГ заявила о желании принять Украину в состав ЕС, однако министр иностранных дел страны подчеркнула, что это будет сложный и длительный процесс. Германия выступает за расширение сотрудничества национальных армий ЕС и стремится к созданию общих командных структур и гражданско-военного штаба. Для этого необходимо обеспечить оперативную совместимость и взаимодополняемость с командными структурами и возможностями НАТО [21, с. 135]. К стратегически важным и соответствующим интересам ФРГ относилась активная европейская интеграция, позволившая создать в Европе пространство безопасности [16, с. 91]. В подтверждение необходимо сказать о заявлении ФРГ в поддержку вхождения Финляндии и Швеции в НАТО, которое в итоге, как считают в Германии, усилит безопасность внутри ЕС.

Актуальные для современной Германии вопросы *миграции* также не остались обойденными вниманием в договоре. Однако партии не дали никаких конкретных установок по поводу будущего урегулирования данного вопроса. В новом коалиционном договоре сделана ставка на решение проблем тех мигрантов, которые уже находятся на территории Германии. К примеру, провозглашается намерение развивать интеграционные процессы

внутри страны для ускоренного вхождения беженцев в немецкое общество [21, с. 138].

При этом Германия намерена бороться с неконтролируемой и нелегальной миграцией, которая может быть опасна и для самих мигрантов, прибывающих в страну. Важным представляется и заявление о том, что Германия намерена устранить причины бегства людей из других стран [21, с. 142]. В настоящее время миграционный кризис усугубляется вследствие потока беженцев из Украины. По словам министра внутренних дел Нэнси Фезер, с начала боевых действий в Германию прибыли 967 546 военных беженцев [9].

Географические приоритеты внешней политики ФРГ после 2021 г.

Внешнеполитический курс ФРГ обнаруживает и региональное измерение.

1. Инвестиции в Африку.

Одним из географических приоритетов является Африка. Германия будет вкладывать 0,2% ВВП в беднейшие страны Глобального Юга. Как утверждается в договоре, «в будущем мы стремимся к тесному партнерству с Африкой на всех уровнях, на двусторонней основе и в рамках согласованной стратегии ЕС–Африка» [21, с. 156].

2. Великобритания. В коалиционном договоре Великобритании уделяется не так много внимания, как США или России. Вместе с тем подчеркивается важность Великобритании в качестве партнера ФРГ во внешней политике и политике безопасности вне рамок ЕС [21, с. 121].

3. Интерес представляет позиция новой правящей коалиции по поводу отношений с *Российской Федерацией*. Отличительным моментом коалиционного договора является признание того факта, что Россия представляет собой важного международного игрока. Такая оценка говорит о признании роли России в мировом политическом процессе и понимании того, что Россия способна представлять и защищать свои интересы в любой точке мира. Вместе с тем, когда речь идет о политике ФРГ по отношению к России, фактически реализуется политика «двойных стандартов». Соответствующие доказательства обнаруживаются в коалиционном договоре 2021 года (табл. 1).

Таблица 1

Оценка России в коалиционном договоре

Положительные стороны	Отрицательные стороны
1. Признание важности стабильных отношений и стремление к ним	1. Требования о немедленном прекращении попыток дестабилизации на Украине, насилия на востоке Украины и незаконной аннексии Крыма
2. Готовность к конструктивному диалогу	2. Уважение интересов европейских соседей, особенно партнеров в Центральной и Восточной Европе; принятие во внимание предположений об угрозах и выработка общей и последовательной политики ЕС в отношении России
3. Решение интересов обеих сторон на основе принципов международного права	3. Критика всеобъемлющего ограничения гражданских и демократических свобод
4. Сотрудничество с Россией по вопросам будущего (водород, здравоохранение) и по решению глобальных проблем (вопросы климата, окружающей среды)	
5. Создание возможности безвизового путешествия из России в Германию для особенно важных аудиторий, например молодых людей в возрасте до 25 лет (несмотря на такое положение в коалиционном договоре, специальная военная операция России на Украине внесла свои коррективы: Еврокомиссия утвердила соглашение об отмене упрощенного визового режима с Россией)	

Таким образом, несмотря на влияние США на выработку приоритетов внешней политики ФРГ, Германия осознает важность России как экономического партнера и ее роль в обеспечении безопасности на Европейском континенте.

При этом существенная корректировка внешнеполитического курса Германии по отношению к России произошла после начала военной операции на Украине. Германия начала активно действовать не в интересах России: страна присоединилась к санкциям против Российской Федерации, оказывает военную, техническую и материальную поддержку Украине. Недружественным шагом стало объявление внешнеполитическим ведомством

ФРГ 40 российских дипломатов «нежелательными лицами» [19]. Ясно, что внешнеполитическая ситуация оказывает прямое влияние на отношения между государствами.

В коалиционном договоре изложена позиция Германии по отношению к Республике Беларусь. Ссылаясь на свои основные ценности и продвижение демократии по всему миру, ФРГ поддерживает стремление народа Беларуси к демократическим выборам. В связи с этим заявлено: «Вмешательство России в поддержку Лукашенко недопустимо» [21, с. 122]. Германия будет продолжать санкционную политику, направленную против Беларуси, если не произойдет смена политического режима.

Отдельного внимания заслуживает внешняя политика ФРГ по отношению к Израилю, с которым Германия всячески старается развивать и поддерживать дружественные отношения. Одной из задач развития отношений с этим государством является стирание образа агрессора в глазах всего мира. Так, в 1991 году Германия открыла границы для въезда в страну евреев из бывшего СССР. В итоге Израиль забил тревогу, когда выяснилось, что с 2003 года в Германию впервые потянулось больше евреев, чем в сам Израиль [14, с. 95].

Китай. КНР — один из самых сложных стратегических партнеров ФРГ [1, с. 50]. В рамках немецко-китайских отношений Германия уделяет внимание двум основным аспектам: экономическому сотрудничеству и конфликтам, участником которых является Китай. Германия стремится сформировать «доброе» сотрудничество с этой страной, краеугольным камнем которого становятся здоровая конкуренция и системное соперничество. Германия выступает за урегулирование территориальных споров в Южно- и Восточно-Китайском морях на основе международного морского права. Кроме того, в коалиционном договоре выражено мнение, что изменение статус-кво в Тайваньском проливе может происходить только мирно и по обоюдному согласию.

Ближний Восток давно стал одним из актуальных направлений во внешней политике множества западных стран. Главная причина заключается, разумеется, в наличии большого запаса полезных ископаемых в регионе. В коалиционном договоре утверждается, что мир и стабильность на Ближнем Востоке являются частью их основных интересов (табл. 2).

Таблица 2

**Будущие направления внешней политики ФРГ
на Ближнем Востоке согласно коалиционному договору 2021 г.**

№	Страна	Внешиполитический курс по отношению к данной стране
1	Иран	<ol style="list-style-type: none"> 1) Скорейшее завершение ядерных переговоров с Ираном; 2) соблюдение Ираном своих обязательств перед Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ); 3) улучшение ситуации с правами человека и освобождение политзаключенных; 4) понимание и признание того, что угроза миру и безопасности заключается в поддержке террористической деятельности; 5) развитие демократического режима, защита прав и свобод человека.
2	Сирия	<ol style="list-style-type: none"> 1) Гуманитарная помощь; 2) деятельность под эгидой ООН (расследование и судебное преследование военных преступлений); 3) развитие демократического режима, защита прав и свобод человека.
3	Йемен	<ol style="list-style-type: none"> 1) Гуманитарная помощь; 2) деятельность под эгидой ООН (расследование и судебное преследование военных преступлений); 3) развитие демократического режима, защита прав и свобод человека.
4	Ливия	<ol style="list-style-type: none"> 1) Стабилизация политического, экономического, социального положения в Ливии; 2) развитие демократического режима, защита прав и свобод человека.
5	Афганистан	<ol style="list-style-type: none"> 1) Гуманитарная помощь; 2) развитие демократического режима, защита прав и свобод человека.

Заключение

С одной стороны, внешнеполитический курс ФРГ сохраняет те базисные установки и принципы, которые сформировались после окончания Второй мировой войны: пацифизм, западные либеральные ценности, отказ от односторонних действий на международной арене, развитие и поддержка трансатлантических отношений. Правомерно ожидать, что не претерпят качественных изменений и подходы Германии к решению проблем, которые сформировались при Ангеле Меркель: климатическая

политика, миграция, развитие отношений не только внутри НАТО, но и с другими государствами мира — странами Африки, АТР и др., помощь Израилю, — и она продолжит усиливать свою ответственность в мире в качестве «локомотива» Европы.

С другой стороны, в коалиционном договоре 2021 года сформированы новые приоритеты в сфере внешней политики, складываются предпосылки для изменений во внешнеполитическом курсе и в стратегической культуре ФРГ [4, с. 12].

Нельзя не отметить изменения, которые происходят после выборов в бундестаг: они отражают новую расстановку сил. Изменения касаются энергетической политики. Германия нацелена на отказ от импорта полезных ископаемых и повышение стратегического суверенитета Европы. Следует ожидать существенного осложнения развития экономических отношений между ФРГ и Российской Федерацией вопреки интересам самой Германии. Другим важным изменением становится увеличение военных расходов ФРГ — новое коалиционное правительство отказывается от решения своих предшественников не увеличивать их. Германия собирается инвестировать 3 % своего ВВП в международные действия в долгосрочной перспективе.

В завершение следует отметить, что пониманию и прогнозированию внешнеполитического курса Германии способствует осмысление содержания коалиционных договоров, анализ программных заявлений политических деятелей ФРГ, документов партий и правящей коалиции бундестага. С учетом их оценки должна выстраиваться политика России по отношению к Германии.

Литература

1. Белов В.Б. Внешняя политика Германии в условиях актуальных вызовов // Международная аналитика. – Т. 12. – 2021. – № 3. – С. 38–58.
2. Белозёров В.К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии // Вестник аналитики. – 2006. – № 3. – С. 128–138.
3. Белозёров В.К. Информационное обеспечение военной политики ФРГ: опыт и возможности его использования в России: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003. – 198 с.
4. Белозёров В.К. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – Вып. 1 (846). – С. 10–18.
5. Боровикова А.А. Эволюция военной стратегии ФРГ в 1990-е годы: факторы, ценности, нормы // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 7 (261) – С. 84–90.
6. Васильев В.И. Поиск правительственного альянса в Германии // Обозреватель – Observer. – 2021. – № 11 (382). – С. 40–58.

7. Выборы в бундестаг 2021 года. – URL: <https://www.deutschland.de/ru/vyborny-v-bundestag-2021-go-goda> (дата обращения: 10.03.2022).
8. Германия заявила о готовности поддержать эмбарго на российскую нефть. – URL: <https://www.rbc.ru/business/03/05/2022/627081519a794794df842adf> (дата обращения: 03.06.2022).
9. Германия приняла с начала спецоперации около миллиона украинских беженцев. – URL: <https://ria.ru/20220823/bezhentsy-1811647097.html> (дата обращения: 03.06.2022).
10. Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. – Т. 9. – 2014. – № 2. – С. 28–58.
11. Лапинс В. Стратегическая культура: детерминанты, стандарты действий, модели поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – Вып. 1 (846). – С. 29–39.
12. Никитин А.К. Современная внешнеполитическая стратегия ФРГ. – М.: [б. и.], 2008. – 319 с.
13. Огнева А.В. Трансатлантический вектор внешней политики ФРГ после Трампа // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 1 (25). – С. 79–88.
14. Орлова Е.А. Преодоление «комплекса вины» во внешней политике ФРГ // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. – Т. 1. – 2010. – № 1. – С. 92–96.
15. Павлов Н.В. Германия после Меркель (ждать ли изменений во внешней политике ФРГ?) // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 22–35.
16. Петросян Д.В. Внешнеполитические установки Федеративной Республики Германии в постбиполярном мире // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – Т. 7. – 2021. – № 3 (73). – С. 87–98.
17. Стратегия устойчивого развития Германии – 2016. – URL: <https://ekapraekt.by/wp-content/uploads/2019/06/nachhaltigkeitsstrategie-rs.pdf> (дата обращения: 19.03.2022).
18. Цвык А.В. Концептуальные основы внешней политики ФРГ // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 6. – С. 244–251.
19. Германия вышлет 40 российских дипломатов. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/04/2022/624b17379a7947033abc4d94> (дата обращения: 20.04.2022).
20. Basis der deutschen Außenpolitik 2016 Deutscher Bundestag Dokumentation. WD 2 – 3000 – 109/16. – 9 s.
21. Die Nationale Wasserstoffstrategie Bundesministerium für Wirtschaft und Energie 2020 / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (BMWi) (Hrsg.). – Berlin. – 32 s.
22. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90 / Die Grünen und FDP. –2021. – 144 s. – URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (accessed: 14.03.2022).
23. Konzeption der Bundeswehr 2018. – URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/26544/9ceddf6df2f48ca87aa0e3ce2826348d/20180731-konzeption-der-bundeswehr-data.pdf> (accessed: 19.03.2022).
24. Leitlinien zum Indo-Pazifik Weißbuch / Bundesministerium für Auswärtiges Amt (Hrsg.). – Berlin, 2020. – 72 s.
25. Scholz: „Nehmen die Herausforderung an“. – URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/video/scholz-bundestag-sondersitzung-statement-ukraine-100.html> (accessed: 19.03.2022).
26. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.). – Berlin, 2016.
27. Weißbuch 2006 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.). – Berlin, 2006. – 149 s.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Лисенкова Алена Денисовна,

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Alena D. Lisenkova,

postgraduate student,

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

E-mail: alena.denisovna@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ НА УЧАСТИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРТИЙ В ВЫБОРАХ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ 2019 г.

THE INFLUENCE OF THE ENVIRONMENTAL AGENDA ON THE PARTICIPATION OF THE EUROPEAN PARTIES IN THE 2019 EUROPEAN ELECTIONS

Аннотация: данная статья посвящена эволюции экологической повестки Европейского союза и анализу ее последующего влияния на трансформацию основных европейских политических партий, а также отражению данных изменений на ходе и результатах избирательной кампании в Европейский парламент в 2019 г. Ввиду лидерских амбиций ЕС в вопросах защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата, а также вследствие высокого уровня озабоченности проблематикой среди граждан его государств-членов данная повестка остается одной из центральных. Несмотря на дифференциацию своих идеологических особенностей, сравнительный анализ эволюции курса основных европейских партий показал, что партии-еврооптимисты стремились к адаптации существующих экологических целей под собственные основные политические приоритеты и/или к приумножению текущих европейских достижений. Тогда как партии-евроскептики по большей части либо просто не отрицали, либо даже игнорировали экологические проблемы, пытаясь при этом критиковать уже используемые Европейским союзом механизмы. В результате автором выявлена взаимосвязь общественной поддержки в отношении экологических мер с трансформацией риторики европейских партий и с увеличением числа полученных в созыве мест, как для «зеленых», так и для ряда других партий, акцентировавших внимание на экологической проблематике. Кроме того, определены причины предпочтения избирателями в ряде государств-членов партий-евроскептиков с преимущественно неэкологическими приоритетами.

Ключевые слова: Европейский союз, европейская партия, Европейский парламент, выборы, экологическая повестка, окружающая среда, изменение климата.

Abstract: this article is devoted to the evolution of the environmental agenda of the European Union and its influence on the transformation of the main European political parties, as well as the reflection of these changes in the course and results of the European election campaign in 2019. According to the EU's leadership ambitions in protecting the environment and combating climate change, and the high level of concern among the citizens of its member states, this agenda remains one of the most important ones. Despite the differentiation of their ideological features, a comparative analysis of the evolution of the courses of main European parties has shown that Euro-optimist parties strive to adapt existing environmental tasks to their main political priorities and/or to multiply current European achievements. At the same time, Eurosceptic parties mostly either do not deny or even ignore the environmental issues, trying to criticize the mechanisms already used by the European Union. As a result, the author reveals the connection of public support for environmental measures with the transformation of the rhetoric of European parties as well as the increase of both the 'green' members of the European Parliament and representatives of a set of other parties which paid more attention to environmental issues. In addition, the reasons for voters' preference in a group of member states for Eurosceptic parties with predominantly non-environmental priorities were explained.

Key words: European Union, European party, European Parliament, elections, environmental agenda, environment, climate change.

Введение

Вопросы защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата уже долгие годы находятся на переднем плане политического курса Европейского союза (ЕС). Постепенный отход от исключительно экономических приоритетов, начавшийся в 70-е годы XX века, привел к устойчивой преимуществом в позиционировании себя как экологического лидера на мировой политической арене. Данное обстоятельство стало стимулом для включения экологических элементов во все политические сферы ЕС, а также отразилось на его институциональной основе. Показательным является Европейский парламент, представляющий собой одновременно и орган власти, и представительство граждан. Здесь благодаря различию в размерах и популярности комитетов можно увидеть приоритеты Союза, тогда как распределение мест среди политических групп отражает идеологические предпочтения граждан, прежде всего через их выбор в пользу той или иной наднациональной, или транснациональной, европейской партии на выборах в Европейский парламент.

Согласно ст. 138 а Маастрихтского договора именно политические партии «на европейском уровне важны как фактор интеграции внутри Союза. Они способствуют формированию европейского сознания и выражению политической воли граждан Союза» [52]. После вступления в силу Лиссабонского договора ценность партий увеличилась, так как согласно п. 7 ст. 9D, на-

значение президента Европейской комиссии происходит в соответствии с «принятием во внимание выборов в Европейский парламент» [51].

С ростом значимости европартий исследование влияния на них ключевой для Союза экологической повестки является актуальным для понимания как институциональных изменений в Союзе, так и процесса трансформации самих партий. В статье рассматриваются Европейская народная партия, Партия европейских социалистов, Альянс либералов и демократов за Европу, Европейская демократическая партия, Европейская партия зеленых («Европейские зеленые»), Европейский свободный альянс, Партия европейских левых («Европейские левые»), Альянс консерваторов и реформистов в Европе (ныне Партия европейских консерваторов и реформистов) и Движение за Европу наций и свобод (ныне Партия идентичности и демократии).

Целями исследования служат характеристика основных особенностей эволюции экологической повестки ЕС, а также определение степени ее влияния на произошедшую трансформацию основных современных европейских партий накануне и в рамках подготовки, хода и результатов избирательной кампании в Европейский парламент в 2019 году. В качестве основных источников для сравнительного анализа выступают манифесты партий, а также выступления первых лиц Союза, данные социологических опросов (Евробарометра), представленные Европейским парламентом статистические данные результатов выборов и др. Эти категории позволяют детально рассмотреть трансформацию партий не в контексте всех ключевых политических тенденций в Союзе, основанных на актуальных политических кризисах, а через влияние отдельно взятой экологической повестки, значимость которой стабильно увеличивается на протяжении последних нескольких десятилетий.

Основные особенности эволюции экологической повестки до 2019 г.

Лидерские экологические амбиции Союза прослеживались еще с 1980-х годов. Так, Ж. Делор, президент Европейской комиссии, в 1989 году декларировал о месте Европы «на переднем крае всемирной кампании по сохранению окружающей среды»

[4]. На современном этапе преимущественно фокус сместился с разрешения экологических проблем в целом на борьбу с изменением климата в частности с его основными приоритетами в виде сокращения выбросов парниковых газов, повышения энергоэффективности и внедрения возобновляемых источников энергии. В частности, Дж. ла Виа, председатель Комитета по окружающей среде, здравоохранению и безопасности продуктов питания, в контексте ратификации Парижского соглашения определил ЕС как «исторического лидера в борьбе с изменением климата» [37]. В действительности риторика была подкреплена весьма амбициозным целевым показателем, выражающемся в намерении «сократить выбросы парниковых газов по крайней мере на 40 % в сравнении с уровнем 1990 г.» [33, р. 17]. Парижское соглашение можно было воспринимать как промежуточный венец усилий Европейского союза, долгие годы нацеленного на заключение юридически обязательного глобального климатического соглашения [8, р. 1382]. За его подписанием последовал ряд экологических и энергетических трансформаций в ЕС. В частности, в 2016 году Комиссия выдвинула широкий перечень инициатив, вошедших впоследствии в пакет «Чистая энергия для всех европейцев», одной из задач которого было как раз выполнение обязательств по Парижскому соглашению [10]. На национальном уровне государства с разной степенью амбициозности отнеслись к климатическим целям. Традиционно к числу наиболее экологически вовлеченных можно было причислить страны Северной и Западной Европы. Например, собственный целевой показатель Германии составлял существенно более высокую отметку, предполагавшую сокращение на 55 % к 2030 году [16].

На международной арене также был повышенный интерес к климатической повестке, в том числе благодаря СМИ. Так, в 2018 году был опубликован специальный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата «Глобальное потепление на 1,5 °С», а также появилось движение «Школьная забастовка за климат» [44, р. 41]. На практике Союз к 2019 году принял множество как всеобъемлющих региональных экологических документов (например, Седьмая программа экологических действий (2014—2020)), так и более профильных

актов, не только климатического характера (как Рамочная директива по водным ресурсам).

Институционально к 2019 году в Европейском парламенте Комитет по окружающей среде, здравоохранению и безопасности продуктов питания превратился в один из самых многочисленных. Помимо этого в отчете за 1999—2004 годы он числился как «самый загруженный» [17]. Его размеры связывались самим Союзом с амбициями именно в борьбе с изменением климата [3], несмотря на то что в 2007 году в связи с высокими ожиданиями от конференции в Копенгагене (2009) под данную проблематику создавался и специальный временный Комитет по изменению климата [15, р. 73—74].

Историческому появлению первых «зеленых» способствовали Конференция ООН по проблемам окружающей среды, Первая программа экологических действий и нефтяной кризис. Со временем они прошли в Европарламент, а в 1989 году даже смогли создать собственную политическую группу. Их еще более масштабная наднациональная координация началась с возникновением Европейской федерации зеленых партий в 1993 году [19; 35] и добавлением подгруппы «Лево-зеленые Севера» в политическую группу «Европейские объединенные левые» после расширения 1995 года [27].

В 2004 году появились Европейская партия зеленых на базе Европейской федерации зеленых партий [34] и Северный альянс зеленых и левых (далее — Альянс) [18, р. 529]. Если оценивать их эволюционную динамику, то в 2014 году (последние выборы перед 2019 г.) в Европейском парламенте Европейская партия зеленых получила свыше 35 мест [43, р. 156], тогда как Северный альянс зеленых и левых ни разу не занимал более пяти мест. В 2014 году его представляли только три депутата [12]. Однако их результаты некорректно сравнивать. Альянс не является европейской партией. Хотя, с одной стороны, «Европейские зеленые» действительно получали больше мест, но и квота от северных государств меньше, а количество партий-членов от Северного альянса зеленых и левых немногочисленна. Кроме того, Европейская партия зеленых популярнее и не имеет крайне левой идеологии, а также более политически активна. С другой стороны, их членство может пересекаться. Из девяти партий Альянса, ассо-

цированного со странами Северного совета, только пять относятся к государствам — членам ЕС и могут претендовать на места в Европарламенте. Это — датские «Альтернатива», «Единый список — Красно-зеленая коалиция» и Социалистическая народная партия, а также финский Левый союз и шведская Левая партия [28]. При этом «Альтернатива» ни разу не проходила в Европейский парламент, а Социалистическая народная партия традиционно присоединялась к группе «Зеленые — Европейский свободный альянс», являясь с 2014 года также членом Европейской партии зеленых [47], тогда как «Единый список — Красно-зеленая коалиция» и Левый союз входят в Партию европейских левых [36]. Помимо этого были и экологически ориентированные депутаты, которые присоединяются только к одной из двух групп или к неприсоединившимся, а их национальные партии не являются членами европартий и/или Альянса.

Другим определяющим моментом стала постепенная переориентация членов уже упомянутой Партии европейских левых, где социалистические интересы дополнились экологическими воззрениями. Образованный таким образом «экосоциализм» обвинил капитализм в экологическом кризисе [53, р. 498]. Однако подобные веяния далеко не всегда встречали поддержку у избирателей, как ввиду крайне левой идеологии для экологически настроенных из них, так и из-за трансформации привычных социалистических идей в «экосоциализм» для сторонников традиционных взглядов.

Кроме «Европейских зеленых» и «Европейских левых» к экологической повестке начали постепенно обращаться и другие основные европейские партии, к наиболее известным из которых в 2014 году относились Европейская народная партия, Партия европейских социалистов, Альянс либералов и демократов за Европу, Европейская демократическая партия, Европейский свободный альянс и Альянс европейских консерваторов и реформистов (позднее — Альянс консерваторов и реформистов в Европе). Согласно манифестам или программам все они с учетом адаптации под собственные идеологические особенности признали существенность экологических проблем для Европейского союза и/или его государств-членов [5; 11; 13; 29; 39; 54]. Исключение составил Европейский альянс за свободу (позд-

нее — Движение за Европу наций и свобод), в приоритеты которого экологическая повестка не входила [21].

К дальнейшему углублению позиций подтолкнули происходящие экологические (преимущественно климатические) тенденции, оказавшие влияние на предпочтения граждан. Согласно данным Евробарометра за март 2019 года (за два месяца до выборов), к трем основным проблемам Союза относились иммиграция (32%), терроризм (25%) и изменение климата (20%). Окружающая среда, включающая в себя остальные экологические направления, оказалась только на пятом месте, пропустив вперед экономическую ситуацию [46]. Для сравнения: в 2014 году изменение климата (5%) и окружающая среда (4%) заняли 10—11 и 12 места соответственно [45]. В результате резкое повышение внимания к климатической проблеме стало причиной даже появления специального названия — «климатические выборы» [40, р. 274].

Отражение экологической повестки на ходе избирательной кампании в Европейский парламент в 2019 г.

Одним из ключевых мероприятий избирательной кампании можно считать проводящиеся с 2014 года дебаты среди Spitzenkandidaten (ведущих кандидатов, претендующих на пост президента Европейской комиссии) от европейских партий. Здесь 15 мая 2019 года приняли участие представители шести из них: Альянса консерваторов и реформистов в Европе, Альянса либералов и демократов за Европу, Европейской партии зеленых, Европейской народной партии, Партии европейских левых и Партии европейских социалистов. Особая значимость события обусловлена взаимосвязью выборов и назначения на пост президента Европейской комиссии.

В качестве общей тенденции можно определить стремление к включению партиями экологической проблематики с акцентом на борьбе с изменением климата в разные рубрики. Наравне со С. Келлер от Европейской партии зеленых наиболее активно проявила себя М. Вестагер от либерал-демократов, связав как причины миграционных проблем, так и необходимость лучшего контроля торговли с изменением климата, а в экологической рубрике сделав акцент на взаимосвязи решения экологических

проблем и безработицы (через создание рабочих мест в новых секторах) [1, с. 104; 25]. Тем самым она провела ассоциацию между экологией и наиболее значимыми вопросами на разных уровнях: безработицей — на национальном и иммиграцией — на наднациональном [1, с. 104; 46].

Климатических вопросов коснулись наиболее широкие дискуссии. Доказательством может служить стычка М. Вебера от наиболее широко представленной в рамках нескольких предыдущих созывов Европейской народной партии со С. Келлер, которая попыталась обвинить христианских демократов в отсутствии поддержки амбициозных предложений. Данная риторика столкнулась с контраргументом о необходимости учета всех составляющих устойчивого развития, которое не сводится исключительно к экологии. Дополнил критику также достаточно активный Ф. Тиммерманс от Партии европейских социалистов, который назвал христианских демократов «динозаврами» [1, с. 105; 25].

Ранее к подобной терминологии прибегала Сеть действий в области климата. Тогда из сохранившихся после 2019 года групп (в ряде случаев под другими названиями) помимо Европейской народной партии к «динозаврам» в отношении климата были отнесены «Европейские консерваторы и реформисты», а также «Европа наций и свобод» (ныне «Идентичность и демократия»). К «тормозящим» причислялись группа Альянса либералов и демократов за Европу (ныне «Обновляя Европу»), а к «защитникам» — группы «Зеленые — Европейский свободный альянс», «Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера» (ныне «Левые в Европейском парламенте — ЕОЛ/ЛЗС») и Прогрессивный альянс социалистов и демократов, представителем которого и является Ф. Тиммерманс [14].

Сами социал-демократы ранее предлагали повысить целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов с 40 до 55%. Например, в 2018 году об этом говорил Й. Лейнен, председатель Сети по окружающей среде и изменению климата [38]. В связи с популярностью Парижского соглашения целевой показатель по проценту сокращения постепенно превратился в один из ключевых экологических маркеров. Однако в предвыборных манифестах инициативу повышения до 55% закрепили только Европейская партия зеленых и Альянс либералов и де-

мократов за Европу (АЛДЕ), что, как и дебаты, нарушило логику представленной выше классификации в отношении либерал-демократов [26; 50]. Прогрессивность АЛДЕ поддержала Европейская демократическая партия, партнер по политической группе, которая хоть и не заявила аналогичные цифры (как и какие-либо другие), зато более глубоко в сравнении с большинством конкурентов проработала экологические положения, в том числе включив изменение климата в перечень ключевых тем. Партия декларировала также, что «переход к зеленой экономике должен стать третьей промышленной революцией» [24].

Для сравнения: на партийном Конгрессе в Хельсинки наиболее влиятельная и ассоциирующаяся с текущим курсом Европейская народная партия выразила приверженность уже закрепленным целям [7]. Более того, М. Вебер лично критиковался за затянувшееся игнорирование важных экологических вопросов в своей кампании, что изменилось в итоге не без доли давления (в том числе со стороны Германии) [31]. В свою очередь Я. Захрадил от Альянса консерваторов и реформистов в Европе на Сине-зеленом саммите партии обвинил «зеленое» движение в «потере своего интеллектуального пути» и выразил озабоченность, касающуюся превосходства изменения климата над прочими направлениями защиты окружающей среды (например, нехваткой воды и засухой) [55]. Однако альтернативы в своей предвыборной программе на пост главы Еврокомиссии (аналог манифеста) партией не предлагалось, а экологическая повестка была проигнорирована целиком. Учитывая евроскептический настрой партии, это также можно рассматривать как протест [42].

В целом партии попытались адаптировать свои идеологические основы под экологическую проблематику. Так, Альянс либералов и демократов за Европу сделал большой акцент на модернизации экономики, а Партия европейских социалистов — на социальных нуждах (например, чистый общественный транспорт) [6; 26]. Европейский свободный альянс поставил в один ряд экологические, культурные и языковые проблемы, а также сравнил баланс в био-разнообразии с культурным балансом [9]. Его партнер по группе, «Европейские зеленые», учитывая свой экологический профиль, был более радикален в сравнении с оппонентами, предложив среди прочего полный отказ от угля к 2030 году [50].

«Европейские левые» кроме критики капитализма добавили желание предотвратить приватизацию природных ресурсов, включить «права на ресурсы» в перечень фундаментальных прав, а также бороться с соглашениями о свободной торговле. Последнее можно связать не только с экологией, но и с достаточно евроскептическим курсом партии [30]. Однако если Партия европейских левых высказалась сдержанно, то ее национальный член — «лево-зеленый» финский Левый союз — предложил достичь «климатической нейтральности» уже к 2040 году [20]. Граница между «левыми» и «лево-зелеными» становится все прозрачнее, а общая политическая группа в 2020 году и вовсе получила более обобщенное название «Левые в Европейском парламенте — ЕОЛ/ЛЗС» [48].

Стоит выделить Движение за Европу наций и свобод, до 2019 года формировавшее группу, представляющую крайне правый идеологический фланг Европейского парламента. Ни в группе, ни в партии накануне выборов не было единства мнений по экологической повестке, тогда как антропогенное влияние на изменение климата и вовсе ставилось под сомнение рядом будущих членов группы «Идентичность и демократия». Более того, это не зависело от их наднационального партийного членства. Для сравнения: например, Датская народная партия (только член группы) и «Национальное объединение» постепенно стали смягчать свои экологические позиции, тогда как «Альтернатива для Германии» (только член группы) и Консервативная народная партия Эстонии не стали этого делать [2, с. 49—50]. Это говорит о куда более глубоких противоречиях, чем просто разница предлагаемых целевых показателей.

Однако в совокупности можно констатировать, что остальные европартии заострили свое внимание на достаточно коротком списке экологических тем, куда вошли Парижское соглашение, циркулярная экономика, экологизация сельского хозяйства, социальная составляющая экологической политики, а также инновации и инвестиции. Осознавая популярность экологических проблем, они действительно уделили им повышенное внимание в сравнении с кампанией 2014 года.

Влияние экологической повестки на результаты выборов в Европейский парламент в 2019 г.

Хотя заинтересованность граждан в экологической повестке возросла, определенная дифференциация между государствами-членами все-таки присутствовала. Согласно данным Евробарометра, наибольшая поддержка встречалась у граждан Бельгии, Германии, Дании, Нидерландов и Швеции. В данных государствах вопросам окружающей среды, климата и энергетики было отведено первое место среди широкого перечня иных национальных проблем, с показателем от 30 до 57%. Корреляция процента поддержки и членства в еврозоне или его отсутствия продемонстрировала разброс с 20 до 14% [46]. Преимущественно это объясняется не только более высокой степенью приверженности европейским ценностям из-за длительного членства в ЕС многих участников еврозоны, но и экономическими показателями данных стран, отодвигающими экологические проблемы на второй план из рациональных соображений. Доказательством выступили высокие показатели у ряда государств-членов (Дания и Швеция), не участвующих в еврозоне не из-за несоответствия критериям конвергенции. Аналогичная корреляция присутствовала на наднациональном уровне, где у государств еврозоны проблема изменения климата заняла 2-е место среди широкого перечня проблем, а вне еврозоны — только 3-е. В свою очередь, наибольшую популярность они получили в Дании, Финляндии, Франции и Швеции, набрав от 29 до 53% поддержки [46].

Согласно поствыборным опросам, проводившимся среди 28 тыс. избирателей, 25% посчитали, что, проголосовав, смогут изменить ситуацию в борьбе с изменением климата и защите окружающей среды, — это наибольшее значение. Тогда как 37% назвали экологическую повестку определяющей темой при голосовании [49].

Прежде всего, произошедшие изменения отразились на позициях группы «Зеленые — Европейский свободный альянс». Они позволили достичь 4-го места среди всех групп и получить 74 места из 751 [22]. «Европейские зеленые» приобрели 58 мест. Рост отмечался сразу у восьми национальных партий-членов, а самый существенный был у Германии (+10 мест) и Франции (+6 мест). Одно место потеряла Австрия и два — Швеция [41]. Дополни-

тельно несколько мест для группы «Зеленые — Европейский свободный альянс» заработали экологически ориентированные партии, не входящие в состав Европейской партии зеленых: два — от Союза крестьян и зеленых Литвы (+1 с 2014 г.), одно — от «Люди — Животные — Природа» Португалии (+1 с 2014 г.) и по одному — от немецких Экологической демократической партии и ПАРТИИ (Партии за труд, верховенство закона, защиту животных, продвижение элиты и демократическую инициативу на низовом уровне). В случае последней еще одно — в составе неприсоединившихся, а в 2014 году — одно среди неприсоединившихся [12].

Если оценивать Северный альянс зеленых и левых, то благодаря одному месту от шведскойлевой партии, одному — от финского левого союза, одному — от датской «Единый список — Красно-зеленая коалиция» и двум — от Социалистической народной партии Дании Альянс приобрел на выборах пять мест, что больше, чем в 2014 году [12]. Однако, как уже упоминалось, Социалистическая народная партия Дании также входит и в состав Европейской партии зеленых. Кроме того, как и в 2014 году, к «левой» группе присоединился также ряд национальных экологически ориентированных политических партий без европейской аффилиации, например Партия защиты животных из Нидерландов.

Данные показатели скорее являются следствием высокой озабоченности северных и ряда западноевропейских государств экологическими проблемами, нежели «левой» повесткой. Как следствие, снижение популярности «левых» идей на текущем историческом этапе развития Европейского союза не компенсировалось их возросшей экологической заинтересованностью. В совокупности как Партия европейских левых, так и группа «Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера» ухудшили свои показатели. Для сравнения: одна только группа получила вместо 52 мест 41, став самой малочисленной [12].

Христианские демократы и социал-демократы ухудшили свои результаты, прежде всего, из-за ряда существенных кризисов, с которыми они столкнулись в последние годы. Сюда можно отнести миграционные и экономические проблемы, а также Брекзит и др. Порой вмешивались и национальные кризисы. В част-

ности, в Германии обе партии — представительницы правящей на тот момент «Большой коалиции» входят в состав двух ведущих политических партий Европейского парламента. Достаточно прогрессивная экологическая риторика Партии европейских социалистов не стала спасением для результатов ее национальных партий-членов.

В результате из оставшихся еврооптимистов помимо «Европейских зеленых» на первый план вышел АЛДЕ. Произошло удачное совмещение проевропейских настроений, отсутствия у населения негативного восприятия и наличия достаточного авторитета в более ранних созывах, а также существенного внимания партии к экологической повестке. Это позволило ей стать третьей по влиятельности европейской партией и улучшить свой предыдущий результат почти вдвое: а формируемая вместе с Европейской демократической партией группа получила сразу 108 мест [1, с. 103—104; 23]. Однако представители «Обновляя Европу» не имели высокой популярности в государствах-членах из Южной Европы [32, р. 22]. Граждане ряда критично настроенных государств-членов, которых мало волновали вопросы экологии (скорее миграция, терроризм, экономика и др.), охотнее голосовали за правых популистов и евроскептиков. В свою очередь последние, как Альянс консерваторов и реформистов в Европе и самое радикально настроенное Движение за Европу наций и свобод, либо ставили во главу угла другие приоритеты, либо игнорировали данную повестку в отличие от ряда своих национальных партий-членов.

Заключение

Сформировавшиеся идеи о необходимости реализации мер по защите окружающей среды и борьбе с изменением климата, подкрепляемые прочной институциональной и нормативно-правовой основой, а также лидерскими амбициями, постепенно набрали популярность и среди граждан государств — членов ЕС. Данная ценностная переориентация внесла изменения в их электоральные предпочтения, а также оказала влияние на переориентацию партий. По результатам влияния экологической повестки (с акцентом на изменении климата) на избирательную кампанию в Европейский парламент в 2019 году можно отме-

тить, что большая часть европейских партий углубила свои экологические воззрения.

Особую активность кроме профильной Европейской партии зеленых проявили Партия европейских социалистов и Альянс либералов и демократов за Европу. Предлагаемый либерал-демократами альтернативный проевропейский курс в целом и высокое внимание к экологическим проблемам в частности позволили получить дополнительную поддержку избирателей, увеличив свои предыдущие результаты практически вдвое. Улучшились результаты и у упомянутой Европейской партии зеленых, традиционно наиболее экологически ориентированной. Тогда как ситуация с крайне левым флангом неоднозначна. С одной стороны, Северный альянс зеленых и левых упрочил свои показатели. Параллельно к «левой» группе добавился также ряд беспартийных, в европейском смысле, экологически ориентированных национальных партий. С другой стороны, в целом «экосоциализм» «Европейских левых» не встречает широкой поддержки у населения, а суммарные показатели группы позволили ей стать только самой малочисленной в избранном созыве.

Результаты евроскептиков и правых популистов показали большую приверженность граждан наименее экономически развитых государств — членов Союза, прежде всего не входящих в еврозону, проблемам экономики, миграции и терроризма. Такой взвешенный подход был обусловлен рациональными соображениями относительно более насущных для своих стран вопросов. Они предпочли либо меньше фокусироваться на повестке, либо использовать ее для критики механизмов текущего экологического управления.

Литература

1. *Лисенкова А.Д.* Адаптация Европейского союза к экологическим тенденциям как фактор развития политических партий на примере АЛДЕ и СВДП // Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития (Мировое развитие. Выпуск 23) / под ред. А.А. Давыдова, З.А. Мамедьярова, М.В. Хорольской и др. — М.: ИМЭМО РАН, 2022. — С. 102–111.
2. *Лисенкова А.Д.* Трансформация климатической повестки праворадикальных партий Европейского парламента// Вестник ученых-международников. — Т. 2. — 2021. — № 16. — С. 46–56.
3. About. ENVI / European Parliament. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/committees/en/envi/about> (accessed: 02.10.2022).
4. Address Given by Jacques Delors to the European Parliament. 17 January 1989 / Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe. — URL: <https://www.cvce.eu/content/publica>

- tion/2003/8/22/b9c06b95-db97-4774-a700-e8aea5172233/publishable_en.pdf (accessed: 02.10.2022).
5. A Europe that Works / Alliance of Liberals and Democrats for Europe. — URL: <https://docplayer.net/380583-A-europe-that-works-european-liberals-are-the-first-to-adopt-election-manifesto.html> (accessed: 02.10.2022).
 6. A New Social Contract for Europe. PES Manifesto 2019 / Party of European Socialists. — URL: https://www.pes.eu/export/sites/default/.galleries/Documents-gallery/PES-Manifesto-2019_EN.pdf_2063069299.pdf (accessed: 07.04.2022).
 7. A sustainable Europe. Policy Paper 3 adopted at the EPP Congress, Helsinki (Finland), 7–8 November 2018 / European People's Party. — URL: https://web.archive.org/web/20190612164314/https://helsinki2018.epp.eu/wp-content/uploads/2018/11/Policy-Paper-3_Helsinki.pdf (accessed: 02.10.2022).
 8. *Bäckstrand K., Elgström O.* The EU's role in Climate Change Negotiations: from Leader to 'Leadiator' // *Journal of European Public Policy*. – Vol. 20. – 2013. – No. 10. – P. 1369–1386.
 9. Building a Europe fit for all its Peoples / European Free Alliance. — URL: https://www.e-f-a.org/wp-content/uploads/2019/04/EFA_manifesto_2019_EN-1.pdf (accessed: 02.10.2022).
 10. Clean energy for all Europeans package / European Commission. — URL: https://ec.europa.eu/energy/topics/energy-strategy/clean-energy-all-europeans_en (accessed: 02.10.2022).
 11. Commission Work Programme: Unleashing Europe's potential / European Conservatives and Reformists Group. — URL: <https://ecrgroup.eu/files/ECR-CWP-brochure-FINAL-VERSION.pdf> (accessed: 02.10.2022).
 12. Comparative tool. 2019 European election results / European Parliament. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/tools/comparative-tool/> (accessed: 02.10.2022).
 13. Dalla Crisi Dell'europa, A Una Nuova Speranza Europea. Il tempo della Rifondazione / Parti Démocrate Européen. — URL: <https://www.republicafutura.sm/wp-content/uploads/2018/06/Manifeste-PDE-IT.pdf> (accessed: 02.10.2022).
 14. Defenders, Delayers, Dinosaurs. Ranking of EU Political Groups & National Parties on Climate Change / CAN Europe. — URL: https://caneurope.org/content/uploads/2019/04/MEP_Assessment_briefing_FIN.pdf (accessed: 02.10.2022).
 15. *Delreux T., Happaerts S.* Environmental Policy and Politics in the European Union. — L.: Macmillan International Higher Education, 2016. — 324 p.
 16. Der Klimaschutzplan 2050 – Die deutsche Klimaschutzlangfriststrategie // Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, nukleare Sicherheit und Verbraucherschutz. — URL: <https://www.bmu.de/themen/klimaschutz-anpassung/klimaschutz/nationale-klimapolitik/klimaschutzplan-2050> (accessed: 22.09.2022).
 17. *Dimitrakopoulos G., Cederschi Id C., Imbeni R.* Activity Report: 1 May 1999 to 30 April 2004 (5th parliamentary term) / European Parliament. — URL: http://www.epgencms.europarl.europa.eu/cmsdata/upload/359cc3d5-343a-4106-b53a-0dca74ca116b/activity_report_1999_2004_en.pdf (accessed: 02.10.2022).
 18. *Dunphy R., March L.* Seven Year Itch? The European Left Party: Struggling to Transform the EU // *Perspectives on European Politics and Society*. – Vol. 14. – 2013. – No. 4. – P. 520–537.
 19. Entscheidung der Behörde für Europäische Politische Parteien und Europäische Politische Stiftungen vom 20. Juli 2017 über die Eintragung der Europäischen Grünen Partei / *Amtsblatt der Europäischen Union*. – 2017. – Nr. C 364/10. Annex A.
 20. EUROPARLAMENTTIVAALIOHJELMA 2019 / VASEMMISTOLIITTO. — URL: <https://vasemmisto.fi/europarlamenttivaaliohjelma-2019/> (accessed: 02.10.2022).
 21. European Alliance for Freedom: Political Party Manifesto / European Alliance for Freedom. — URL: <http://www.eurallfree.org/sites/default/files/eaf-english-manifesto.pdf> (accessed: 13.09.2022).
 22. European Parliament 2019–2024 / European Parliament. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en> (accessed: 02.10.2022).
 23. European Union. Group/Europarty // *Parties and Elections in Europe*. — URL: <http://www.parties-and-elections.eu/eu.html> (accessed: 11.12.2021).

24. Europe Stand Up! / European Democratic Party. – URL: https://www.democrats.eu/sites/default/files/inline-files/2019_PDEManifesteElect_EN_0.pdf (accessed: 11.12.2021).
25. Eurovision Presidential Debate 2019 / European Broadcasting Union. – URL: <https://www.ebu.ch/eurovision-debate> (accessed: 11.12.2021).
26. Freedom, Opportunity, Prosperity: The Liberal Vision for the Future of Europe / Alliance of Liberals and Democrats for Europe. – URL: https://www.aldeparty.eu/sites/alde/files/40-Resolutions/2019_freedom_opportunity_prosperity_the_liberal_vision_for_the_future_of_europe_0.pdf (accessed: 11.12.2021).
27. History. GUE/NGL / The Left in the European Parliament. – GUE/NGL. – URL: <https://www.guengl.eu/history/> (accessed: 02.10.2022).
28. Info. Nordisk grön vänster / *Nordisk Grön Vänster*. – URL: <https://nordicgreenleft.com/info/> (accessed: 02.10.2022).
29. It's Time for Self-Determination for All the Peoples of Europe / European Free Alliance. – URL: https://www.e-f-a.org/wp-content/uploads/2019/01/EFA_3263_manifesto_ENG_230114.pdf (accessed: 02.10.2022).
30. Let's Create a Different Europe / European Left. – URL: https://web.archive.org/web/20190526172323/https://www.european-left.org/wp-content/uploads/2019/01/7392-01_EL_Wahlpr19_A6_EN_V02_190321.pdf (accessed: 02.10.2022).
31. Manfred Weber, a late convert to environmentalism // EurActiv. – URL: <https://www.euractiv.com/section/climate-environment/news/manfred-weber-a-late-convert-to-environmentalism/> (accessed: 02.10.2022).
32. *Mudde C.* The 2019 EU Elections: Moving the Center // *Journal of Democracy*. – Vol. 30. – 2019. – No. 4. – P. 20–34.
33. *Oberthür S.* Hard or Soft Governance? The EU's Climate and Energy Policy Framework for 2030 // *Politics and Governance*. – Vol. 7. – 2019. – No. 1. – P. 17–27.
34. Organisation / European Greens. – URL: <https://europeangreens.eu/organisation> (accessed: 11.12.2021).
35. Our history / The Greens/EFA. – URL: <https://www.greens-efa.eu/en/who-we-are/our-history> (accessed: 11.12.2021).
36. Our Parties / Party of the European Left. – URL: <https://web.archive.org/web/20190713014949/https://www.european-left.org/our-parties/> (accessed: 11.12.2021).
37. Paris Agreement: EU Parliament wants rapid ratification / EPP Group. – URL: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/paris-agreement-eu-parliament-wants-rapid-ratification> (accessed: 22.09.2022).
38. PES Environment and Climate Change Network: Sustainability is the bedrock of socialist policies / Party of European Socialists. – URL: https://pes.eu/news_content.php?id=382 (accessed: 11.12.2021).
39. PES Manifesto "Towards a new Europe" / Party of European Socialists. — URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/partyofeuropeansocialists/pages/1/attachments/original/1397230958/110001306_PES_Manifesto_UK.pdf?1397230958 (accessed: 02.10.2022).
40. *Probst L.* Die Bürgerschaftswahl in Bremen vom 26. Mai 2019: CDU gewinnt, aber Rot-Grün-Rot regiert // *Zeitschrift für Parlamentsfragen (ZParl)*. – Vol. 51. – 2020. – Nr. 2. – S. 263–284.
41. Results of the 2019 European Elections (23–26 May) / European Greens. – URL: <https://europeangreens.eu/2019results> (accessed: 11.12.2021).
42. Retune the EU. Jan Zahradil / European Conservatives and Reformists Party. – URL: <https://www.acreurope.eu/files-acre-system/jz/JZ-Programme.pdf> (accessed: 11.12.2021).
43. *Rüdiger W.* The Greens in the 2014 European Elections // *Environmental Politics*. – Vol. 24. – 2015. – No. 1. – P. 156–162.
44. *Savolainen S., Ylä-Anttila T.* The Climate Change Movement and Political Parties Mechanisms of Social Media and Interaction during the 2019 Electoral Period in Finland // *Nordic Journal of Media Studies*. – Vol. 3. – 2021. – No. 1. – P. 40–60.
45. Special Eurobarometer 415 "Europeans in 2014" // Eurobarometer. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=4114> (accessed: 11.12.2021).

46. Special Eurobarometer 486 “Europeans in 2019” // Eurobarometer. – URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/18ec2762-b33c-11e9-9d01-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-243859962> (accessed: 02.10.2022).
47. STATUTES of the EUROPEAN GREEN PARTY European Political Party (PPEU) / European Greens. – URL: <https://europeangreens.eu/sites/europeangreens.eu/files/EGP%20Statutes%20-%20%20updated%20annex%20B%20-%203rd%20EGP%20Council.pdf> (accessed: 02.10.2022).
48. The new full name of the GUE/NGL Group is “The Left in the European Parliament – GUE/NGL” // Agence Europe. – URL: <https://agenceurope.eu/en/bulletin/article/12637/30> (accessed: 02.10.2022).
49. The 2019 European Elections. A Pro-European – and Young – Electorate with Clear Expectations / European Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2019/election2019/EB915_SP_EUROBAROMETER_POSTEE19_FIRSTRESULTS_EN.pdf (accessed: 02.10.2022).
50. Time to renew the promise of Europe / European Greens. – URL: <https://europeangreens.eu/priorities-2019-what-european-greens-fight> (accessed: 02.10.2022).
51. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // Official Journal of the European Communities (OJEC). – 2007. – No. C 306/1. Art. 9 D (7).
52. Treaty of Maastricht on European Union, signed at Maastricht, 7 February 1992 // Official Journal of the European Communities (OJEC). – 1992. – No. C 191. Art. 138a.
53. Wang C., Keith D. The Greening of European Radical Left Parties: Red and Green Politics // Journal of Contemporary European Studies. – Vol. 28. – 2020. – No. 4. – P. 494–513.
54. Why Vote for the European People’s Party? / European People’s Party. – URL: <https://www.epp.eu/papers/epp-elections-manifesto-2014/> (accessed: 02.10.2022).
55. Zahradil Speaks about the Environment / Alliance of European Conservatives and Reformists. – URL: https://www.ecrparty.eu/article/zahradil_speaks_about_the_environment (accessed: 11.12.2021).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гаврилова Светлана Михайловна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Svetlana M. Gavrilova,

Ph. D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: smgavrilova@gmail.com

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В XXI ВЕКЕ

PAN-EUROPEAN POLITICAL PARTIES IN THE XXI CENTURY

Аннотация: общеевропейские партии, или европартии, в XXI веке стали значимой частью функционирования наднациональных институтов в Европе. Окончательное институциональное и идеологическое оформление и укрепление позиций этих политических объединений связано со сдвигом приоритета в Евросоюзе от экономической к политической интеграции. Деятельности европартий посвящена монография Б. П. Гуселетова «Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы», в которой подробно рассматриваются этапы становления, эволюция, основные направления деятельности и ключевые характеристики десяти официально зарегистрированных общеевропейских партий. В контексте деятельности этих политических объединений рассматривается функционирование общеевропейских политических институтов. На основе исследования Б. П. Гуселетова можно заключить, что европартии в настоящее время являются важными акторами общеевропейского политического процесса, их роль заметно укрепилась со второго десятилетия XXI века. Данный фактор является маркером усиления процессов политической интеграции Евросоюза.

Ключевые слова: политические партии, общеевропейские партии, Евросоюз, Европарламент, фракции, выборы.

Abstract: Pan-European parties, or European parties, in the XXI century have become an important part of the functioning of supranational institutions in Europe. The final institutional and ideological formation and strengthening of these political associations is associated with a shift in priority in the European Union from economic to political integration. B. P. Guseletov's monograph "Pan-European Parties in the XXI century: formation, development, prospects" is devoted to the activities of the European parties, which examines in detail the stages of formation, evolution, main activities and key characteristics of ten officially registered pan-

European parties. In the context of the activities of these political associations, the functioning of pan-European political institutions is considered. Based on B. P. Guseletov's research, it can be concluded that the European parties are currently important actors in the pan-European political process, their role has noticeably strengthened since the second decade of the XXI century. This factor is a marker of strengthening the processes of political integration of the European Union.

Key words: political parties, pan-European parties, the European Union, the European Parliament, factions, elections.

Глобальные изменения в партийно-политическом ландшафте европейских стран последних десятилетий стали признаком трансформации самих основ европейской цивилизации. Рост поддержки представителей «политической альтернативы» в целом ряде государств Европы свидетельствует о назревшем недовольстве в широких слоях электората, стремлении к переменам в сложившейся общеевропейской политической системе. Ключевая роль в данных процессах принадлежит основным акторам политического процесса — политическим партиям и движениям, формирующим облик современной Европы [см. подробнее: **1**; **2**]. В связи с этим особенно важным является изучение процессов становления и развития системы политических партий в Европе, в том числе общеевропейских политических сил, которые в настоящее время уже играют очень заметную роль на европейском пространстве.

Изучению института общеевропейских политических партий посвящена монография Б. П. Гуселетова «Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы», опубликованная в Институте Европы РАН в 2022 году [**3**]. Общеевропейские партии — явление достаточно молодое, сформировавшееся с развитием европейской интеграции, однако международное сотрудничество национальных политических сил уходит корнями еще в период до Первой мировой войны (Социалистический интернационал). Как отмечает Б. П. Гуселетов, «политические партии и их объединения изначально были тесно связаны с европейским интеграционным проектом» [**3**, с. 9]. Именно после институционального оформления Европейского союза в политическую организацию происходит интенсификация сотрудничества между национальными партиями стран — членов интеграционного объединения с близкими ценностно-ориентированными позициями.

Б. П. Гуселетов в своей монографии останавливается на работе Европарламента, отмечая, что за годы функционирования этот орган «заметно эволюционировал в организационном и идейно-политическом плане»: выросло число депутатов, более разнообразным стал спектр представленных в его структуре политических сил [3, с. 10—11]. На начальном этапе развития интеграционных процессов в Европе «единственными межпартийными структурами были фракции, действовавшие в Парламентском Собрании Европейского Сообщества, позднее преобразованного в Европарламент» [3, с. 10], затем на общеевропейском уровне появляются так называемые европартии, постепеннодвигающиеся в сторону полной независимости от национальных партий. В монографии особо подчеркивается, что «важной отличительной особенностью европартий с момента возникновения было их разделение не только по идеологическим признакам, но и по вопросу о будущем ЕС. Одни ратовали за дальнейшее укрепление Евросоюза и, возможно, его трансформацию в квазигосударственное образование, другие выступали против, считая, что европейская интеграция должна быть либо приостановлена (мягкие евроскептики), либо полностью отменена (жесткие евроскептики)» [3, с. 10]. В настоящее время официально зарегистрировано 10 европартий, большая часть которых стоит на «роевропейских» позициях. Б. П. Гуселетов подчеркивает, что помимо традиционного разделения по идеологической направленности европартии делятся также по линии «еврооптимисты — евроскептики». При этом все ведущие европартии «поддерживают идеи формирования единой европейской политической сферы» [3, с. 179]. К еврооптимистам относятся Европейская народная партия (ЕНП), Партия европейских социалистов (ПЕС), Европейская партия зеленых, Европейская демократическая партия, Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ); к евроскептикам — Партия европейских левых, Европейские консерваторы и реформисты (ЕКР), Европейский свободный альянс, Европейское христианско-политическое движение; партия «Идентичность и демократия» находится на радикально евроскептической позиции. В монографии подчеркивается, что поддержка евроскептиков, изначально находившихся в положении маргиналов, заметно возросла после финансово-эконо-

мического кризиса 2008 года, миграционного кризиса в Европе и Брекзита [3, с. 21].

Европартии определяются как «особый тип партийной структуры, функционирующей на общеевропейском уровне и представленной (либо стремящейся быть представленной) через евродепутатов и еврокомиссаров в институтах Европейского союза. Ее деятельность регулируется и финансируется в соответствии с законодательством ЕС, а сама она обычно включает в себя национальные партии из стран — членов ЕС, но также и из других стран Европы и мира» [3, с. 14]. Ключевой характеристикой для формирования европартии из национальных политических партий выступает общая идеологическая основа. Основным элементом деятельности европартий является участие в общеевропейских выборах, проводимых каждые пять лет (последние состоялись в 2019 г.).

Как самостоятельный политический институт европартии возникли в 1979 году, когда были впервые проведены прямые выборы депутатов в Европейский парламент (ЕП). Официально роль европартий в политической системе Евросоюза была закреплена в статье 138 а Маастрихтского договора 1992 года: «Политические партии на европейском уровне важны как фактор интеграции в рамках Союза. Они способствуют формированию европейского сознания и выражению политической воли граждан Союза» [5, р. 49]. В Европарламенте европартии представлены фракциями (группами), сформированными либо на базе одной партии, либо на основе нескольких европартий. Как отмечает Б. П. Гуселетов, «практически у всех общеевропейских партий существует разделение функций с их группами в ЕП. Условно говоря, партии уделяют больше внимания разработке общей политики, а их парламентские группы сосредоточены на ее реализации» [3, с. 80]. Фракции европартий в Европарламенте могут быть сформированы при условии партнерства политических партий из семи стран, при минимальной численности 25 депутатов. Важно подчеркнуть, что в состав европартий входят не только политические партии стран — членов ЕС, но и представители других государств.

Как уже отмечалось, по состоянию на 2022 год официально зарегистрировано 10 европартий [4], составляющих в Европей-

ском парламенте 7 фракций. Согласно Лиссабонскому договору победившая на евровыборах европартия может предложить кандидата на пост председателя Еврокомиссии. Только четыре европартии — ЕНП, ПЕС, АЛДЕ и ЕКР — представлены и в Европейском совете, и в Европейской комиссии. Количество политических групп Европарламента выросло с 1979 года, причем их идеологический облик заметно изменился: из представителей «традиционных» фракций фактически остались только демократы, либералы и социалисты, — при этом все они в действующем созыве (2019 г.) распределены по разным фракциям [6].

В монографии Б. П. Гуселетова большое внимание уделяется процессу институционализации европейских партий, выделяются его ключевые этапы. Основываясь на научных работах ряда европейских исследователей, автор относит начало данного процесса к 1970-м годам, «когда были учреждены и официально зарегистрированы три ведущие организации такого типа: левоцентристская Конфедерация социалистических партий Европейского сообщества..., консервативная Европейская народная партия и Либерально-демократическая федерация либеральных и демократических партий Европы» [3, с. 22—23]. Второй этап институционализации европартий приходится на конец 1980-х — начало 1990-х годов и связан с кодификацией законодательства ЕС. Третий этап связан с подписанием в 1992 году Маастрихтского договора, закрепившего статус «политических партий европейского уровня» как «важного фактора интеграции». Следующим важным событием стало принятие положения о финансировании европартий в Амстердамском договоре 1997 года [3, с. 23—24]. После принятия этих двух документов «Европарламент и его фракции стали играть более заметную и важную роль в политической системе ЕС, заняв соответствующее место в законотворческом процессе наряду с Европейским советом» [3, с. 24]. Финальный этап институционализации европейских партий относится к периоду 2004—2007 годов, когда по итогам расширения ЕС «членская база европартий заметно расширилась» [3, с. 24]. В данном контексте важным фактором стало то, что в состав интеграционного объединения вошел ряд стран Центральной и Восточной Европы и Балтии и произошло существенное расширение состава общеевропейских партий.

Именно в 2004 году была утверждена процедура финансирования европартий, затем — расширение их полномочий. С этого времени европартии имеют право на проведение предвыборных кампаний в период общеевропейских выборов и на формирование фракций в Европарламенте. Следующим важным шагом укрепления статуса и имиджа европартий стало принятие Лиссабонского договора 2007 года. Таким образом, за сравнительно небольшой период происходит заметная трансформация системы европартий, превратившихся в значимых акторов общеевропейского политического процесса.

В научной литературе существует несколько точек зрения на роль европартий в структуре ЕС и их соотношение с национальными политическими силами. В рассматриваемой монографии автор выделяет три основных подхода: европартии являются проводниками интересов политических элит стран — членов ЕС и транслируют позиции национальных партий; европартии обладают самостоятельностью только в ряде аспектов своей деятельности, например при разработке общеевропейской политики в сфере финансов, науки, образования; европартии являются значимым элементом политической системы ЕС и играют более заметную роль, чем национальные партии [3, с. 18]. Наиболее реальным представляется второй подход: европартии действительно обладают определенными полномочиями и свободой в сфере формирования указанных направлений общеевропейской политики, однако электоральные процессы всё же происходят на национальном уровне, и позиции национальных политических объединений в данном контексте представляются более устойчивыми. Б. П. Гуселетов в своей работе отмечает интересный факт: укрепление позиций евроскептиков на национальном уровне, в том числе «жестких», сыграли позитивную роль в общеевропейском контексте, поскольку рост дискуссий вокруг будущего ЕС и соотношения наднациональной и национальной компетенций спровоцировал рост общественного интереса к европартиям и стал причиной повышения явки на выборах 2019 года в Европарламент [3, с. 26].

Большое внимание в монографии Б. П. Гуселетова уделяется структуре, истории и особенностям эволюции действующих европейских партий. *Европейская народная партия* в действующей

щем созыве Европарламента имеет самую большую по численности фракцию — 176 депутатов [6]; в ее состав входят 82 национальные европейские партии. Председателем партии является председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен. ЕНП была образована в 1976 году. Она — одна из старейших европартий и традиционно пользуется широкой поддержкой избирателей. Автор монографии предполагает, что, несмотря на внутренние сложности ЕНП, «можно предположить, что в ближайшие 5—10 лет эта партия сохранит свои ведущие позиции на политической арене ЕС» [3, с. 37].

Отдельное внимание уделяется *Партии европейских социалистов*, которая формирует вторую по численности группу в Европарламенте «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» — 145 депутатов [6]; в состав ПЕС входит 57 партий. В монографии подчеркивается, что в 2019 году социал-демократы во многих странах Европы переживали подъем, что позволило ПЕС получить широкую электоральную поддержку на двух последних европейских выборах [3, с. 45—46]. «Анализ итогов деятельности ПЕС и ее партий-членов за последние годы показал, что опасения по поводу их возможного исчезновения с партийно-политического поля Европы преувеличены. Есть все основания предполагать, что в ближайшие, по крайней мере, 1—2 электоральных цикла (до 2029 г.) эта политическая сила останется одной из ведущих в Старом Свете и продолжит соперничество с консерваторами из ЕНП за потенциальное лидерство в ЕС» [3, с. 46]. Б. П. Гуселетов полагает, что именно ПЕС добилась наибольших успехов в плане укрепления своего влияния на общеевропейском уровне [3, с. 135]. Очевидно, это стало возможным благодаря активной работе партии с гражданским обществом и высокой степени координации деятельности партий — членов ПЕС.

Партия с либерально-демократической идеологией *Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ)* в 2019 году сформировала третью по величине парламентскую группу ЕП «Обновить Европу» численностью в 103 депутата [6]; в состав АЛДЕ входят 36 европейских партий. В монографии подчеркивается, что либералы и либерал-демократы утвердились на позициях третьей силы в Европе, заметно отставая от консерваторов

и социал-демократов ввиду широкой поддержки двух последних течений «основными социальными стратами буржуазного сообщества» [3, с. 51], и можно предположить, что «в ближайшие 5—10 лет АЛДЕ и ее члены сохранят свои высокие позиции в органах представительной и исполнительной власти ЕС и его стран-членов» [3, с. 56].

Европейская партия зеленых (ЕПЗ), созданная в 2004 году, является молодой европартией; при этом ее фракция «Зеленые — Европейский свободный альянс» в ЕП по численности занимает четвертое место (72 места [6]). В ЕПЗ входят 37 партий из разных стран. Активная деятельность «зеленых» на общеевропейском пространстве в начале XXI века позволяет утверждать, что «ЕПЗ уже не нишевая партия, она поддерживает процесс дальнейшей интеграции Евросоюза, имеет свою четкую политическую позицию по всем основным вопросам настоящего и будущего ЕС и пытается конкурировать со старожилками европейской политики. <...> Можно однозначно констатировать, что влияние “зеленых” партий в странах Европы неуклонно растет. <...> Есть все основания предполагать, что в дальнейшем представители этих партий смогут возглавить правительства ряда европейских стран, а также будут представлены в Еврокомиссии и Европейском совете» [3, с. 64—65].

Партия *Европейских консерваторов и реформистов (ЕКР, бывший «Альянс европейских консерваторов и реформистов», АЕКР)*, находящаяся на позициях консерватизма и экономического либерализма, была учреждена (под другим названием — Европейские консерваторы и реформисты) в 2009 году, по итогам выборов 2019 года стала шестой по численности в Европарламенте (64 депутата [6]), включает 38 членов. К выборам в ЕП 2019 года ЕКР подошла в сложных условиях размежевания партий-членов, однако результаты выборов показали, что, «хотя альянс понес существенные потери и откатился на шестое место среди других европартий, ему удалось избежать катастрофического сценария. Более того, партия относительно безболезненно пережила Брекзит и уход ряда бывших членов за счет расширения географии своего представительства... Увеличение числа партий из стран Евросоюза в альянсе, которое способствует большему привлечению в его ряды представителей поли-

тических элит, в определенной мере свидетельствует о росте популярности и влиятельности на общеевропейской политической арене. Но вряд ли в ближайшие 5—10 лет сбудется мечта нынешних лидеров сделать его ведущей общеевропейской консервативной политической силой» [3, с. 73—74].

Партия европейских левых (ПЕЛ), отстаивающая принципы коммунизма и демократического социализма, имеет в ЕП 39 депутатских мест [6], насчитывает 25 членов. Основой ПЕЛ является движение еврокоммунистов; сама партия была учреждена в 2004 году. По итогам выборов в ЕП 2019 года ПЕЛ понесла значительные потери и занимает седьмое место по числу депутатов. Как полагает Б. П. Гуселетов, «последовательное расширение географического представительства в ПЕЛ членов из стран ЕС и вне его свидетельствует о некотором росте влияния этого идейно-политического движения в Европе. Но динамика электоральных результатов ПЕЛ за минувшие годы позволяет предположить, что в следующие 5—10 лет европейские левые вряд ли смогут стать одной из ведущих политических сил Евросоюза» [3, с. 84].

Партия «Идентичность и демократия» (ИД), как указывалось выше, является единственным радикальным евроскептиком в Европарламенте. ИД стоит на позициях национализма и является ярким представителем европейских популистов. Фракция ИД в ЕП — пятая по численности (65 депутатов [6]); в ее состав входят 17 партий и движений. Предшественниками ИД был целый ряд европейских националистических и праворадикальных партий Европы, успехи которых на национальных выборах позволили им консолидироваться и на общенациональном уровне, однако к европейским выборам 2019 года это движение подошло ослабленным из-за выхода партии Н. Фараджа по итогам Брекзита. Европейские националисты сумели консолидироваться, под новым названием и по итогам выборов добиться заметных успехов. Важно отметить, что многие партии — члены ИД расширили свою поддержку на национальном уровне. «Сегодня радикальные евроскептики представляют собой укоренившуюся на политической арене Евросоюза политическую силу, которую отличает не только резко негативное отношение к политическим институтам ЕС, но сочетание националистических и антииммигрантских идей с ценностями партисипативной демократии. Они

выступают за бóльшую открытость и подотчетность структур Евросоюза, требуют воспретить их необоснованное вмешательство в дела стран Союза и являются жесткими противниками ведущих партий европейского истеблишмента: ЕНП, ПЕС, АЛДЕ. Последовательное расширение представительства сторонников Иид в странах ЕС свидетельствует о росте их влияния. Учитывая динамику ее электоральных результатов в последнее десятилетие, правомерно ожидать, что за 5—10 лет эта партия может стать одной из ведущих политических сил Евросоюза» [3, с. 94].

В своей монографии Б. П. Гуселетов подчеркивает, что три из десяти зарегистрированных европартий в настоящее время не имеют собственных отдельных фракций в Европарламенте и «находятся на периферии партийно-политической системы ЕС» [3, с. 94]. К ним относятся *Европейская демократическая партия (ЕДП)*, *Европейский свободный альянс (ЕСА)* и *Европейское христианско-политическое движение (ЕХПД)*.

ЕДП, основанная в 2004 году на базе ряда проевропейских центристских партий, занимает девять мест в Европарламенте. Восемь ее членов входят во фракцию «Обновить Европу». «Ни в данный момент, ни в более отдаленной перспективе ЕДП не сможет претендовать на формирование собственной фракции в Европарламенте и относительно самостоятельную роль на европейской политической арене» [3, с. 98].

ЕСА был образован в 1981 году, состоит из ряда региональных политических сил и имеет семь депутатских мест. Не сформировав собственной фракции, его представители входят в группу «Зеленые — Европейский свободный альянс» и в группу ЕКР. Низкий уровень представительства свидетельствует о крайней непопулярности регионалистов у европейского электората. «Следует признать, что идеологическая платформа ЕСА не пользуется сегодня особой популярностью в подавляющем большинстве стран — членов ЕС. <...> Можно предположить, что в ближайшие 1—2 общеевропейских электоральных цикла ЕСА вряд ли сможет заметно укрепить свои позиции и, скорее всего, так и останется на периферии общеевропейского политического процесса» [3, с. 102].

ЕХПД объединяет национальные партии христианско-демократического толка (13 партий), было официально зарегистрировано в 2005 году. Его представители входят в разные группы

ЕП. Очевидно, что «в своем нынешнем виде ЕХПД и его члены не могут рассчитывать на укрепление позиций на национальном и европейском уровнях. Их потенциальная электоральная ниша плотно занята такими грандами, как Европейская народная партия и партия “Европейских консерваторов и реформистов”» [3, с. 104—105]. Это связано прежде всего с тем, что христианская идеология в политике потеряла свои позиции в большинстве стран Европы. Таким образом, ни одна из указанных трех европартий, не имеющих собственной фракции в ЕП, определенно не обладает потенциалом расширения электоральной поддержки в обозримом будущем.

В своей работе Б. П. Гуселетов акцентирует внимание и на «новых» европартиях — не зарегистрированных официально, но уже принимающих активное участие в выборах; их в настоящее время существует девять. При этом все они, безусловно, находятся на периферии общеевропейской партийной системы [см.: 3, с. 105—116]. «У каждой из девяти новых европартий, не имеющих официальной регистрации в ЕС, есть собственная, чаще всего достаточно узкая идейно-политическая ниша, которую они стремятся постепенно расширять, чтобы поднять свои электоральные рейтинги. Но так называемые “партии одной проблемы”, скорее всего, не имеют будущего, что доказывают результаты их участия в европейских и национальных выборах. Определенные перспективы, возможно, есть у недавно организованных праволиберальной партии “Вольт Европа” и левоцентристской “Движение за демократию в Европе 2025”» [3, с. 116].

Особого внимания заслуживает тот факт, что в настоящее время на национальном уровне общеевропейского пространства появляются и так называемые киберпартии. Б. П. Гуселетов, рассматривая эти политические силы, отмечает, что методы их деятельности — активность в киберпространстве, «прямая демократия», сокращение партийного аппарата — берутся на вооружение и традиционными политическими силами, в том числе европартиями [3, с. 16]. Первая общеевропейская «киберпартия» — «Вольт Европа»¹ — возникла в 2017 году и по итогам выборов в Европарламент 2019 года получила одно место в этой структуре.

¹ При этом партия пока не является официально зарегистрированной европартией.

В контексте новых потрясений для общеевропейской политической системы во втором десятилетии XXI века роль и деятельность европартий претерпели некоторые изменения. Так, Б. П. Гуселетов отмечает, что «выборы 2014 г. наглядно продемонстрировали сохранение наметившейся <...> тенденции сокращения электоральной базы двух основных партий: ЕНП и ПЕС» [3, с. 117]. В то же время успехов добились евроскептики, в том числе праворадикальные, как на национальном, так и общеевропейском уровне. «Выборы 2019 г., которые проходили после миграционного кризиса и в разгар процедуры выхода Великобритании из Евросоюза, еще более усилили тенденции снижения электоральной привлекательности партий мейнстрима ЕНП и ПЕС. Они впервые не смогли даже вдвоем обеспечить относительное большинство в ЕП. Продолжился и рост популярности евроскептиков, особенно правых» [3, с. 118]. Ключевую роль в данном процессе сыграл миграционный кризис в Европе и сопровождавшие его трансформации электоральных предпочтений в отдельных государствах. Б. П. Гуселетов в своей работе подчеркивает, что в 2019 году успеха добились в связи с ростом популярности национальных сил, входящих в их состав, либеральная АЛДЕ и ЕПЗ [3, с. 120].

Во втором десятилетии XXI века Европейский союз столкнулся с целым рядом серьезных вызовов, испытывавших на прочность европейский наднациональный проект. В этот период особенно остро актуализировалась проблема формирования устойчивой общественно-политической системы общеевропейского уровня. Важную роль в данном процессе как раз играют европартии как новые полноценные акторы политического пространства Европы. Важной характеристикой ведущих европартий является тот факт, что все они поддерживают идею усиления европейского суверенитета [3, с. 127] и выступают за укрепление общеевропейских ценностей и европейской идентичности. В то же время евроскептические партии ЕП, заметное укрепившие свои позиции в последнее десятилетие, играют всё более заметную роль на общеевропейском уровне. Б. П. Гуселетов полагает, что именно европейские выборы 2019 года стали началом усиления противостояния еврооптимистам и евроскептикам [3, с. 133].

Отдельное внимание в монографии Б.П. Гуселетова уделяется *фракциям европартий* в ЕП. В Европарламенте после выборов 2019 года сформировано семь фракций: группа ЕНП, «Прогрессивный альянс социалистов и демократов», «Обновить Европу», «Зеленые — Европейский свободный альянс», «Идентичность и демократия», Европейские консерваторы и реформисты и «Объединенные европейские левые — Левые зеленые Севера» [см. подробнее: **3**, с. 143—171]. Работа представителей фракций Европарламента заметно активизировалась после выборов 2019 года. Так, вопрос о принятии финансового плана и антикризисной программы для стран ЕС на 2021—2027 годы вызвал серьезные дискуссии среди евродепутатов. Б.П. Гуселетов подчеркивает, что они «не будут больше механически поддерживать предлагаемые им Евросоветом и еврокомиссией документы и намерены занимать активную позицию в ходе разработки, утверждения и реализации многолетнего финансового плана» [**3**, с. 178]. При этом замечания представителей ЕП касаются прежде всего сфер здравоохранения, образования, науки, защиты природы и преследуют цель не допустить снижения финансирования этих областей. Важно отметить, что евродепутаты требуют «увязать объемы финансирования того или иного государства Союза с соблюдением им принципов верховенства права» [**3**, с. 178], а также настаивают на необходимости обеспечения наднациональных структур собственными доходами, не зависящими от взносов государств-членов. Всё это свидетельствует о начале нового этапа функционирования наднациональных институтов Единой Европы, фактически об углублении политической интеграции в ЕС.

К настоящему времени европартии стали значимым элементом политической системы Евросоюза. Процесс их укрепления в этом статусе начался уже в последнее десятилетие XX века, однако ключевыми этапами на этом пути стали последние выборы в Европарламент. В своей монографии Б.П. Гуселетов также приходит к важному выводу о том, что система европартий окончательно сложилась в ЕС по итогам выборов в ЕП 2014 и 2019 годов [**3**, с. 121].

Само возникновение общеевропейских партий стало признаком развития процесса политической интеграции ЕС, однако

именно их утверждение в статусе неотъемлемых и активно действующих акторов на общеевропейской арене подтвердило, что Евросоюз серьезно продвинулся на этом пути. Логично, что роль традиционных политических институтов, в том числе политических партий, стала более заметной на наднациональном уровне в Европе после сдвига приоритета от экономического к политическому измерению интеграции. Важным фактором в данном контексте стала череда кризисов ЕС (финансовый, миграционный, Брекзит, пандемия COVID-19), повлиявших на положение внутри Евросоюза и актуализировавших необходимость формирования более устойчивого и интегрированного политического пространства в Европе.

Литература

1. *Гаврилова С.М.* «Несистемные» политические партии в странах Европы // *Международная жизнь*. – 2018. – № 10. – С. 125–140.
2. *Гаврилова С.М.* Рост правопопулистских настроений и кризис традиционных политических партий в Европе // *Дипломатическая служба*. – 2017. – № 6 (75). – С. 19–27.
3. *Гуселетов Б.П.* *Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы: монография*. – М.: Ин-т Европы РАН, 2022. – 196 с. – (Доклады Института № 388).
4. Registered Parties // Authority for European Political Parties and European Political Foundations. – URL: <https://www.appf.europa.eu/appf/en/parties-and-foundations/registered-parties> (accessed: 12.09.2022).
5. Treaty on European Union // CVCE EU. – URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2002/4/9/2c2f2b85-14bb-4488-9ded-13f3cd04de05/publishable_en.pdf (accessed: 14.09.2022).
6. Stay Informed // European Parliament. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/portal/en> (accessed: 12.09.2022)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– для книжных изданий: Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– для интернет-источников:

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2022. № 4 (34)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 05.12.2022. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 14.75
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5